

ЮРГИС
БАЛТРУШАЙТИС

ДЕРЕВО В ОГНЕ

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС

ДЕРЕВО В ОГНЕ

ЮРГИС
БАЛТРУШАЙТИС

ДЕРЕВО В ОГНЕ

Стихи

ВИЛЬНИУС 1983

84 Лн 1
Б20

Составление и примечания
Ю. ТУМЯЛИСА

Издание второе

Б $\frac{4702360100-051}{М 852(08)-83}$ 352—83

...КОГДА думаешь о судьбе Юргиса Балтрушайтиса, на память приходят слова известной актрисы Алисы Коонен: «Балтрушайтис вошел в мою жизнь незаметно, как бы неслышными шагами. И очень скоро его присутствие стало привычным».

Стоит вспомнить ошеломляющий дебют его ровесника В. Брюсова или шумную известность К. Бальмонта, близких друзей поэта по символистскому лагерю, чтобы оценить «неслышность», с какой входил он в литературу.

Еще в 1903 году Брюсов, уже известный поэт, перечисляя в одном из писем авторов, чьими книгами издательство символистов «Скорпион» намеревается дать «генеральное сражение», называет, помимо себя самого, К. Бальмонта, А. Белого, З. Гиппиус, И. Коневского, Д. Мережковского, Ф. Сологуба и Ю. Балтрушайтиса.

Но книга его все не выходит и не выходит. Уже меркнет на поэтическом небосклоне комета Бальмонта и ярко разгорается звезда Александра Блока, уже готовятся собрания сочинений сподвижников Балтрушайтиса и даже более молодых его коллег, а он еще работает над своим первым сборником — «Земные ступени» (1911).

Следующий сборник Балтрушайтиса «Горная тропа» (1912) оказывается его последней прижизненной книгой на русском языке: «Лилия и серп», начатая еще до первой мировой войны, вышла в

свет спустя более 35 лет в Париже, уже после смерти автора.¹

«Неслышность», «незаметность» появления Балтрушайтиса в литературе отвечала и самому характеру его поэзии.

Даже весьма сочувственно относившиеся к нему критики полагали, что «едва ли к Балтрушайтису придет когда-нибудь широкая известность, и имя его будет популярным»... «Слишком укромны те уединенные тропинки, которые, по преимуществу, выбирает его необщительная муза», — писал посвятивший поэту специальный этюд С. С. Розанов.

За Балтрушайтисом прочно укрепилась репутация поэта строгого и замкнутого в своем мире, отрешенного от жизни с ее суетой. Вот каково первое впечатление, производимое его стихами, по мнению одного из крупнейших деятелей символизма Вячеслава Иванова: «Словно из-за развесистых старых деревьев, — наполовину заглушенная серою толщей церковных стен, — зазвучала органная fuga. И вот уже сбежала с уст суетная улыбка, и внезапно отрезвился готовый к полету дух, — между тем как ухо с удовлетворением отмечает верность и благородство естественно расцветающих мощных форм. Какое богатство внутренних (душевных) и внешних (музыкально-словесных) звучаний и отзвуков — и с каким художническим целомудрием притушен этот блеск суровым спокойствием и горделивым воздержанием от вызывающих

¹ Подробнее о жизни и творчестве Ю. Балтрушайтиса рассказывается в книге В. Дауэтите «Юргис Балтрушайтис», которую издательство «Вага» предполагает выпустить в 1983 году.

удивление и любопытство приманок, угодливых прельщений, своекорыстных умыслов. Ничего настоящего, усиливающегося и насильственного, ничего навеянного модою и условностью новизны или старины не уловит слушатель в этих, спетых звездам, безвременных стихах».

Конечно, умный и талантливый дипломат, каким был Вячеслав Иванов, и тут отчасти выступал «ловцом человеков», стремясь обворожить Балтрушайтиса, настороженно относившегося к некоторым сторонам его деятельности.

И все же В. Иванов тонко и верно подметил многое в творчестве Балтрушайтиса, в частности, его «художническое целомудрие» и воздержание от «приманок».

Недаром поэт воспевал скромный северный цветок — вереск:

Его лазурный, долгий век
Красив в росе, красив сквозь снег...
Пыланье розы, цвет гвоздик
Угрюмо чахнет в серый миг...
А он упорно, дни и дни,
Стократ наряднее в тени...

(«Твой знак пред жизнью — вереск гор...»)

Вдумчивее подходит В. Иванов и к тому вопросу, который столь категорически, сплеча решил Валерий Брюсов, писавший в своем отзыве на «Земные ступени»: «Основной пафос поэзии Ю. Балтрушайтиса — символизация всей окружающей его действительности... Балтрушайтис ничего в жизни и ничего в мире не принимает просто, как явление, но во всем хочет видеть иносказание, символ».

В. Иванов же, считая Балтрушайтиса одним из утвердителей литературной школы, «присвоившей себе» имя символизма, оговаривается, что его творческий метод — «далеко не всегда метод чистого символизма».

Сопоставление этих высказываний говорит не только о разных оценках конкретного литературного явления — творчества Балтрушайтиса, но и о зыбкости самого понятия «метод чистого символизма», не совпадающего у двух признанных вождей течения.

Говоря о «литературной школе, присвоившей себе это имя», В. Иванов явно метит в Брюсова — инициатора и основного автора сборников «Русские символисты», а впоследствии лидера московского крыла течения. «Присвоение» же заключается в том, что, по мнению В. Иванова, символизм отнюдь не ограничивается узко-литературными рамками, как то декларировал Брюсов, а обнимает несравненно более широкие сферы, ставя себе задачей религиозное преобразование жизни и искусства, которое должно вернуть себе прежнее, могучее, магическое влияние на людей, вновь войти в их ежедневный обиход, как то было хотя бы в античные времена.

Истоки символизма были вообще довольно многообразны, различные поэты приходили к нему глубоко индивидуальными путями, придавая этому течению крайнюю пестроту и противоречивость — от воинствующего субъективизма до смутного, мистифицированного отражения зреющих в мире социальных переворотов.

Психологию обращения Балтрушайтиса к симво-

лизму помогает понять одно высказывание Андрея Белого: «Жизненный механизм направляет русло переживаний не туда, куда мы стремимся¹, отдает нас во власть машин... Власть мгновений — естественный протест против механического строя жизни. Человек, изредка освободившийся, углубляет случайный момент освобождения, устремляя на него все силы души. При таких условиях человек научается все большее и большее видеть в мелочах. Мелочи жизни являются все больше проводниками Вечности. Так реализм неприметно переходит в символизм».

Роковым образом, однако, эта «защитная реакция» индивидуальности художника вскоре превращается в своего рода агрессию по отношению к реальной действительности. Ревнивое отстаивание индивидуальности и ее прав на свое видение мира начинает обнаруживать и отрицательные стороны. Вместо того чтобы расширяться, поле наблюдения начинает суживаться, и художник порой целиком погружается в исследование своего «я», воспринимая «внешнюю» действительность как посягательство на свою «суверенность».

«Мы проходим через окружающую жизнь, чуждые ей, — признавался впоследствии Брюсов, — (и это, конечно, одна из самых слабых наших сторон) словно идем под водой в водолазном колоколе...

¹ Любопытно сопоставить с этим описание московской жизни, сделанное Балтрушайтисом в письме к А. А. Дьякову в 1907 г.: «Здесь... человек как песчаный остров на быстрой реке. Каждый час уносит по песчинке и в одну неделю срывает все. А я так не люблю дробления души и воли!»

Мы так жаждем «прозрачности», что видим только одни ослепительные лучи потустороннего света, и внешние предметы, как стекло пронизанные им, словно уже не существуют».

Балтрушайтис принимает живейшее участие в складывании русского символизма. Он — активный сотрудник альманаха «Северные цветы» и журнала «Весы», фактически возглавлявшихся Брюсовым, на которого Балтрушайтис в то время возлагал огромные надежды как на реформатора современной литературы. Его статей просит «Мир искусства», он какое-то время принимает участие и в «Золотом руне».

Самый рубеж XIX и XX веков — пора наибольшей близости Балтрушайтиса к символизму, отчетливо проявляющейся и в его высказываниях и в стихах. Как основной свой философский тезис провозглашает он в письме к Брюсову (1901) «...соседство с миром иным, мера соприкосновения с которым есть единственная мера нашей ценности и искание которого, должно быть, составляет наш единственный смысл». Ортодоксально-символистские мотивы звучат и в стихах поэта:

Час закатный — час прозренья
В тайну божьей глубины...
Полный темного волненья,
Лунный Рыцарь ждет луны...

Скоро-скоро осенится
Тайным блеском смертный взор,
В час, когда засеребрится
Нескончаемый простор...

(«Час покоя! Стелет тени...»)

Пусть люди о хлебе их черством
Ведут нескончаемый спор...

Всем жаром души своевольной
Будь предан иному труду,—
Ты слишком упорно и больно
Метался в бесплодном бреду!

(„*Silenzio*“)

«Бесплодный бред» — это людская жизнь со всеми ее «низменными» «земными» страстями. Значительно позже поэт горько посетует на свое прежнее неприятие жизни:

Я гордо мудрствовал когда-то,
Что беглый жар в людской душе —
Лишь вечной цельности утрата,
Лишь шелест вихря в камыше...
И сердце билось и черствело,
Себя отняв от бытия...

(«*Я гордо мудрствовал когда-то...*»)

Действительно, почти все писавшие о нем сходились на том, что «Балтрушайтис почти не говорит ни о чем единоличном, конкретном» (Брюсов), что «редко привлекает поэта единичное, конкретное, и то лишь поскольку оно представляет общую идею» (В. Иванов).

Однако, несмотря на все правомерно-символистские декларации Балтрушайтиса и старательное следование им, «бытие» все же разнообразными путями просачивалось в его поэзию.

Критики отмечали, что в его стихах читатель не отыщет «ничего внешне-биографического». Действительно, Балтрушайтису совершенно чужда та откровенная и не лишенная рисовки демонстрация любых мгновений своей жизни, которой отдали щедрую дань Бальмонт и Брюсов.

Примечательно его признание в письме к А. А. Дьяконову от 1905 года: «...сказать-то много, да все это один лишь хриплый крик... как-то не решаешься вваливаться в чужую избу, когда в снегу — грязи, в пыли дорожной. Дайте срок встряхнуться да приосаниться».

При чтении его стихов очень важно помнить, что это — плод долгих размышлений (недаром столь часто у него встречается название «Раздумье»), выверенные и взвешенные итоги пережитого и пережитого.

«Пламени восторга он дает остыть», как писал о характере поэтического вдохновения Балтрушайтиса С. С. Розанов. Операция для лирика небезопасная, довольно редкая и роднящая Балтрушайтиса уже скорее не с самими символистами, столь дорожившими как раз первыми впечатлениями, а с такими поэтами-философами прошлого века, как Баратынский и Тютчев.

И если тяготение к тютчевскому образу ночи, приоткрывающей перед человеком глухие тайны космоса и миров иных, с Балтрушайтисом разделяли и многие другие символисты, считавшие этого поэта своим предшественником, то другой его трагически-гордый мотив — «борьбы непреклонных

сердец» с роком, судьбой, на которую «завистливым оком» взирают даже боги-олимпийцы, — был слышан разве что еще Блоком.

Мятущуюся, не удовлетворенную уже найденными в символизме «ответами» мысль выдает письмом Балтрушайтиса к Брюсову из путешествия по Норвегии (июнь 1901 г.): «Когда бродишь здесь среди полуобнаженных, совершенно безлюдных скал, когда добираешься до какого-нибудь места, откуда вдруг открывается свободное море, какая-то тревога овладевает человеком и неотложно, сейчас же, хочется узнать окончательную судьбу людей. И притом видишь, что к этому знанию можно прийти не путем сплетения каких бы то ни было мудрых силлогизмов, а как-то проще, непосредственнее, ясновидением или наитием, что ли... Но ни этого наития, ни достаточной силы мышления не оказывается. И тогда вдруг потянет к рынку, к непомнящим себя людям, к той пляшущей суете, которая живет, сколько может, плачет, когда горько, но ничего не предрешает и ничего не хочет узнать наперед. Эх, дорогой Валерий, есть чем похвалиться, бесспорно, а того важного знания маловато. И вот я ищу его, подставляю решето под водопад своих мгновений и... молчу о добытом».

«Водопад мгновений» не соткан для Балтрушайтиса из одних сверкающих капель и стоящей над ними радуги. В его гуле он все чаще слышит «шум борьбы глухой и тщетной», звучащий «горьким зовом» в трудный и страждущий мир.

Даже сквозь философски-отвлеченные образы его стихов просвечивают, оберегая их от холода

рассудочности, реальные жизненные картины нужды, заботы:

В синий полдень, в поле льна
Ходит синяя волна,—
Пестрым цветом луг порос.
Жаль, что скоро сенокос!

Это «Раздумье» — о краткости отпущенных человеку сроков, но особенную трогательную убедительность ему придает конкретная земная основа — северный, родной литовский или русский пейзаж.

Много пахарь бросил зерен,
Много ль будет на гумне!

И здесь философский смысл тесно переплетен с хорошо знакомыми поэту превратностями крестьянского хозяйствования.

«Каким бы волшебным кругом ни очерчивал свою жизнь человек, — писал Балтрушайтис А. А. Дьяконову в мае 1904 года, — он совсем ненадежен во многих местах, и этому жалкому отгороженному месту все равно приходится отражать все волнения и бури, какие проносятся в неизмеримом море вещей, лежащих вне его».

Так «ужасающим ураганом» пронеслась через все мирозерцание поэта, по его собственному признанию, русско-японская война. События 1905 года застали семью Балтрушайтисов за границей. «С твоим мнением, что революция неизбежна, я вполне согласна, — писала М. И. Балтрушайтис, жена поэта, А. А. Дьяконову в марте 1905 года. — Политическая жизнь России, ее внутреннее состояние

и война стали и моей жизнью. Живешь исключительно этим».

К поражению революции Балтрушайтисы, при всей их политической наивности, относятся с горечью. И по сравнению с этими огромными событиями поэт уже не может по-прежнему воспринимать жизнь того литературного кружка, которая раньше почти всецело его занимала. «В Москву и хочется и не хочется, — пишет он А. А. Дьяконову 19 июля 1906 г. из Германии. — Боюсь старых и новых нелепостей. Не хотел бы также дать привлечь себя к старинному пусканию мыльных пузырей».

Общественно-литературная атмосфера, воцарившаяся в годы реакции, находит в Балтрушайтисе решительного противника, разочаровывающегося даже в своих ближайших друзьях.

В известных мемуарах Андрея Белого Балтрушайтис тех лет упоминается с неизменной симпатией, но сама его характеристика вряд ли отличается особой глубиной. «Мирен во всем, — утверждает Белый; — он коровкою божьей сидел... примерений елей ля на кусающих, злобных «весовцев»...»

Но, читая письма поэта времен реакции, обнаруживаешь, что этому действительно добрейшему человеку присуще остро сатирическое восприятие окружающего.

«Время общественной сатиры — наше время. Эпоха мелкого блуда (в благородном значении этого слова)», — пишет он и, помимо этого яркого определения, дает почти щедринские зарисовки:

«В людях — послемасленичная икота. А Вы, полагаю, знаете, как умеют икать в Москве. Много-

значительно и величаво, с каким-то глубоким смыслом. Икнет иной, хочется шапку снять. Что же «до болтовни еще недавней», то она вся скуплена для Гос. Думы».

Балтрушайтис безоговорочно отмежевывается от модных поветрий мистического шарлатанства, эротизма, от «мыльных пузырей» умозрительных эстетических построений.

«При виде снега я упорно думаю о тайне небытия, — пишет он А. А. Дьяконову 15 октября 1906 года. — Здешние «пророки» вспоминают при этом белую непременно женскую грудь. У них всё — символ белой женской груди, и даже не груди, а просто грудей, или чего-нибудь еще посокровеннее. Что ж, у всякого дерева свой листочек!»

Балтрушайтис чувствует, что движение, к которому он примкнул в начале своего литературного пути, исчерпало себя, и все больше охладевает к нему.

«В здешней литературе, несмотря на растущий успех «Весов» и популярность отдельных весовщиков — какое-то расползание по швам, — пишет он А. А. Дьяконову 6 января 1908 года. — Раньше было движение, теперь кулачные бои, страх, как бы сверстник не опередил (видимо, намек на яростные и грубые выпады Андрея Белого против Блока в «Весах». — А. Т.). Словом, все признаки застоя, исчерпанности и, может быть, бессилия. У вас (в Петербурге. — А. Т.) пора не краше».

Саркастически охарактеризовал он в более раннем письме, от 24 марта 1906 года, и журнал «Золотое руно»:

Тот же пруд... Знакомый ельник...
Грохот прежнего труда...
Что ново: — один лишь мельник,—
Старая вода.
Новый ковш — да брага та же...
В старой церкви — новый поп...

Не только поглощенность огромной переводческой работой, но и эти принципиальные разногласия все больше отдаляли Балтрушайтиса от большинства его недавних коллег по символизму, который как раз к этому времени вошел в моду.

«...Спрос на вашего брата, и даже на нашего, — писал поэт актеру А. А. Дьяконову 20 августа 1910 года. —...Я один отстал, как раненый журавль от стаи. Хотя принимаю это скорее с радостью, чем с грустью. И один я лучше, и одному мне лучше».

Он даже полагает, что ему придется кончить век робинзоном.

«Сознанием своим я как-то совсем один, — пишет он 11 февраля 1908 года. — Воля бьется и рвется, как овца, привязанная к пылающему хлеву. Не могу, как вся моя братия, балансировать со страусовым или павлиньим пером, поставленным на носу».

И сама предписанная символистскими канонами иерархия ценностей претерпевает у Балтрушайтиса все более явственные изменения.

Уже в стихотворении «Вечерняя песня (2)» скромный огонек человеческого жилья не проигрывает в самом «высоком» соседстве:

Здесь и там — огонь далекий,
Вспыхнув искрой одинокой,
Кротко зыблет мрак ночной...

Как узор в единой ткани,
Сочетается без грани
Свет небес и свет земной.

Здесь уже пробивается излюбленная впоследствии поэтом мысль об отсутствии иерархических граней в природе, в жизни, в отдельном человеческом существовании, о тесной связи и взаимообусловленности всего сущего:

Равно достойны света воздаянья
Суровый пот к земле склоненных лиц,
В огне веков нетленные деянья
И мудрый лепет вещей небылиц...
Мгновение и длительность без меры,
Объятые смятением и сном,
И зыбь полей и в поле камень серый —
Живые зерна в колосе одном...

(«Дневное сияние»)

Окружающий мир для него уже не только «паперть земная» у входа в потусторонний край. Он сияет своими трогательными красками и все больше привлекает взгляд поэта даже в тот «час прозренья», когда:

...тлеет, тлеет, без пыланья,
Дневной покров
От безглагольного дыханья
Ночных миров...
И лишь дымится, в час отлива,
Земное дно,
Где все живое сиротливо
Обнажено...

(«Вечерняя заря»)

Так поэт, говоря его же стихами, «в слезах, горячими устами, лобзает прах развенчанной земли» и все чаще и любовней обращается к «земному дну». И своеобразие балтрушайтисовского взгляда на мир — в том, что поэт видит его в вечном движении, становлении, взаимных переходах форм и явлений:

В смене тени и сверканья
Дышит время, миг поет...

(«Истекает срок за сроком...»)

Не изменяя своей религиозности, не отрешаясь ни от веры в «иные миры», ни от своего трагического мировосприятия, Балтрушайтис воспевает, однако, творческое начало в человеке, значимость его трудов, его зыбкого существования:

Божий мир еще не создан,
Недостроен божий храм,—
Только серый камень роздан,
Только мощь дана рукам.

(„Ave, Cruxi“)

Скорбя у грани заповедной,
Сокрывшей неземной пожар,
Хлопочет смертный не бесследно,
И прав Сизиф, и прав Икар!

(«Раздумье»)

Балтрушайтису свойствен последовательный демократизм, хотя и специфически христиански окрашенный:

Невольник нивы, древний божий воин,
Чей каждый миг — лишь дрожь и дрожь в пыли,

Ты средь людей один хвалы достоин,
Что вырыл плугом солнце из земли!
...на земле лишь вами время крепко,
Из ваших слез возникнут жемчуга.

(«Хвала рабам»)

У Балтрушайтиса не было острого ощущения близящейся социальной катастрофы, как, например, у Блока. Правда, в 1913 году, в пору начавшегося революционного подъема, он опубликовал стихотворение «Видение полудня»:

Была пора борьбы и крови,
Час отягченных зноем век,
Когда слепой игрою нови
Был глухо движим смертный бег.

.
Как влага в кубке, близясь к краю
Кипел и рос полдневный пир,
И как железный груз на сваю,
Сверкнув, он пал на старый мир!

Но подобные ослепительные «видения» посещали поэта редко. Он был подвержен иллюзиям о возможности выхода из тупика, в котором очутился «старый мир», посредством некоего духовного преображения человечества через искусство или религию.

«...уже настало время начать новый мир,— торжественно писал он А. А. Дьяконову 25 февраля 1907 года.— Потому и все часы остановились, что настало время. И ничего не сдвинется, пока пророк не оперится. Я уже говорил Вам: пришло такое время, когда должна быть объявлена какая-

то столь же важная истина, правда, нравственная, как: Люби ближнего... И это на множество веков вперед». Подобные туманные упования связывали его с композитором А. Н. Скрябиным.

В 1909 году Балтрушайтис с энтузиазмом принял предложение В. Ф. Комиссаржевской создать новую художественную школу, на которую и актриса и поэт возлагали какие-то особые, исключительные надежды.

«Началась воистину героическая пора моей жизни», — с восторгом сообщал Балтрушайтис А. А. Дьяконову 27 сентября 1909 года, принявшись за разработку программы будущей школы. Но эти планы разрушила смерть В. Ф. Комиссаржевской.

Далеко идущие театральные замыслы строил, видимо, Балтрушайтис и со своим близким другом — английским режиссером Гордоном Крэггом.

Имя поэта тесно связано с историей ряда постановок Московского Художественного театра — «Синяя птица» Метерлинка, «У врат царства» Гамсуна, — где он выступал как переводчик и советчик, с Московским Свободным театром К. А. Марджанова, с началом деятельности А. Г. Коонен и А. Я. Таирова.

Не для одной только А. Коонен Балтрушайтис был тогда ненавязчивым «наставником и опекуном». Его «присутствие», если опять-таки вспомнить ее слова, в русской культурной жизни давно стало привычным.

«...Юргис получил очень лестное письмо от Чехова, где тот непомерно расхваливает его как

переводчика и поэта...» — сообщает М. И. Балтрушайтис А. А. Дьяконову 31 августа 1903 года.

А в 1915 году А. М. Горький отзывается о Балтрушайтисе, как о замечательном поэте, деловитом человеке и одном из лучших переводчиков на русский язык. Его произведения, наряду с картинами Чюрлёниса, по мнению Горького, свидетельствуют о том, что в будущем «мир будет удивлен литовцами не меньше, чем был удивлен норвежцами».

Мировая война глубоко потрясла поэта. Правда, он по-прежнему, с наивным оптимизмом, который его жена высмеивала еще в русско-японскую войну, пытался трактовать катастрофическое развитие событий на русско-немецком фронте. Но в то же время, жалуясь на то, что его новая книга «продвигается что-то медленно», он пишет Вячеславу Иванову:

«От всего, что ныне в мире творится, изменились мои требования к творчеству. Прежде всего к моему собственному. А там и ко всякому. И впредь я должен иначе думать о человеке. Лучше и хуже».

Его родные края захвачены кайзеровскими войсками. Немецкие милитаристы словно хотят оправдать сделанное однажды поэтом предположение:

«Они скоро съедят весь мир, как весьма на их аппетит тощую сосиску. Вместо двух, закованных, как утверждают смелые путешественники, во льды полюсов, наденут на бедняжечку-землю две прусских каски».

Февральскую революцию 1917 года Балтрушайтис приветствовал стихами «Кузнец», «Красный

звон», «Зодчим нови». Она для него оказалась понятнее Октябрьской.

«...Уже само мое происхождение из среды малых мира сего, — писал он еще прежде, касаясь своих общественно-политических взглядов, — могло воспитать во мне только одно чувство и одно убеждение, что глубочайшим долгом человека является пожизненная борьба за общую жизнь, одинаково справедливую и одинаково полную для всех...»

Однако конкретные пути и формы этой борьбы представлялись поэту крайне неясно. Характерна его растерянность перед событиями первой русской революции. «Все идет не так, как мне бы хотелось, — писал он в феврале 1906 года. — Многое, на чем я строил свои соображения о торжестве жизни, оказывается ей совсем и не присуще».

Так и ныне, в октябре 1917 года, свет яростного кровавого солнца, которое вырыл своим плугом из земли «древний божий воин» — труженик, оказался для поэта неожиданным.

О, вешняя, о, новая гроза,
Как ты трудна! Как ты слепишь мои
Усталые от праха дней глаза! —

сказано в более позднем его стихотворении «Не меркнет солнце в смертном бытии...» (1926).

Но Балтрушайтис не только не отшатнулся от нового грозного светила, не только не отвернулся от тех, которые его приветствовали, как Блок и Брюсов, — он и сам принял участие в разнообраз-

ных культурно-просветительных начинаниях советской власти — в Театральном отделе Наркомпроса, в организованном Горьким издательстве «Всемирная литература». Он и в своих стихах стремился осознать, понять совершавшееся на его глазах:

Когда пред часом сердце наго
В кровавой смуте бытия,
Прими тревогу дня, как благо,
Вечерняя душа моя.

(«Заповедь скорби»)

Размышляя о будущем искусстве, которому он по-прежнему придает особое, жизнестроительное значение, поэт кратко, но многозначительно говорит о своей политической лояльности по отношению к победившей революции: «...будем строить: наш будущий дом... без чрезмерной жалости о былом и без молчаливых дум о возврате».

Его отношение к событиям в чем-то родственно блоковскому, хотя и не возвышается до высокого творческого накала автора «Двенадцати» и «Интеллигенции и революции»:

Есть некое святое принужденье,
Насилие, чья пытка благотворна,
Как только благо — горький меч творящих
Новь бытия во славу бытия.

(«Есть некое святое принужденье...»)

Пусть сладки сердцу в мире старом
Его отрада и печаль,

Но ты, смельчак, лишь с новым жаром
От мертвой пристани отчаль!

(«Таков закон судьбы суровой...»)

Вспомним запись в блоковском дневнике тех лет: «... совесть побуждает человека искать лучшего и помогает ему порой отказываться от старого, уютного, милого, но умирающего и разлагающегося — в пользу нового, сначала неудобного и немилостивого, но обещающего свежую жизнь.

С 1920 года положение Балтрушайтиса меняется: он становится сначала заведующим специальной миссией, а затем чрезвычайным посланником и полномочным министром Литвы в Москве. Своеобразие его нового положения существенно ограничивает его литературные и житейские связи. Отголоски одиночества слышатся в его стихах 20—30-х годов:

В сокрытом строе мирозданья,
В безвестности его путей
Есть горький подвиг ожиданья,
Что подвига борьбы трудней.

(«В сокрытом строе мирозданья...»)

Таким «горьким подвигом» стала вся последующая жизнь Балтрушайтиса, завершившаяся уже во Франции, где поэта застала вторая мировая война, сделавшая его житейские обстоятельства катастрофическими.

Чем дальше путь, тем чаще нужно
Брести слепцом среди тьмы неожиданной,—

писал он в 1940 году в грустном стихотворении, носящем шутовское название «На покупку новых очков».

Начав писать стихи на литовском языке еще в гимназии, Балтрушайтис издает лишь небольшую их часть.

Но несмотря на свою трагическую судьбу, жизнь на чужбине под игом тех, кого он презирал и ненавидел за намерение нахлобучить на Землю прусскую каску, Юргис Балтрушайтис сохранил свою сумрачную любовь к людям и убеждение в величии их дел. Характерна его «Песня юродивого» — стихотворение, действительно странно звучащее в страшные дни 1941 года своей простодушно-упрямой, детской верой в победу справедливости:

Не быстрее ног ходули
И не трутням божий улей!
...Петь бездомных побоюсь ли ---
Ведь на то и гусли!

Я любил ходить на свадьбы —
Ах, еще раз побывать бы!
А бывал я и на тризне,
Но пою я лишь о жизни,
И ни скудости, ни смерти
Вы, как я, не верьте!

Знал я зной и знаю холод,
Стар вчера, а нынче молод,
И за скорбь земли былую

Трижды землю я целую,
И земной былинке всюду
Радуюсь, как чуду...

Юргис Балтрушайтис умер в Париже 3 января 1944 года. Спустя три года вдова поэта писала, что на его могилу приносят много цветов: «Он и здесь сумел заставить всех себя любить».

Когда-то на Кавказе Балтрушайтис увидел поразившее его кладбище:

«Над кладбищем другой холм, превращающий его в простую ступень одной и той же лестницы из возвышенностей и террас, все вверх, еще вдаль, к мнимой линии горизонта. Первый раз вижу кладбище, которое не производит образа последнего пристанища».

Быть может, и это впечатление способствовало его живейшему убеждению:

...И зыбкой искре, слитой с тенью,
Глухому воплю и слезе
Дано быть каменной ступенью
В людской светающей стезе!

(«Предвижу разумом крушенье...»)

Холмик на парижском кладбище Монруж — не последнее пристанище поэта.

«Горький подвиг ожидания» новой встречи с родиной, с читателями пришел к концу.

В 1967 году в Вильнюсе были выпущены литовские стихи Балтрушайтиса, теперь выходят и русские.

Юргис Балтрушайтис как бы снова очутился «среди милых сосен, по которым... совсем соску-

чился», на свадебном пиру вечно обновляющейся природы, где —

Опять шумит веселая волна,
С холма на холм взбегая торопливо,
В стоцветной пене вся озарена.

(«Весна не помнит осени дождливой...»)

А Н Д Р Е Й Т У Р К О В

ЗЕМНЫЕ СТУПЕНИ

Марии Б.

*Вся мысль моя — тоска по тайне звездной...
Вся жизнь моя — стояние над бездной...*

*Одна загадка — гром и тишина,
И сонная беспечность и тревога,
И малый знак, и в синих высях Бога
Ночных светил живые письма...*

*Не дивно ли, что, чередуясь, дремлет
В цветке зерно, в зерне — опять расцвет,
Что некий круг связующий объемлет
Простор вещей, которым меры нет!*

*Вся наша мысль — как некий сон бесцельный...
Вся наша жизнь — лишь трепет беспредельный...*

*За мигом миг в таинственную нить
Власть Вечности, бесстрастная, свивает,
И горько слеп, кто сумрачно дерзает,
Кто хочет смерть от жизни отличить...*

*Какая боль, что грозный храм вселенной
Сокрыт от нас великой пеленой,
Что скорбно мы, в своей тоске бессменной,
Стоим, века, у двери роковой!*

ВЕСЕННЯЯ РОСА

Und alles war erquickt
mich zu erquickten

Goethe

The wind is blowing on the waving reeds,
The wind is blowing on the heart of man.

William B. Yeats

УТРЕННИЕ ПЕСНИ

I

Запылала заря перед шествием дня!
Ночь скликает к ущельям туманы,
И жемчужной толпой, в поясах из огня,
Расступаются туч караваны...

Обнажился простор средь росистых долин,
В бесконечность откинулись дали,—
Будто с божьих высот, с заповедных глубин,
Все завесы над миром упали...

Встрепенулся залив — вырастает волна,
Загремела в неистовстве диком,
И разбилась, как звонкий сосуд, тишина
В ликования утра великом...

II

Великий час! Лучистая заря
Стоцветный веер свой раскрыла на востоке,
И стаи птиц, в сиянии пара,
Как будто плещутся в ее живом потоке...

И звук за звуком, дрогнув в тишине,
Над лесом, над рекой, над нивой тучной,
Стремится к небесам, синеющим в огне,
Смеется и зовет из глубины беззвучной...

В росистый круг земли, раскрывшийся, как чаша,
Что пенное вино, струится знойный день,
И каждый холм — на празднество ступень,
И каждый миг — обет, что радость жизни — наша!

С. А. Полякову

Рассветные волны качают ладью —
Живая хвала бытию!

Безмерные дали — в венчальном огне,
И солнце и море — во мне...

Над глубиью лазурной, не знающей дна,
Я сам — кочевая волна...

Пирую, кружусь на пиру световом,
Как искра в пожаре живом...

Пред чудом сверканья бессмертных зарниц
Я, смертный, не падаю ниц,—

Меж мной и вселенною, в час полноты,
Не стало отдельной черты...

Мир — тихое пенье в редяющей тьме,
Я — пламя молитвы в псалме...

Играют, дробятся на мачте лучи,—
Мой парус — из яркой парчи!

С молитвенным звоном, как хор неземной,
Мелькает волна за волной...

И каждая тихую сказку поет,
Что сердце людское цветет!

В ЛЕСУ

*Тишь... Безмолвие лесное...
Безмятежен ранний день,—
Лист не дрогнет в ровном зное,
Ни узорчатая тень...*

*Вдоль тропинки незабудки
Притаились в полумгле,—
Золотые промежутки
Протянулись по земле...*

*Только звонко захохочет
Птица в зелени ветвей,
Только бегаёт-хлопочет
Деловитый муравей...*

*Чу! Над светлою дремотой
Пробежал веселый свист
И, сверкая позолотой,
Заметался влажный лист...*

*Вдаль ли глянешь, вглубь ли, ввысь ли,
Всюду — трепет, шелест, дрожь...
Только вникни, только мысли,
Все узнаешь, все поймешь!*

МОЙ ХРАМ

*Мой светлый храм --- в безбрежности
Развернутых степеней,
Где нет людской мятежности,*

Ни рынков, ни цепей,—
Где так привольно, царственно
Пылает грудь моя
Молитвой благодарственной
За чудо бытия...

Мой тайный храм — над кручами
Зажженных солнцем гор,
Мой синий храм за тучами,
Где светел весь простор,
Где сердцу сладко дышится
В сиянии вершин,
Где лишь туман колышется
Да слышен гул лавин...

Моя святыня вечная —
В безгранности морской,
Где воля бесконечная —
Над малостью людской,
Где лишь тревога бурная
Гремит своей трубой,
Где только высь лазурная
Над бездной голубой...

АККОРДЫ

Как раздумье в сердце мирном,
В светлом море вал встает,—
О великом, о всемирном
Доле будничной поет...

*Этой вестью неземною
Утоляется душа,
Точно влагою живую
Из волшебного ковша...*

*О, блаженство — миг от мига,
В полноте не различать,—
Звенья жизненного ига
Бесконечно размыкать!*

LA GAJA SCIENZA

I

*Живую душу всюду ждет
И яркий миг, и светлый год,
И пламя радостных забот...*

*Хотя б кругом дышал самум,
Везде найдет свободный ум
Живой источник вещей дум...*

*Есть искра света в каждой тьме,—
Есть миг свободы и в тюрьме,—
Есть клад и в нищенской суме,—*

*И много в недрах бездн ночных
Зарниц, мгновений огневых,
Но их сверканье — для живых...*

II

*В игре мгновений, в смене лет
Безмерна мощь луча,
Нам жизнь во всем, где вспыхнул свет,
Правдиво горяча,
Нам луч везде поет привет,
Ликующе звуча...*

*Он вечно падает с небес,
Как весть о знойном дне,
О том, что в мире час чудес
Заискрится вдвойне,
Что к часу жатвы должный вес
Утронется в зерне,—*

*Он в мире радостно горит
Идущим вдаль — искать,
Он всякий сумрак озарит,
Нам нужно лишь алкать,—
Он даже в сером камне скрыт,
Лишь нужно высекать...*

В ГОРАХ

Gloria in excelsis Deo!

*Простор! Раздолье дикое!
Безмерна глубь небес...
День -- таинство великое,
День -- чудо из чудес...*

*Раскрылись дали знойные,
Как бездны синей тьмы...
Я слышу вихри стройные,
Поющие псалмы...*

*Как звон, они проносятся
В пространстве без конца, —
Поют, взывают, просятся
В мое — во все сердца...*

*С безмерным ликованием
Сменяются часы,
Весь мир объят сиянием,
Что капелька росы!*

*Пылает вечной славою
Святыня бытия,
Я в светлом море плаваю,
Мой парус — мысль моя!*

БЕСПЕЧНОСТЬ

Мой день певуче-безмятежен,
Мой час, как облако, плывет,
И то, что вечер неизбежен,
Меня к унынию не зовет...

В лесу ли вихрь листвою играет,
Иль мчит поток волну свою,—
Все, все мой дух вооружает
Живым доверьем к бытию...

Мой путь — по божьему указу —
Светло направлен в ширь долин,
Где ясен мир, привольно глазу,
Где я с мечтой своей один...

Все выше солнце — тень короче,—
И пусть затем скудеет зной,
Еще не скоро холод ночи
Дохнет безвестной тишиной...

Когда же золотом и кровью
Заблещет вечер в небесах,
Я с тихим жаром и любовью
Благословлю дорожный прах...

И в час, когда волна дневная
Отхлынет прочь, за край земли,
Мой дух заманит тьма ночная
В глубины звездные свои...

ПОЛДЕНЬ

Полдень... Меры нет простору!
Высь и доли — круг огня...
Весела дорога в гору,
К золотой вершине дня!

В юном сердце — в знойном небе —
Тишь — сиянье — синева...
Славься, в жизни, каждый жребий!
Звонче, гордые слова!

Грусть ли первой долгой тени
Поразит тревогой нас,—
Друг мой светлый, мы без пени
Встретим каждый тайный час...

Вихрь примчится ль, луг ероша...
Мир — ромашка, ты — пчела,—
Пусть твоя земная ноша
Будет сладко тяжела...

ЦВЕТОК

Цветок случайный, полевой,
Я — твой двойник, я — рыцарь твой!

Как ты узор по лепестку,
Свои мечты я в сердце тку...

*Тебе я грезами сродни,
И в целом мире мы — одни...*

*Один на свете труд у нас —
Как жить-цвести в полдневный час,—*

*Как божьим светом, синевою,
Наполнить малый кубок свой!*

*Цветок мой, слушай — не дыши,
Мы — две раскрывшихся души...*

*Одна весна нам в мире мать,
Наш жребий — вместе умирать...*

*Мы — вся нарядность бытия,
Нас в мире двое:— ты да я!*

РАЗДУМЬЕ

*Миг мелькает — день плывет,
Утро сеет — вечер жнет...
Гаснут искорки росы —
Чередуются часы!*

*В синий полдень, в поле льна,
Ходит синяя волна,—*

*Пестрым цветом луг порос,
Жаль, что скоро сенокос...*

*Светел мирный шелест ржи
Вдоль извилистой межи,
Строен каждый стебелек,—
Точно ль серп еще далек!*

*День проходит — жизнь идет,
Жребий сеет — доля жнет,—
Зреет малый труд раба,
То-то будет молотьба!*

AVE, STELLA MARIS

*Дымно тает берег плоский...
Весел Кормчий у руля...
Еле видимой полоской
Обозначилась земля...*

*Вся клоочет ширь морская...
Я — один над синей тьмой...
Вихри пены ввысь взрывая,
Воет бездна под кормой...*

*Крепче, буря, парус белый
В час венчальный напряги,*

*Чтоб во славу воли смелой
Разомкнулись все круги!*

*Шумно, в беге бесконечном,
За волной встает волна...
Я один в их споре вечном —
И покой и тишина...*

*Без тревоги, без печали
Бродит в сердце новый хмель,
И светло мне снятся дали
Неизведанных земель...*

NOLI TANGERE CIRCULOS MEOS

*Слышу, слышу гул нестройный!
Меркнет божья синева...
Стонут-воют беспокойно
Роковые жернова...*

*Шум борьбы глухой и тщетной,
Отложи свой горький зов,—
Дай дослушать в час рассветный
Вещий звон колоколов!*

*Пыль великая, земная,
Не взрывайся близ меня,—
Дай мне ярче, в утро мая,
Осениться светом дня...*

*Ропот грозный, стон полдневный,
Нескончаемый,— будь тих!
Не смущай тревогой гневной
Мира тайных снов моих!*

*Тише, тише, вихрь вечерний,—
Милосердие — лучу!
Я несу в обитель терний,
В дом свой, вербную свечу...*

ПОКЛОНЕНИЕ ЗЕМЛЕ

С. А. Полякову

*Кончая день, в вечернем свете,
Гляжу все чаще на зарю
И, как мулла на минарете,
Молитву громкую творю...*

*Земной поклон стране восточной,
Ее безбрежности хвала,
Что в сумрак мира в час урочный
Живое солнце привела!*

*Хвала безоблачному югу
За синий полдень, трудный зной,
Что дал цветы земному лугу
И долгий свет борьбе земной...*

*Хвала, хвала безмерной дали
Великих западных миров
За щедрый дар живой печали
И тишь жемчужных вечеров...*

*Хвала и звездному простору
Пустынных северных полей,
Что дал тоскующему взору
Огни полуночи своей!*

*Кончая день, борьбу живую,
Объятый кроткой тишиной,
Я славлю Бога и целую
С земным поклоном прах земной...*

НОЧЬЮ

В. С. Миролубову

*Чутко спят тополя... Онемели поля...
Раскрывается ночь бесконечная...
Звезд исполнен простор, в их лучистый убор
Наряжается бездна предвечная...*

*Пробуждается ум для таинственных дум...
Взор стремится в пространство безбрежное...*

*В тайный час тишины раскрываются сны
И смирятся сердце мятежное...*

*Чуток бдительный слух, и уносится дух
На бесшумных волнах Бесконечности...
В звездном вихре миров упадает покров
С молчаливого образа Вечности...*

ДЫМНЫЕ ДАЛИ

Och fler och fler
gå stjärnor fram.

Wilhelm Ekelund

Nu har jag lodat sorgen liksom lyckan,
nu kan jag ge och ta.

Per Hallström

ОТТОРЖЕННОСТЬ

*Все в смертной доле двойственно,
Случайностью живет,—
Лишь низости несвойственно
Сверкнуть лучом высот.*

*Нам в мире все возможности
Для подвига даны,—
Стезю осторожности
Влачиться мы должны!*

*Всем жаром нашей малости
Мы требуем любви,
Но губим все без жалости
И мечемся в крови.*

*Плывет наш день медлительно
В неведеньи конца,—
Лишь светлый сон недлительно
Баюкает сердца...*

*В мучительном томлении
Мы ищем полноты,
Но строим жизнь в дроблении
Усилья и мечты...*

ПЕСНЯ

К. Бальмонту

*Вырыты извилисто
Русла бытия,
Где стезею илистой
Мечется струя...*

*С плеском несмолкающим
Ветер слил свой свист...
Горе погибающим —
Берег каменист!*

*Ввысь отвесно строится
Зданье темных скал,
Негде успокоиться,
Как бы ни устал!*

*Только вспыхнет сладостно
В пене яркий луч
Да вольется радостно
Чистый божий ключ,—*

*Только в ночь бездонную
Звезды с высоты
Бросят в бездну сонную
Искру красоты...*

*В колыбели илистой —
Светлая струя...
Сумрачны, извилисты
Русла бытия!*

МОИ САД

Валерию Брюсову

*Мой тайный сад, мой тихий сад
Обвеян бурей, помнит град...*

*В нем знает каждый малый лист
Пустынных вихрей вой и свист...*

*Завет Садовника храня,
Его растил я свету дня...*

*В нем каждый знак — хвала весне,
И каждый корень — в глубине...*

*Его простор, где много роз,
Глухой оградой я обнес,—*

*Чтоб серый прах людских дорог
Проникнуть в храм его не мог!*

*В нем много-много пальм, агав,
Высоких лилий, малых трав,—*

*Что в вешний час, в его тени,
Цветут-живут, как я, одни...*

*Все — шелест, рост в моем саду,
Где я тружусь и где я жду —*

*Прихода сна, прихода тьмы
В глухом безмолвии зимы...*

РАЗДУМЬЕ

*Жизнь кого не озадачит,
Кто, захваченный грозой,
Не вздохнет и не заплачет
Одинокою слезой!*

*Все мы радостно и бодро
Покидаем детский кров,
Верим в полдень, верим в вёдро,
В тишь далеких вечеров...*

*Но с доверчивыми снами
Тень сплетается и — вдруг
Жребий, брошенный не нами,
Нас влечет в свой строгий круг...*

*Все мы сеем, вверив зною —
Божьей прихоти — свой хлеб,
И с молитвою немою
Точим серп, готовим цеп...*

*Безмятежен и просторен
Мир в весенней тишине...
Много Пахарь бросил зерен,
Много ль будет на гумне!*

TAEDIUM VITAE

*Все тот же холм... Все тот же замок с башней...
Кругом все тот же узкий кругозор...
Изгиб тропы мучительно-всегдашней...
Пустынный сон бестрепетных озер...
И свет и тень, без смены и движенья,
В час утра — здесь, в истомный полдень — там,*

*Все сковано в томительные звенья,
С тупой зевотой дремлет по местам...*

*Лесной ручей, скользя, дробясь о скалы,
Журчит докучно целый божий день...
Изведен в часе каждый вздох усталый,
Знакома в жизни каждая ступень!*

*И каждый день, свершив свой круг урочный,
Вверяет сердце долгой тишине,
Где только дрогнет колокол полночный
Да прокричит сова наедине...*

*И что ни ночь, в тоске однообразной —
Все та же боль медлительных часов,
Где только шорох, смутный и бессвязный,
Меняет глубь одних и тех же снов...*

*И скорбно каждый в сердце малoverном,
Следя за часом, жаждет перемен,
Но льется день в своем движеньи мерном,
Чтоб обнажить зубцы все тех же стен...*

*И вновь, тоскливо, с четкостью вчерашней,
Невдалеке, пустынный видит взор
Все тот же холм, все тот же замок с башней,
Один и тот же узкий кругозор...*

СТУПЕНИ

*Мы — туманные ступени
К светлым высям божьих гор,
Восходящие из тени
На ликующий простор...*

*От стремнины до стремнины —
На томительной черте —
Все мы гоним сон долинный,
В трудном рвеньи к высоте...*

*Но в дыму нависшей тучи
Меркнут выси, и блажен,
Кто свой шаг направил круче
По уступам серых стен...*

*Он не слышит смуты дольней,
Стона скованных в пыли,
Перед смелым все привольней
Глубь небес и ширь земли...*

*Дремлет каплей в океане
Мир немых и тщетных слез,—
Мудр, кто в тишь последней грани
Сердце алчное вознес!*

ЧЕРНОЕ ОЗЕРО

Валерию Брюсову

*Из храма гор, из сонной мглы лесной,
В отдельном беге каждый одинокий,
Струятся вдаль, вспоенные весной,
Немой земли немолчные потоки...*

*Все золото зари, весь изумруд
Холмов, весь мир светящего поля
Глядятся в них... Певуч их первый труд,
Светло-шумна их утренняя доля...*

*Поют валы в тени гранитных стен,
Пока их бег стремителен и силен,
Пока далек великий зимний плен
В безвестности порогов и извилин...*

*Но день идет, и скорбно в их простор
Теснится тень, как некий сон упорный
О мертвых безднах сумрачных озер,
Что горестно их ждут в свой омут черный...*

*И, глухо дрогнув, каждая волна
Стремится шумно к далям заповедным,
Туда, где все встречает тишина
Своим лобзаньем сладостным и бледным...*

ДЕТСКИЕ СТРАХИ

*В нашем доме нет затишья...
Жутко в сумраке ночном,
Все тужит забота мышь,
Мир не весь окован сном.*

*Кто-то шарит, роет, гложет,
Бродит, крадется в тиши,*

*Отгоняет и тревожит
Сладкий, краткий мир души!*

*Чем-то стукнул ненароком,
Что-то грузно уронил...
В нашем доме одиноком
Бродят выходцы могил.*

*Всюду вздохи — всюду тени,
Шепот, топот, звон копыт...
Распахнулись окна в сени,
И неплотно вход закрыт...*

*Вражьей силе нет преграды...
Черным зевом дышит мгла,
И колеблет свет лампы
Взмах незримого крыла...*

ПЕСНЯ

*Есть среди грез одиноких одна,
Больше всех на земле одинокая...
Есть среди стран заповедных страна,
Больше всех для стремленья далекая...*

*В радостный миг неземной полноты
Эта греза зарницею светится...
Счастлив, в чьей доле приход темноты
Этой ласкою звездной отметится...*

*В дальних путях по откосам земным
Все изгладится в сердце, забудется,
Только она, с постоянством живым,
Будто сон утоляющий чудится,—*

*Только она нас упорно ведет
Каменистой тропой бесконечности,—
Тихо, как мать над малюткой, поет
О ликующих празднествах вечности...*

AVE, CRUX!

*Брось свой кров, очаг свой малый,
Сон в тоскующей груди,
И громады скал на скалы
В высь немую громозди...*

*Божий мир еще не создан,
Недостроен божий храм,—
Только серый камень роздан,
Только мощь дана рукам.*

*Роя путь к твердыне горной,
Рви гранит, равняй холмы,—
Озари свой мрак упорный
Искрой, вырванной из тьмы...*

*Пусть взлелеет сны живые
Отблеск творческой мечты,*

*И чрез бездны роковые
Перекинутся мосты...*

*Лишь свершая долг суровый,
В мире лени, праздной лжи,
Ты расширишь гранью новой
Вековые рубежи...*

*Лишь предав свой дух терпению,
Им оправдан и спасен,
Будешь малою ступенью
В темной лестнице времен...*

РАЗДУМЬЕ

*И в сердце, как в море,— прилив и отлив...
Я сменою крайностей жив...*

*То жизнь — трепетание майского сна,
То снова скудеет весна...*

*Безвестное море баюкает нас —
Нам горько неведом наш час!*

*Нахлынет — захватит своей глубиной,
Ликующей вскинет волной,—*

*Отпрянет и — горестно вновь обнажит,
Что в сумрачной бездне лежит...*

*Кочуют валы — от земли и к земле,
То в трепете дня, то во мгле,—*

*С забвением к суше, от суши — с тоской...
О сердце, ты — берег морской!*

*В тебе — вековечный прилив и отлив,
Чьей горькою сменой я жив...*

ПРЕДЧУВСТВИЕ

*Мне чужды дали ночные,
Раскрытые в мире ином,
Где дни и заботы земные
Развеванным кажутся сном...*

*Там кротко сверкают зарницы,
И, в трепете лунных огней,
Бесшумно встают вереницы
Таинственно-светлых теней...*

*И шествуют призраки с пеньем,
Иному молясь бытию...
И, тайным объятый волненьем,
Средь них я себя узнаю...*

*И долго и горько мне чужды,
Поникшему в прежней пыли,*

*Все горести, споры и нужды,
И зыбкое счастье земли...*

*И часто средь хриплого шума
Борьбой ослепленного дня
Моя одинокая дума
К тем далям уводит меня,—*

*Где стройно дворцы и соборы
Лучистой встают чередой
И кротко, сплетаясь в узоры,
Восходит звезда за звездой...*

НА ОТМЕЛИ

*Божий мир для нас — как море...
Мы на темном берегу
Глухо плачем о просторе,
Кто на радость, кто на горе,
Каждый — в замкнутом кругу...*

*Здесь, в истоме повседневной,
Счет изведанных часов...
Там — разгул свободы гневной,
Вечно новой и напевной,
Трепет смелых парусов...*

*Тщетно нашу мысль уводит
К синим далям дальний дым,*

*Тщетно кровь кипит и бродит,—
Наша молодость проходит
В споре с сердцем молодым...*

*Мы живем в плену суровом,
Вечно в той же полумгле,
Где печать о часе новом
Лишь смущает тщетным зовом
Сон прикованных к земле...*

*Ослепленными очами
Мы глядим, рабы теней,
В мир, сверкающий пред нами,
Расширяя только снами
Жребий малости своей!*

ВЕЧЕРНИЕ ПЕСНИ

1

И. Н. Худолееву

*В вечерний час, в глухую пору,
Плетусь в неверной тишине
И, меря мир, открытый взору,
Дивлюсь великому простору,
И чуток трепет дум во мне...*

*И, озирая мир широкий,
Где я дышу, где я томлюсь,
Считаю я мгновенья, сроки,
И в час грядущий, недалекий,
Проникнуть разумом стремлюсь...*

*Но тщетно я в тиши неверной
Витаю в далях прежних лет
И в их кругу, в их смене мерной,
Ищу душою суеверной
Предчувствий вещей и примет.*

*И мыслью вновь:— смешна тревога...
Настанет день — сверкнет волна...
И час и век — во власти Бога,
Их темный бег исчислен строго,
И жребий сбудется сполна...*

*То плоским берегом, то в гору
Плетусь медлительно во мгле,
И сладко мне, в глухую пору,
С молитвой звездному простору
Припасть тоскующе к земле...*

II

Валерию Брюсову

*Час покоя! Стелет тени
Дымный вечер средь полей...
Лишь не знает сладкой лени
Вещий жар в крови моей...*

*Час закатный — час прозренья
В тайну божьей глубины...
Полный темного волненья,
Лунный Рыцарь ждет луны...*

*Скоро-скоро осенится
Тайным блеском смертный взор,
В час, когда засеребрится
Нескончаемый простор...*

*Полночь звездная утроит
Глубь небес и ширь земли.
И рассыплет и раскроет
Месяц золото в пыли...*

*Пусть же сладкая прохлада
Клонит смертное ко сну,
Я один, искатель клада,
Глаз упорных не сомкну...*

III

К. Бальмонту

*Звездным миром ночь дохнула...
Средь смолкающего гула
В лунном поле я брожу...
И, склоняясь сам к покою,*

*С просветленною тоскою
В дали звездные гляжу...*

*Здесь и там — огонь далекий,
Вспыхнув искрой одинокой,
Кротко выблет мрак ночной...
Как узор в единой ткани,
Сочетается без грани
Свет небес и свет земной...*

*В поздний час, не помня боли,
Я брожу в пустынном поле,
В чуткой лунной тишине...
Средь дремоты беспредельной
Молкнет трепет мой отдельный,
И оправдан мир во мне!*

*И в великий миг слиянья
С вечной тайной мирозданья
Кротко мыслю: с бегом дней
Все стройнее, все безгневней
Трепет мира, шорох древний,
Глубже сердце — жизнь ясней...*

СБОР ВИНОГРАДА

At morn and even shades are longest...

Ben Jonson

Tu, voce sbigottita e deboletta,
ch'esci piangendo de lo cor dolente...

Guido Cavalcanti

ПРИБЛИЖЕНИЕ

*Угрюмы скал решенные отвесы.
Пространство молкнет... Отдых от труда!
И близко разуму раскрытые завесы...
И кто-то, вещей, шепчет: Навсегда.*

*Все в мире ясно, понято, раскрыто...
Земля и небо — формула, скелет,
В котором все исчислено и слито,
И прежнего обмана больше нет.*

*Отсель — бескровность призрачных движений,
Как трепет страсти в сердце мудреца,
Унылая пора оцепенений
И бледный жар печального лица.*

*Ни голода, ни жажды — только Слово,
Как сумрачный, глухой и праздный звон,
Случайный отблеск пиршества былого,
Воспоминания неверный полусон!*

*И кончить бы — пока для оправданья
Возможна сила в стынувшей груди,
И только ты, невольница алканья,
Слепое сердце, молишь: погоди!*

РАЗДУМЬЕ

*На свете так много простора,
Надежд, и гаданий, и грез,
Как тени у темного бора,
Как боли у сумрачных слез...*

*И часто, в бреду одиноком,
В мгновенье истомы немой,
Мы знаем, что в храме далеком
Готовится пир неземной...*

*Но дальней и пыльной дорогой
Мы в жизни на праздник идем,*

*Под трудной грозой-тревогой,
Под серым и долгим дождем,—*

*Мы радостно в сердце горячем
Приветствуем утренний свет,
А вечером сетуем, плачем,
Что грезам свершения нет...*

СИЗИФ

*Долго-долго время длилось,
Долго-долго время шло...
В горьких помыслах склонилось
Бледное чело.*

*Мыслью, алчущей прозренья,
Я вникал в их беглый миг,
И в высокое ученье
Древних вещей книг...*

*Приковал я грудь живую
К мертвым сводам рудника,
Где, взрывая тьму глухую,
Искрилась кирка.*

*Жил, метался, опыт множил
В тишине, средь шума гроз
И в пустом гаданьи дожил
До седых волос!*

*Все, что век лелеял, сеял,
Все, что годы я поил,
Зыбким прахом час развеял,
Миг опустошил...*

*Пусть! Скорей другую ношу!
Вновь я гордо восстаю...
Раб мятежный, вновь я брошу
Вызов бытию!*

В ПУТИ

Памяти Н. Л. Тарасова

*Вперед, вперед, мой бедный конь,
Исполни свой завет,—
Сквозь холод вьюги, сквозь огонь...
Назад дороги нет!*

*Наш день не долог, путь далек,
Плетись, пока светло...
Тебе наскучил твой ездок,
Ему — твое седло.*

*Ни повернуть, ни отдохнуть...
Пустынные края!*

*Но свой докучный, долгий путь
Придумывал не я...*

*Свершай, мой конь, свой темный бег,
Где всюду — боль с бедой,
Где лишь однажды был ночлег
С хозяйкой молодой...*

*Вперед же, вскачь, до той черты,
Где все — покой и мгла,
Где дрогнет грудь моя, а ты
Закусишь удила...*

АЛКАНИЕ

*Нас в мире ждет великое алканье
На всех путях...
Нас всех томит угрюмое незнанье
В земных сетях...*

*Мы молимся о чуде утоленья
И день и ночь,—
Но горечи последнего томленья
Не превозмочь...*

*Придет гроза, завоюет и нарушит
Земную тишь,—
Но тишины, что наше сердце душит,
Не возмутишь...*

ОСЕНЬЮ

*Брожу один усталым шагом
Глухой тропинкою лесной...
Певучий шелест над оврагом
Уже не шепчется со мной...*

*Синеют дали без привета...
Угрюм заглохший круг земли...
И, как печальная примета,
Мелькают с криком журавли...*

*Плывет их зыбкий треугольник,
Сливаясь с бледной синевой...
Молись, тоскующий невольник,
Свободе доли кочевой!*

В ПАРКЕ

*Пусто, пусто в старом парке...
Каждый угол поредел,
Даже там, где в полдень жаркий
Час прохладный не скудел...*

*Шире каждая дорожка,
Где теперь хлопчет крот...
Заколочена сторожка
У свалившихся ворот...*

*Где спускался, зыбля складки,
Вешний груз зеленых риз,
Ныне дремлет в серой кадке
Одинокий кипарис...*

*Взор печальный отмечает
Прах и тлен со всех сторон...
И осенний вихрь качает
Гнезда черные ворон...*

*Вот пустынный холм с беседкой...
Грустный кров — теперь сквозной,—
Где с прекрасною соседкой
Коротал я час ночной...*

*Скорбен вечер в небе хмуром,
Грустен в парке мертвый шум...
И пред каменным Амуром
Я стою, один, угрюм...*

SILENZIO

*Молчанье! Забвенье без срока...
Свой жребий, пустынный, мечи...
Пусть зыблется жизнь одиноко,
Как пламя ночное свечи...*

*Безмолвие грани последней
Мой дух просветленный зовет...*

*И глухо на башне соседней
Пустынное время поет...*

*Ни страха, ни ропота в бое
Вещающих утро часов...
Лишь молится сердце живое
Восходу светящихся снов...*

*Молчание! С гордым упорством,
Пустынник, таи свой простор...
Пусть люди о хлебе их черством
Ведут нескончаемый спор...*

*Всем жаром души своевольной
Будь предан иному труду,—
Ты слишком упорно и больно
Метался в бесплодном бреду!*

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

М. П. Чеховой

*В вечерней мгле, у берега глухого
Один стою...
Тебе ль, душа, замкнуть в земное слово
Тоску свою!*

*Пусть даже горько узник прослезится,
Слеза — одна...
Морской простор в волне не отразится,
Ни глубина...*

*Людская жизнь — мгновенья, годы, сроки,
Счет дней и дней,—
В земной тоске раскрыт весь мир широкий,
Вся вечность — в ней!*

ОТЧИЗНА

*Я родился в далекой стране,
Чье приволье не знает теней...
Лишь неясную память во мне
Сохранило изгнанье о ней...*

*Знаю... Замок хрустальный стоял,
Золотыми зубцами горя...
И таинственный праздник сиял,
И цвела, не скудея, заря...*

*Помню, помню в тяжелом плену
Несказанно-ласкательный звон,
Что гудел и поил тишину,
И баюкал мой трепетный сон...*

*И средь шума забот и вражды,
Где я, в рабстве, служу бытию,*

*Лишь в мерцаньи вечерней звезды
Я утраченный свет узнаю...*

*Оттого я о дали родной
Так упорно взываю во мгле,—
Оттого я, в тоске неземной,
Бесприютно влачусь на земле...*

ПОЗДНИЕ ДУМЫ

*Плывут, дымятся облака
В осенний серый час...
Ни малой искры, ни цветка,
Насколько видит глаз...
Пришла пора пустынная,
Дневной пожар погас!*

*У темной грани помнят все,
Что где-то был рассвет,
Что яркий день пылал в росе,
Лелеял рост и цвет,—
Гудел живыми вихрями,
Которых больше нет...*

*И вот — поет осенний шум,
Что полдень оскудел,
И горек трепет поздних дум
Тому, кто даже смел,*

*Но больше всех — безумному,
Что счастье проглядел!*

*И вот — раскрылся дым ночной,
Что гасит все не в срок,
Своей беззвездной пеленой
Все небо заволок,
И горько сердцу ведомо,
Что день уже далек...*

*Отхлынул день, и тщетно взор
Глядит ему вослед,—
Разорван праздничный убор
И шумных пиршеств нет,—
На всякий вздох в безмолвии
Безмолвие — ответ...*

ЛУННАЯ СОНАТА

*Ночные дали в лунном свете.
Гудур — как мрамор при луне...
Гудур в неволе лунной сети...
Гудур с луной наедине...*

*Гудур в часы неволи бледной,
Вникая в ночь, не зная сна,
В томленьи грезы заповедной
Блуждает в тереме одна...*

*Гудур в саду из бледных, нежных,
Из лунных лилий... и средь них
Пред нею, в ризах белоснежных,
Ее тоскующий жених...*

*Она склонилась, и любовно
Луна улыбкой их зажгла,
Немой и бледной, и бескровной,
Как скорбный снег его чела...*

*И вздох венчает их истому,
И он, склоняя бледный лик,
К ней, как к причастию святому,
Устами скорбными приник...*

ТРЕЩИНА

*Есть трещина в стене тюрьмы моей...
В нее я вижу даль родных полей
И синеву родных небес,
Родной ручей, мой шумный лес...
В нем, в свете утренних часов,
Так много птичьих голосов,
Избушка ветхая за ним,
Где я был близок, был любим...
Но узник там давно забыт...
Туда другому вход открыт,
И дева юная все ждет,
Когда-то новый друг придет...*

*Есть трещина в стене тюрьмы моей...
В нее, в тиши, как отзвук прежних дней,
Плывет ко мне немых видений рой —
Скорей, мой страж, ее закрой!*

ВЕЧЕР

I

*Подходит сумрак, в мире все сливая,
Великое и малое, в одно...
И лишь тебе, моя душа живая,
С безмерным миром слиться не дано...*

*Единая в проклятии дробленья,
Ты в полдень — тень, а в полночь — как звезда,
И вся в огне отдельного томленья
Не ведаешь покоя никогда...*

*Нам божий мир — как чуждая обитель,
Угрюмый храм из древних миштых плит,
Где человек, как некий праздный зритель,
На ток вещей тоскующе глядит..*

II

*Вечернее зарево меркнет, скудеет,
Ложится туман на поля...
И бедное сердце дрожит, холодеет,
И глухо безмолвна земля...*

*Ни вздоха о счастье, ни плача о хлебе,
Ни шелеста в темном кусте...
Лишь светлые звезды в синеве неба
Мерцают, дрожат в высоте...*

*Меж сердцем усталым и миром безмерным
Распалось дневное звено...
Лишь в памяти, светом случайным, неверным,
С минувшим оно сплетено...*

*Что было, что будет — все та же дорога,
И пепел и пыль впереди —
Молитва о жизни, алканье Бога
И сумрачный холод в груди...*

*Вдоль серой дороги, на темных откосах,
Все глухо почило, молчит...
О камень дорожный один лишь мой посох
В безмолвии мира стучит...*

НА ПОРОГЕ НОЧИ

*В вечерней мгле теряется земля...
В тиши небес раскрылось мировое,
Где блещет ярче пламя бытия,
Где весь простор — как празднество живое!*

*Восходят в высь, в великий храм ночной,
Недвижных туч жемчужные ступени,*

*И тяжело нам, на паперти земной,
Сносить тоску изведанных мгновений...*

*Со всех сторон ночная даль горит,
Колебля тьму пред взором ненасытным...
Весь божий мир таинственно раскрыт,
Как бездна искр, над сердцем беззащитным...*

*Живой узор из трепетных огней
Сплетает ночь на ризе златотканной,
И страшно сердцу малости своей,
И горек сон и плен земли туманной!*

*Для нас земля — последняя ступень...
В ночных морях она встает утесом,
Где человек, как трепетная тень,
Поник, один, с молитвенным вопросом...*

НА БЕРЕГУ

*Как привольно, протяжно и влажно
Одинокие волны поют...
Как таинственно, плавно и важно,
Чуть белея, их гребни встают...*

*Божий шум так ласкающе ровен,
Божья ласка так свято нежна!*

*Этот трепет и чист и бескровен,
Эта вещая ночь так нужна!*

*Только звездная полночь и дышит,
Только смертная грудь и живет,
Только вечная бездна колышет
Колыбель несмолкающих вод!*

*И безбольно, с отрадною грустью,
Трепетанием звезд осиян,
Как река, что отхлынула к устью,
Я вливаюсь в святой океан...*

НОЧНЫЕ КРЫЛЬЯ

*Бьет полночь... Лишь ветер угрюмый
Бушует в просторе морском...
О, древние, вещи думы,
Ваш гневный призыв мне знаком!*

*Как отзвуки жизни незримой,
Далекой, вселенски иной,
Вы скорбно пронеситесь мимо
Забывчивой доли земной...*

*И зовом живым зачарован,
Я долго тоскую во мгле,*

*Но сердцем я горько прикован
Великою цепью к земле!*

*Обвеянный стройными снами,
Я снова терзаюсь в бреду,—
От жертвы в таинственном храме
На горестный рынок иду.*

*И молкнут живые заветы
В бесплодном земном забытьи,—
Лишь к трепетным звездам воздеты
Бессильные руки мои!*

БЕЛЫЕ ВИХРИ

O nott', o dolce tempo benche nero,
ben ved'e ben intende chi t'esalta.

Michelangelo Buonarroti

Silent, silent Night,
Quench the holy light
Of thy torches bright.

William Blake

БЕДНАЯ СКАЗКА

*Тихо пело время... В мире ночь была
Бледной лунной сказкой ласкова, светла...*

*В небе было много ярких мотыльков,
Быстрых, золотистых, майских огоньков...*

*Искрами струился месяц в водоем,
И в безмолвном парке были мы вдвоем...*

*Ты и я, и полночь, звездный свет и тьма
Были как созвучья вечного псалма...*

*И земля и небо были, как венец,
Радостно замкнувший счастье двух сердец...*

*Онемело время... В мире вновь легла
Поздняя ночная тишь и полумгла...*

*Искрились пустынно звезды в тишине,
И пустынно сердце плакало во мне...*

*Был, как сон могильный, скорбен сон долин,
И в заглохшем парке плелся я один.*

*На глухих дорогах мертвенно белел
Пылью гробовою бледный лунный мел...*

*В небе было много белых мотыльков,
Медленных, холодных, мертвых огоньков...*

VALSE TRISTE

*Под сонное пенье фагота
Усталые пары скользят...
И холод, и боль, и забота
В блуждающих взглядах сквозят...*

*Плывут-чередуются пары,
Испанец, венгерец и лях,*

*И юноша томный, и старый
Усач, поседелый в боях...*

*Своею игрой бесконечной
Суровая прихоть сплела
Рассеянность доли беспечной
И скорбную бледность чела...*

*Мелькает-скользит вереница
Гонимых на пир пустоты —
Борьбой искаженные лица,
Клейменные жизнью черты...*

*И длится веселье без срока
В чертогах, не знающих сна,
Где в сумрачный час одиноко,
Срываясь, рыдает струна,—*

*Где, гостя из далей бездонных,
Колблется ночь по углам
И светится в нишах юконных
Крестами белеющих рам...*

СИРОТСТВО

*Я в беге часа не один...
Со мной простор немых равнин,
Земная пыль, земная даль,
Их круг бессменный, их печаль...*

*Со мною был весенний свет,
Моих лугов роса и цвет,
И трепет вод, и шум листвы,
И пламя летней синевы..*

*Как был покой осенних дней,
Простор развенчанных ветвей,
Холодный пепел, прах, зола
Костров, что ярко жизнь сожгла...*

*Со мною будет сон зимы,
Печаль и холод белой тьмы
И — в краткий полдень — блеск снегов
Без рубежа, без берегов...*

*Как будет бодрствовать со мной
Глухой и дикий вихрь ночной,
И долгий вой, и свист его,
И скорбь сиротства моего!*

ОТЧАЯНИЕ

*Кругом весь день стояла тишина...
И будто в муке трудной замирая,
Кляня свой жребий, стыла грудь живая,
И каждый миг был миг мучительного сна.*

*К пустынным небесам струился дым долин,
Слагаясь в смерчи, в сумрачные зданья,*

*И каждый был в слезах, и каждый был один,
И трепетал от страха и незнанья...*

*Порою лист на землю упал,
И, точно в час подкравшейся недоли,
С безумием в глазах, дрожал и стар и мал
В глухом огне своей последней боли...*

*И в ужасе, сковавшем все сердца,
Оцепенелый мир алкал освобожденья,
Разъятия железного кольца,—
Но не было ни смерти, ни рожденья.*

ТКАЧ

*Над докучной серой тканью,
Ткач упорный, я поник...
Верный темному алканью,
Тку — сплетаю с мигом миг...*

*Часто-часто за работой,
Чуть замедлишь, рвется нить...
Даже краткою дремотой
Страшно сердце осенить!..*

*Сир мой труд, узка основа...
Мой челнок проворен, скор...*

*Вспыхнул день, и тку я снова
Незатейливый узор...*

*Долго ль мне в докучной доле
Тратить трепет слабых сил,
Знает только Тот, Кто в поле
Льну и рост и цвет судил...*

*Вечереет, и невольно
Тень сдвигается к станку...
Что-то грустно, что-то больно —
Уж не саван ли я тку?*

КОЛОКОЛ

*Зычно и скорбно, удар за ударом,
Миру уснувшему колокол пел...
Точно набат перед близким пожаром,
Долго и гулко гудел.*

*Пел он с угрозой, с уверчивой лаской,
С горькою жалобой, дрогнув, рыдал,—
Громом взыскующим, детской сказкой
В сумрак глухой упал...*

*Чудился в звоне обет воскресенья,
Слышалась скорбная смертная весть,—*

*Сумрачный возглас пустынного рвенья,
Жажда прощенья и мечь...*

*Пел он а в полночь и в утро святое —
С бурей смеялся и плакал в тиши,
Но откликалось лишь эхо лесное —
Вместо сонливой души...*

*Точно набат перед близким пожаром,
Миру беспечному колокол пел...
Зычно и скорбно, удар за ударом,
Тщетно о Боге гудел...*

ОДИНОЧЕСТВО

*Среди людей, я средь — чужих...
Мне в этом мире не до них,
Как им, в борьбе и шуме дня,
Нет в жизни дела до меня...*

*В дороге дальней им, как мне,
Тужить, блуждать наедине...
Мне в мой простор, в мою тюрьму,
Входить на свете одному...*

*Пока в пути не встанет грань,
Нам всем томительную ткань*

*Рукою сирой в жизни ткать —
Душою замкнутой алкать...*

*Звучит по разному у всех
Один и тот же стон и смех,—
На всех ткачей один станок,
Но каждый сир и одинок...*

ЭЛЕГИЯ

*Мысль в разлуке с вещим сном...
Сердце — в сумраке ночном...
Дождь пустынный за окном...*

*Свист за дверью, вой в трубе...
Век прожив в пустой борьбе,
Вспоминаю о себе..,*

*Меркнет цвет и гаснет свет...
Ни тревог, ни мира нет...
В миге — много тысяч лет...*

*Точно я уж вечность жил,
Вечность сетовал, тужил,
Тайне вечности служил...*

*Ночь... И только мысль во мне,
С тьмой ночной наедине
Тускло тлеет в глубине.:*

*Тьма... Лишь воеет за окном,
Все о том же, об одном,
Ветер в сумраке ночном...*

MARCIA EROICA

*Tuba mirum spargens sonum
Per sepulchra regionum.*

Памяти Н. Л. Тарасова

*В снежной пустыне, при бледной луне,
Мечется Витязь на белом коне...
Скачет с угрюмым Своим трубачом,
Машет в пустыню тяжелым мечом...*

*Глухо и скорбно серебряный рог,
В мертвом безмолвии белых дорог,
Будит полуночный дремлющий мир,
Сирых и скорбных зовет на турнир...*

*Дико и сумрачно конь Его ржет,
С дрожью таинственной клич узнает,
Рвется, трепещет, встает на дыбы,
Ждет не дожидется разгула борьбы...*

*Глухо ответствуя, льется в простор
Пение труб, повторяющих сбор...*

*Искрится, зыблется лунная мгла,
Дрогнула полночь, вся ночь ожила...*

*В снежной пустыне, средь лунных огней,
Белые всадники гонят коней...
Слышится с запада посвист лихой...
Близится с севера топот глухой...*

*Мчатся-сдвигаются с пенем рогов,
В скорбном побоище вихри врагов...
Снежным туманом дымятся поля...
Белым пожаром объята земля!*

*Только темнеет луна в небесах,
Только взрывает серебряный прах,
Грозно сойдясь — лезвием к лезвию —
Белая Конница в белом бою...*

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

*Проходит жизнь в томлении и страхе...
 Безмерен путь...
И каждый миг, как шаг к угрюмой плахе,
 Сжимает грудь...*

*Чем ярче день, тем сумрачнее смута
 И глуше час...*

*И, как в былом, солжет, солжет минута
Не раз, не раз!*

*Мой дом, мой кров — безлюдная безбрежность
Земных полей,
Где с детским плачем сетует мятежность
Души моей,—*

*Где в лунный час, как ворон на кургане,
Чернею я,
И жду, прозревший в жизненном обмане,
Небытия!*

НА ПОЛЕ ВАТЕРЛО

*Склонись с тоскою всякое чело—:
Пасется Мир в равнине Ватерло!
Где до небес рычал сраженный лев,
Стоят теперь корыто, ясли, хлев,
Шумит трава, и, в час иных забот,
Проходит плуг, и бродит мелкий скот...
Где грозно смерть гнала свою метель,
Теперь пастух поет в свою свирель...
Что в гордом сне замыслил Человек,
Смела гроза, суровый меч рассек!
Что ж, сердце, с болью мечешься в груди!
Тужи, но знай — Пустыня впереди...*

*Умолкнет в мире всякая молва...
На все прольет свой скорбный шум трава,
Склонив к покою каждое крыло —
Как этот мир в равнине Ватерло!*

ЗОДЧИЙ

С. А. Полякову

*Своенравным Зодчим сложен
Дом, в котором я живу,
Где мой краткий сон тревожен,
Где томлюсь я наяву...*

*Много в нем палат огромных,
Ниш пустынных и зеркал,
В чьих углах, в чьих безднах темных
Отблеск солнца не сверкал.*

*Много в нем — средь мрачных келий,—
Масок, каменных зверей,
Лестниц, мшистых подземелий,
Ложных окон и дверей...*

*Скорбен в доме день короткий...
Скорбно месяц, зыбля мглу,
Черный крест моей решетки
Чертит в полночь на полу...*

Низки сумрачные своды
Над твердыней серых стен —
В замке, где и дни и годы
Я влачу свой долгий плен...

ВЕЧЕРНИЙ ДЫМ

Амины! Амины! Закончен круг дневной,
Наш малый круг...
Почил и звон и гул борьбы земной,
И серп и плуг...

Скудеет в небе светлая лазурь,
Прошла волна!
Лишь в темном сердце отзвук дальних бурь
Не знает сна...

Далекий вихрь увел свой пестрый шум,
И блеск и цвет,
Оставив нам печаль бессильных дум
И звездный свет...

Раскрылась ночь с безмолвием своим,
В ее тени,
Толпа детей, без крова мы стоим,
Одни, одни!

Рабы одной галеры в блеске дня,
Уходим мы,
С отдельной болью жребий свой кляня,
В отдельность тьмы...

ЭЛЕГИЯ

Как дымный вечер, скорбен я...
Как шорох ночи — речь моя!

Бессильный трепет грез во мне,
Что лунный блеск в морской волне...
Порядок вещей дум моих,
Что звездный свет, печально-тих...

Моих часов докучный бег —
Как в час затишья плавный снег...

Глухая боль в груди моей,
Как стужа северных полей...
В моем пути поет метель...
Моя душа — ее свирель!

NOCTURNE

Час полночный... Миг неясный...
Звездный сумрак...— Тишина...
Слабых крыльев взмах напрасный,
Мысль — как колос без зерна!

Весь свой век, как раб угрюмый
В опустелом руднике,
Пролагаю ходы, трюмы
С тяжким молотом в руке...

*Много в мире нас стучало,
Вскинув горестный топор,—
Мы не знаем, где начало
В лабиринте наших нор...*

*Все-то знанье:— что от века
Миллионы слабых рук,
Точно сердце человека,
Повторяли тот же стук...!*

*Весь удел в тюрьме гранитной,
В сером храме древних скал:—
Чтобы молот стенобитный
Одиноко упал...*

*Дни идут — пройдут их сотни —
Подземелью края нет...
Только смерть — наш День Субботний,
Бледность искры — весь наш свет!*

ВЕНЧАНИЕ

Памяти М. А. Морозова

*Венчальный час! Лучистая Зима
Хрустальные раскрыла терема...*

*Белеет лебедь в небе голубом...
И белый хмель взметается столбом...*

*Лихой гонец, взрывая белый дым,
Певучим вихрем мчится к молодым...*

*Дымит и скачет, трубит в белый рог,
Роняет щедро жемчуг вдоль дорог...*

*В венчальном поле дикая Метель
Прядет-свивает белую кудель...*

*Поют ее прислужницы и ткут,
Тебя в свой бархат белый облекут,—*

*И будешь ты, на вечность темных лет,
Мой бледный княжич, щеголем одет...*

*Твоих кудрей веселых нежный лен
Венцом из лилий будет убелен...*

*И в тайный час твоих венчальных грез
Поникнешь ты средь белых-белых роз...*

*И трижды краше будешь ты средь них,
Красавец бледный, белый мой жених!*

ПОЛНОЧЬ

*Как Молот, вскинутый судьбой,
Ночных часов пустынный бой
Поет, что будет новый день,
Иной рассвет, иная тень...*

*Но Тот, Кто мигам бег судил,
Их в нить таинственную свил,
В своей великой тишине
На роковом веретене...*

*Часы на башне полночь бьют,
Сказанье древнее поют,
Одно и то же в беге лет
И там, где тьма, и там, где свет!*

*Умолк двенадцатый удар...
И что же — старый столь же стар,
И нищий нищ, как в прежний срок,
И одинокий — одинок...*

*Правдиво время — верен счет!
Но жизнь проходит, жизнь течет,
Клоня-склоняясь в прах и тлен
Без новизны, без перемен...*

МАЯТНИК

*В тягостном сумраке ночи немой
Мерно качается Маятник мой,
С визгом таинственным, ржаво скрипя,
Каждый замедливший миг торопя...*

*Будто с тоской по утраченным дням
Кто-то, по древним глухим ступеням,*

*Поступью грузной идет в глубину,
Ниже, все ниже, -- во тьму, в тишину...*

*Будто с угрюмой мольбой о былом
Сумрачный Кормчий упорным веслом
Глухо, размеренно гонит ладью
Вдаль, в неизвестную пристань мою...*

*Призрак Галеры плывет да плывет...
Дальше, все дальше, все глуше поет
Скорбный и мерный, отрывистый звон —
Шествие Часа в пустыне времен...*

ГОРНАЯ
ТРОПА

Марии Б.

I

Indi un altro vallon mi fu scoperto.

Dante

To see a world in a grain of sand...

William Blake

Af klarsynt dröm, af matt förnuft,
af eld och vatten, jord och luft!

Per Hallström

АЛЬПИЙСКИЙ ПАСТУХ

*По высям снегами
Увенчанных гор,
Как в радостном храме,
Блуждает мой взор...*

*По склонам их вечным,
С межи на межу,
С напевом беспечным
Я стадо вожу...*

*На светлых откосах
Все глубже мой хмель...
От неба мой посох,
От неба — свирель...*

*Вне смертной тревоги,
Как ясность ручья,
От Бога — о Боге —
И песня моя...*

*Он тайною вечной
Мой разум зажег
И зов бесконечный
Вложил в мой рожок...*

*И свят над горами
Звон плача его,
Как колокол в храме
Творца моего...*

НЫНЕ И ПРИСНО

А. Скрябину

*Все, что трепещет иль дремлет
В тайном кругу бытия,
Строго от века объемлет
Мера моя.*

*Слитность и вздох одинокий,
Колос и цвет на лугу —
Смертные грани и сроки
Я стерегу.*

*Тот, кто в незнании беспечен,
Тот, кто прозреньем томим —
Каждый незримо отмечен
Знаком моим...*

*Правя земною игрою,
Вскинув-смирив волну,
Я разрушаю и строю,
Сею и жну.*

*Солнце в светящем небе,
Искра в ночной тишине —
Каждый раскрывшийся жребий
Замкнут во мне.*

*Грянув, как молот суровый,
В вечном и тщетном бою,
Я расторгаю оковы,
Цепи кую.*

*Мука влекомых на плаху,
Ласка мгновений людских,
Все умолкает по взмаху
Крыльев моих!*

ДРЕВНЕЕ СКАЗАНИЕ

To Edward Gordon Craig Esq.

*Вначале был лишь сон весенний
И тишина,
И не вскрывался трепет тени
В судьбе зерна...*

*И в час расцвета, в час зачатий,
Вступая в путь,
Еще без плача об утрате
Вздымалась грудь...*

*Еще в кругу забвенной неги
Текли часы,
И пили стройные побеги
Алмаз росы...*

*Но рог, зовущий тайну к яви,
Все звонче пел,
И дрогнул мир в лазурной славе,
И день вскипел...*

*И — лишь дремавшая у Бога —
Глухой волной,
Вошла великая тревога
В простор земной...*

*И, тень познав, сквозь трепет боли,
Вилась тропа —
Туда, где меркнет стебель в поле
И ждет серпа...*

ВОСХОЖДЕНИЕ

А. Скрябину

*Плетусь один безлюдным перевалом,
Из света в свет — сквозь свет от вечных стен...
Неизреченно пламя в сердце малом
И тайный жар в душе неизречен!*

*Мгновения — как молнии... В их смене
Немеет вздох отдельности во мне...
И в смертной доле выше нет ступени,
И ярче нет виденья в смертном сне!*

*Ни жалобы, ни боли своевольной...
Ни ига зыбкой радости людской...
Лишь кроткий свет молитвы безглагольной,
И знание без мысли, и покой...*

*И снова дух, как пилигрим опальный,
Восходит в храм пророческой Молвы,*

*Где ширь земли — как жертвенник венчальный
Под звездным кровом Бога синевы,—*

*И где, вне смерти, тает в кротком свете,
В жемчужных далях бездны золотой,
Вся явь вещей и бранный труд столетий,
Как легкий дым камильницы святой...*

МОЛИТВА

С. А. Полякову

*Забвенья, забвенья! Всей малости крова!
Всей скудной, всей жалкой отрады людской —
Усталым от дали пути рокового,
Бездомным, измученным звездной тоской!*

*Мгновенья покоя средь вихря мгновений —
Свершающим заповедь зыбкой волны,
Во мраке без искры, средь зноя без тени
Всей смертною кровью питающим сны!*

*Убежища бедной душе, осужденной
На горестный подвиг томленья в пыли,
И жребий изгнанья, и трепет бессонный
На вечном распутье в пустынях земли!*

*Ночлега влачащим свой посох железный
И боль и убожество смертной сумы,
И ждущим забвенья от выси, от бездны,
От горькой повторности света и тьмы!*

КРУГ ВЕКОВЕЧНЫЙ

Валерию Брюсову

*Близится ночь к рассвету...
Ясен шелест листвы...
Строится стебель к цвету,
Цвет лишь ждет синевы...*

*Ширит заря тревогу,
Зыбко искрясь в пыли...
Тянется сердце к Богу
С темным вздохом земли...*

*Льется, как пламя, в воды
Синий, радостный день —
Холит земные всходы,
В полдень, светлая тень...*

*Все, что цвело-боролось,
К часу тайного сна*

*Вскинулось ввысь, как колос,
С малой данью зерна...*

*Клонится путь к ночлегу,
Меркнет и тень и зной...
Слава дневному бегу!
Слава тайне ночной!*

ВЕЧЕР В ГОРАХ

С. А. Полякову

*Стелет, зыблет лунный прах
Тишь вечерняя в горах,
В сонном царстве вечных льдов...
Белых замков, городов...*

*Лишь средь каменных оград
Глухо воеет водопад,
И белеют вдоль скалы
Пыльно взрытые валы...*

*Дремлют башни и зубцы...
Глухи храмы и дворцы,
И обходит их порог
Суета людских дорог...*

*У ворот их, строясь в ряд,
Стражи белые стоят,
И сверкает их броня
Зыбью лунного огня...*

*Стелет звездный свой простор
Тишь вечерняя средь гор,
Где раскрылся под луной
Мир и холод неземной...*

МОЩЬ МАЛОСТИ

К. Бальмонту

*Мыслю все чаще
В свете мгновенья —
Выше и слаще
Путь отреченья!*

*Замыслы ломки,
Счастье хило...
В серой котомке —
Правда и сила...*

*Думы безродных
В мире утраты*

*Знанием свободных
Будут богаты...*

*В далях вселенной
Встретит бездомный
Мир неизменный,
Свет незаемный...*

*В пору недоли
В сердце усталом
Будут без боли
Слезы о малом...*

*Горечь тревоги
Воля осудит —
В смертной дороге
Смерти не будет!*

КОЛОКОЛ

Валерию Брюсову

*Высился, в славе созвучий,
С песней венчально-святой,
Колокол вещей, могучий,
В пламени утра литой...*

*В звоне на версты и мили,
В зове за смертный предел,
Сильный, гремел он о силе,
Тайный, о тайне гудел...*

*Много надежд заповедных,
Чаяний света во мгле
В трепете уст его медных
Стройно звучало земле...*

*Но, раздаваясь все строже,
Часа тоскующий крик
Отзвуком суетной дрожи
В вечное пенье проник...*

*Тайная горечь без срока
Утренний звон облекла,
И — зарыдав одиноко —
Стала проклятьем хвала...*

ВЕЧЕРНЕЕ ВИНО

К. Бальмонту

*Знаю цепи, помню крылья,
Миг победы, час господства,
Век бесплодного усилья,
Вечность пени и сиротства...*

*Помню золото рассвета,
Знаю дым и кровь заката,
Помню пламя, пламя цвета,
Трепетавшее когда-то...*

*Знаю, знаю кубок желчи,
Горечь смертного томленья,
Смертной жажды облик волчий,
Бледный призрак утоленья...*

*Знаю трепет солнца в пене,
Знаю гаснущие очи
И великие ступени
В беспредельность звездной ночи...*

ГОРНАЯ ТРОПА

Alla Donna Eva Kühn-Amendola

*Лишь высь и глубь!.. Лишь даль кругом...
Напрасно
Дерзаю взглядом, в полдень, в час безгласный,
Хотя б на миг измерить круг земной
И все пыланье неба надо мной...*

*Лишь глубь... Лишь даль, где вьется путь мой
малый,
Что я свершал, карабкаясь на скалы,*

*Хоть часто круты были грани их
Для слабых сил, для смертных ног моих...*

*Вот серый склон изведанный, откуда
Глядел я в ширь, возникшую, как чудо,
Чей пестрый мир уже неразличим,
Как все, что я считал в пути большим...*

*Вот часть стези, где слышал я впервые,
Как билась смерть о скалы вековые,
Сметая в дол, от грани облаков,
Утесы, зданья, кости смельчаков...*

*И снова даль! Мой взор уже бессилен
Проверить смену срывов и извилин,
Которых я почти не узнаю,
В безмолвии, где в полдень я стою...*

*И тщетно дух, от мига отрешенный,
За кругом круг, вскрывает мир бездонный,
Куда нельзя проникнуть светом в тьму
Тоске людской, гаданью моему...*

*И сколько б дум сознание ни включало
В свой детский счет, их мера — лишь начало
Безмерности, где молкнут времена,
Как легким вихрем взрытая волна...*

ПРИЗЫВ

А. Скрябину

*Сквозь пыль и дым, и шум и звон
Взвивайся, Дух, прервав свой сон,—*

*И, весь — дыхание зари,
Над смертным жребием пари!*

*Над суетой сердец людских
И чахлостью любовью их,*

*Над всем, что — горечь, трепет, бой,
Теряйся в бездне голубой,*

*И в синеве, где меркнет цвет,
Где ни луны, ни солнца нет,—*

*У зыбкой грани смертных дней,
За рубежом ночных теней*

*Увидишь Ты запретный край,
Где зреет звездный урожай,—*

*И — только пламя, только дух —
Рождаясь вновь, рождаясь вдруг,*

*Войдешь, тоскуя и любя,
Во храм Изгнавшего тебя!*

ВИДЕНИЕ

А. Скрябину

*Мелькает некий Храм святой
Сквозь дым времен...
От мира огненной чертой
Он отделен...*

*Его святые алтари —
Как звездный щит,
Где ярче утренней зари
Потир горит...*

*Все пенье наших дум и слов,
Наш смертный жар,
В хвале его колоколов —
Один удар...*

*От слуха скованных в пыли
Их звон далек...
И ропот дня и гул земли
Его облек...*

*И вечность горьких ступеней,
Сквозь пыль, сквозь тьму,
Из мира скорби и теней
Ведет к Нему.*

*И лишь ценою всех тревог,
Всех слез, потерь,
Увидит мир Его порог,
Откроет дверь...*

ДНЕВНОЕ СИЯНИЕ

A Giovanni Papini

*В полдневный час, целуя алчно землю,
С молитвенной и трепетной тоской
Я славлю мир, и жребий свой приемлю,
И всякий долг, и всякий крест людской...*

*И знаю —: свят труд молота и плуга,
И праздный цвет, и важный звон серпа,
И свет росы средь утреннего луга,
Как вся земная пестрая тропа...*

*Все та же явь —: осенний вихрь над нивой
И стройный стебель в стройный час весны,
Седые думы старости ворчливой
И юных дней несбыточные сны...*

*Равно достойны света воздаянья —
Суровый пот к земле склоненных лиц,*

*В огне веков нетленные деянья
И мудрый лепет вещей небылиц...*

*Мгновенное и длительность без меры,
Объятые смятением и сном,
И зыбь полей, и в поле камень серый —
Живые зерна в колосе одном...*

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

A Giuseppe Vannicola

*Желтеет колос — пробил срок!
Угрюмый раб, готовь оброк...
Кончая труд, и стон и дрожь,
Богатства Бога приумножь!*

*С молитвой руки ввысь воздень,
И что поил ты в долгий день,
И что лелеял в час зари —
В земную меру собери...*

*Свой вечный вздох, свой горький пот,
И трепет всех твоих хлопот,
Твой долг Небесному Царю,
Неси к святому алтарю...*

*И вспыхнув сам в костре твоём,
Твой дым над жертвенным огнём,
Как малый дар твоих полей,
В вечернем зареве разлей!*

ЗАБВЕНИЕ

*Смыкая две ели,
То быстро, то плавно,
Мелькают качели
В игре своенравной...*

*То вправо, то влево,
Со скрипом подбросят,
И юношу с девой
Из мира уносят...*

*Светло и раздольно
Паденье с размаха...
И сладко и больно
От счастья, от страха...*

*В волне заповедной
Грудь девы чуть дышит,
И юноша бледный
Не видит, не слышит...*

*Их носят качели
И в вихре и в дыме —
И солнце средь елей
Качается с ними...*

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

A Giovanni Amendola

*Кончил в далях Бога
Вал свой шумный бег...
Зимняя дорога
Стелет тихий снег...*

*Миг и миг — две тени...
Равен часу час...
В их жемчужной смене
Искрится алмаз...*

*День и ночь средь снега —
Два глухих звена,
Два немых побега
Белого зерна...*

*Вскрыла в далях Бога
И в груди людской*

*Белая дорога
Белый свой покой...*

*Кротче вздох угрюмый
В блеске зимних дней...
Усыпляет думы
Ровный скрип саней...*

*Смутно и безбольно
Снится даль весны
В веяньи раздольной
Белой тишины.*

ДЕРЕВО

*Тянутся ветви к области горней,
К звездам в бестрепетной мгле...
Скрыты глубоко темные корни
Тайною сетью, в земле...*

*Не потому ли в пору недоли
Светит душе синева —
В свете беспечном, не оттого ли
Сумрачно шепчет листва!*

*В вешнюю пору, в час быстротечный,
В сладостный миг полноты,*

*Пир преходящий, пир вековечный,
Ярко пируют цветы...*

*В зимних сугробах скорбны побеги...
В зимних ветвях — тишина...
Сказка о солнце, сказка о снеге —
Два неразгаданных сна...*

*То-то с тревогой, в чаш изумрудный,
Зыблет сиянье росу!
То-то порою больно и трудно
В божьем великом лесу!*

КОРМЧИЙ

*В ярости бурь, в океане,
Старец седой у руля
Держит в бестрепетной длани
Жребий и бег корабля...*

*В строгом служении дали,
Вечны в случайности дней
Древние пальцы из стали,
Пламя под снегом бровей...*

*В беге сквозь пену, сквозь брызги,
Взрытые синюю тьмой,
Строен в их свисте, в их визге,
Кормчий глухой и немой...*

*Только в смятении диком
Вскинутых к небу валов
Чудится, слитый с их криком,
Хохот проклятья без слов...*

*Волею, с бурей союзной,
Мчит молчаливый Старик
Утлый, громоздкий и грузный,
Дрожью охваченный бриг,—*

*Мощью, не знающей меры,
В море, не знающем дна,
Гонит Он трепет Галеры
К берегу мира и сна...*

ДЫМ

А. Скрябину

*В древнем храме Жертвы вечной,
Пред волхвом седым,
Ярко пламя, бесконечно
Реет легкий дым...*

*Точно зыбкий и ленивый
Бег часов и лет,
Льются синие извивы,
Зыбля тьму и свет...*

Миг и век, струя святая
Длит свой ток живой,
Строясь к солнцу, рея, тая,
Слившись с синевою...

Носит в пламя Жрец упорный
Смолы и елей,
Воск и чаши крови черной,
И цветы полей...

В древнем храме вечной Дани,
Точно зыбь в волне,
Тает плоть, теряя грани
В жертвенном огне...

Реет пламя, неустанно
Зыбля свет и тьму,
Завершая мир, венчаный
В жертвенном дыму...

ВОЗВРАТ

С. А. Полякову

Брожу опять по старым ступеням
И — только в миг иной —
Шепчу привет и свету и теням,
В далекий день мелькавшим предо мной...

Как новый сон, воскресла явь в былом,
Сплетая жизнь, ее покой и спор
В таинственный, таинственным жезлом
Начертанный, узор...

И явен в часе жребий дней и лет,
И мера вновь их дрожь,
Я узнаю, что гроба в мире нет,
И чувствую, что призрак смерти — ложь...

Как лик луны средь бега облаков,
Пылая, хмуясь, зыбок миг во мне,
Но дремлет быль в бессмертии веков,
Как новый цвет в зерне...

Из вихря в вихрь, в просторе ледяном
Скользит мой дух живой,
И я на час, на явь, что будет сном,
Беспомощно качаю головой!

БЫСТРОТЕЧНОСТЬ

Час — как легкая стрела...
Миг в нем — будто взмах крыла...
Вспыхнул свет, и снова мгла!

Ярки искры, век их мал!
Взрылся лист, что вихрь сорвал,
Покружился и — упал...

*Час забвенья и беда,
Бег их, след их, череда —
Как на мельнице вода...*

*Хлынул вал, ударил в грудь,
Ослепил, и снова в путь,
Не успеешь зачерпнуть!*

*Как бы ни был сон глубок,
Оскудеет в малый срок —
Размотается клубок...*

*Как средь зыби бытия,
К солнцу взрытая струя,
Распадется жизнь моя!*

II

E quindi uscimmo a riveder le stelle.

Dante

Bring me my chariot of fire!

William Blake

Hear the loud alarum bells —
Brazen bells!

Edgar Poe

В МОРЕ

*В безбрежность дня
Один плыву —
В кольцо огня,
Сквозь синеву!*

*В лихих валах
Дороги нет...
Их зыбкий прах
Замел мой след...*

*Весь с мигом слит,
Мой легкий челн
Легко скользит
По воле волн...*

*Рассветный хмель
Над синей тьмой,
Моя свирель
Да жребий мой,—*

*Да гордый ум
Вне смертных уз,
Да прихоть дум —
Вот весь мой груз!*

*Простор валов,
Их зыбкий снег —
Мой верный кров
И мой ночлег...*

*Все — свет, покой
В моем кругу,
И дым людской
На берегу!*

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

*Текут, текут песчинки
В угоду бытию,
Крестины и поминки
Вплетая в нить свою...*

Упорен бег их серый,
Один, что свет, что мгла...
Судьба для горькой меры
Струю их пролила...

И в смене дня и ночи,
Скользя, не может нить
Ни сделать боль короче,
Ни сладкий миг продлить...

И каждый, кто со страхом,
С тоской на жизнь глядит,
Дрожа над зыбким прахом,
За убылью следит,—

Следит за нитью тонкой,
Тоской и страхом жив,
Над малою воронкой
Дыханье затаив!

РАЗДУМЬЕ

Жизнь мельницы в движенье вихрь приводит,
А смертный жребий — боль...
Блажен, кто в ней, служа судьбе, находит
Свой скудный хлеб и соль!

Весь мед цветка в свой дом пчела уносит,
А цвет души — любовь...

*Блажен, кому она свой трепет бросит
В пустынный дух и кровь...*

*Над бездной ночи властвует зарница,
А сердцем правят сны...
Блажен, блажен, чья полночь осенится
Сверканьем их волны...*

*Пучину вод приход весны вскрывает,
Глубь мира — горечь дум...
Блажен, кто снег познания призывает
На праздный жар и шум!*

В ГОРАХ

*Спят вечные горы... И немы
Их выси... И строен их ряд...
Лишь ярко их снежные шлемы,
Забрала и копыа горят...*

*И молкнет в лазурном их дыме
Весь трепет долинный и гул...
И полдень, раскрытый над ними,
В их раме зубчатой уснул...*

*Лишь плавно, цепляясь за кручи,
Где строит свой храм тишина,*

*Плывут, чередуются тучи,
Как звенья их белого сна...*

*И в область томленья и пени,
К порогу тревоги людской
Нисходят их строгие тени,
Их светлая тишь и покой...*

*И в мире бессменной недоли
Я снова молюсь бытию,
И клятву безропотной боли
Безмолвным вершинам даю...*

DEO IGNOTO

Памяти Н. Л. Тарасова

*Жертву живую
Ведут к алтарю...
В сумрачном храме
Не я ли горю!*

*Грозно мелькает
Сквозь жертвенный дым
Древняя жрица
Со взглядом седым...*

Тянется к жертве
Костлявой рукой —
Горестный камень
Ждет крови людской!

Мечется пламя
И блещет, дрожа,
Алым пыланьем
На стали ножа...

В храме пустынном
Безмолвен и строг,
Каменноликий,
Неведомый Бог...

Зарево Смерти
Над зыбким огнем
Красной улыбкой
Пылает на Нем...

Жребий свершился,
И глухо легла,
Жизнь замыкая,
Великая мгла...

Смерклось, и в храме
Таинственно пуст
Жертвенный кубок
У каменных уст!

КАРУСЕЛЬ

*В час пустынный, в час метели,
В легком беге карусели,
В вихре шумном и лихом,
В вечер зимний, в вечер серый,
Мчатся дамы, кавалеры,
Кто — в карете, кто — верхом...*

*Зыбля прах, взрывая иней,
Князь с маркизой, граф с княгиней,
То четою, то сам-друг,
Длинной цепью, пестрой ротой,
Кто в раздумье, кто с зевотой,
Пробегают малый круг...*

*И поет им беспрерывно
Зов шарманки заунывной,
Хриплой жалобой звеня...
И от песни однозвучной
Часто-часто, в час докучный,
Рыцарь валится с коня...*

*Часто-часто рвутся звенья,
Иссякает нить забвенья
И скудеет свет в очах,
Но вплетенных в вихрь случайный
Строго гонит ворот тайный,
Им невидимый рычаг...*

ЛУННЫЕ КРЫЛЬЯ

*Из лунных снов я тку свой зыбкий миг,
Невольник грез, пустынный дум моих...*

*И в лунных далях близится межа,
Где молкнет гул дневного мятежа...*

*И призрачны, безмолвствуя вдали,
Дневная явь и пестрый круг земли...*

*И в звездный час разъятия оков
Я весь — пыланье лунных облаков...*

*И длится тишь, и льется лунный свет,
Вскрывая мир, где смертной боли нет...*

*И тих мой дух, как сладостен и тих
Пустынный цвет пустынных снов моих...*

*И молкнет мысль, и меркнет, чуть дрожа,
Все зарево земного рубежа...*

*И, будто тая, искрится вдали
Немой простор в серебряной пыли...*

*И в тайный миг паденья всех оков
Сбывается алкание веков...*

*Все — сон, все — свет, и сам я — лунный свет,
И нет меня, и будто мира нет!*

ТОПОЛЬ

*Как в мой разум беспокойный
Входит светом пенье грез,
Дикий тополь век свой стройный
В мир дробления принес...*

*Я свирелью многодумной
Слаблю солнце в майском сне,
Он своей листвою шумной
Повествует о весне...*

*Если я теряю в плаче
Ясность сердца моего,
Той же грустью, лишь иначе,
Дышит шелест, речь его...*

*В час смятенья грозового
Стойко встретит свист и вой,
Он, как я, качает снова
Непреклонною главой...*

*В нем — во мне — все тот же жребий,
Долг опальных, долг живых —:
Лишь тянуться к солнцу в небе,
К звездам в далях мировых...*

ФЕЙЕРВЕРК

*У входа в храм венец из терний —
Святая Тень — померк в тени...
И в шуме площади вечерней
Мелькает люд, снуют огни...*

*Пронзая мглу струями света,
Дробятся кольца и круги,
Шипя, взвивается ракета
Изгибом огненной дуги...*

*И в мире звезд, в тиши их вечной,
Пылает пестрый вой и звон,
И каждый ярко, в час беспечный,
Мгновенной искрой ослеплен...*

*Дробясь, сплетая в ожерелье
Весь малый клад людской сумы,
Скользит полночное веселье
В безмолвной тьме, не видя тьмы...*

*И дышит-дышит грудь земная,
Забыв полдневную вражду,
Своей судьбы еще не зная
В ночном скудеющем бреду...*

НОЧНАЯ ТИШЬ

*Дышит полночь тенью жуткой...
Тьма в окне и в сердце тьма...
Сладость — малая минутка...
Горечь — долгая зима...*

*Чуткий дух в тоске бессменной
Внемлет ночи у окна...
Велика, неизреченна
Неземная тишина...*

*Но с годами понемногу
Тают тайные круги,
И к последнему порогу
Приближаются шаги...*

*Слышен звон освобожденья
В бое медленных часов,
И сдвигает бег мгновенья
Неразгаданный засов...*

*Будет час, и дрогнут петли,
Дверь глухая задрожит,
И узнаю, тьма ли, свет ли
Смертный выход сторожит!*

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Люблю средь леса, в час осенний,
Под грустный шум,
Внимать волнению и пени
Пустынных дум...

Распались замки, тлеют своды
В глухом огне,
Чей тонкий дым венчает годы
И сны во мне...

Прошли зеленые потемки,
Их звон утих...
И гнется с треском стемель ломкий
У ног моих.

Пустынны в гаснущем наряде
Ряды берез,
Где зыблет ветер мох, как пряди
Седых волос...

И блеск и звон, цветы и травы
Судьба сожгла,
И в дымном храме вешней славы —
Зола, зола...

ПРИЗЫВ

*Кланяйся, смертный, дневной синеве!
Кланяйся листьям, их вешней молве,
Кланяйся — ниже — осенней траве!*

*Звонко в горячей молитве хвали
Алую розу, нарядность земли,
Звонче же — ветку в дорожной пыли!*

*Падай пред солнцем, раскрывшим свой зной,
Славь и величие бездны ночной,
Празднуй и малость песчинки земной...*

*Кланяйся звездам, что ярко зажглись,
Жарко сверканью зарниц умились,
Жарче на малую искру молись!*

ПУТЬ К СИНЕВЕ

А. Скрябину

Thine are these orbs of light and shade.

Tennyson

*В рассветную пору,
Сулившую вёдро,
Отцветшей, далекой весной,*

Беспечно и бодро —
По древнему бору —
Бродил я тропою лесной.

Был сон... Лишь на елях
И соснах, чьи ветки
Сплетались в шатры, в купола,—
Как трепет их редкий,
На плавных качелях
Качалась зеленая мгла...

И шел я... И долог
Был час беззаботный,
Что сладко баюкал меня...
И сумрак дремотный
Тянулся, как полог,
Меж мной и безмерностью дня.

Лишь в полдень, неожиданно,
Сквозь зыбь на осине —
От вихря, объяввшего лес —
Полоскою синей,
И жутко и странно,
Мелькнула мне бездна небес...

Так снилось — так было...
И полдень и лето
Погасли у края стези...
И тщетно их цвета
В тревоге унылой
Ищу я вдали и вблизи...

*Лишь слышу я шорох
Осенней печали,
Немолчной в заглохшем кругу...
И листья опали,
И мертвый их ворох
Встречаю на каждом шагу...*

*И в мертвом просторе,
Над серой дорогой,
Где глухо седеет трава,
Безмолвно и строго,
Как сонное море,
Раскрыла свой мир синева...*

ПРОБУЖДЕНИЕ

*Светает близь... Чуть дышит даль, светая...
Встает туман столбами, здесь и там...
И снова я — как арфа золотая,
Послушная таинственным перстам...*

*И тайный вихрь своей волною знойной
Смывает бред ночного забытья,
В мой сонный дух, в мой миг еще нестройный,
То пурпур дум, то пурпур грез струя...*

*И длятся-длятся отзвуки живые,
Возникшие в запретной нам дали,*

*Чтоб дрогнуть вдруг, волшебю и впервые,
Как вестъ из рая, в жребии земли...*

*И вот мой дух, изгнанник в мире тленья,
Бесменный раб изменчивых теней,
Тоскующе слезами умиленья
Встречает сказку родины своей...*

АККОРДЫ

*В даль из перламутра
Кинув трепет звона,
Развевает утро
Синие знамена...*

*У рассветной двери,
В песне о просторе,
Славлю в равной мере
Капельку и море...*

*Вспыхнул полдень яркий
Красными кострами...
Сердце — трепет жаркий!
Дух мой — пламя в храме!*

*Серым покрывалом
Вечер пал на землю...*

*С дрожью в сердце малом
Жребий тьмы приемлю...*

*Труден путь над бездной
К неземному краю...
К вечной тайне звездной
Руки простираю!*

РАЗДУМЬЕ

*Истекает срок за сроком,
Гнется стебель, меркнет цвет —
Пена, взрытая потоком
Устремленных в вечность лет...*

*В смене тени и сверканья
Дышит время, миг поет...
То же темное алканье
Часу час передает...*

*Входит в круг борьбы немолчной
Тишь, меняющая сны,
Где лишь звонче ропот желчный
Обделенной седины...*

*В неизменности и в смене
Храм беззвездный строит мгла,
Где лишь светится средь тени
Бледность скорбного чела...*

ДРОБЛЕНИЕ

*Как бы ни цвел неизмеримо
В пыланы мира каждый миг,
В нем, тайным страхом одержимо,
Трепещет сердце, дух поник...*

*И все встречают вихрь мгновенья
Холодным взглядом сироты,
И что ни доля, то — дробленье
Невозвратимой полноты...*

*И каждый-каждый, судя строго,
Своим случайным часом жив,
Отторгнув грудь свою от Бога,
Себя от мира отделив!*

*Как будто в жизни не от века,
Хвалою майскою звеня,
Сверкает в доле человека —
Живое пламя — чудо дня!*

*И будто, звездными волнами
Баюкая безгранно нас,
В безмолвных высях не над нами
Плывет-цветет полночный час!*

СЕЯТЕЛЬ

*Древним плугом поле взрыто,
Будут зерна в глубине!
Ширь пустынная открыта
Зеленеющей весне...*

*В древнем поле, над оврагом,
Вековой своей тропой,
С зыбкой ношей, мерным шагом
Бродит Сеятель слепой...*

*Он бессмертную десницей,
Строго помня свой завет,
Сеет плевелы с пшеницей,
Хлеб людской и божий цвет...*

*Будет год ли урожайный,
Иль бесплодье ждет зерно,
Приговора вечной тайны
Старцу ведать не дано...*

*Он лишь мерно, горстью полной,
Рассыпает вдоль межи
Летний трепет, шелест, волны,
Звон и пенье в поле ржи...*

*Из лукошка рокового
Он лишь сеет дар Творца —
Скудный свет людского крова
И проклятие жнеца!*

BEATI POSSIDENTES

*Блажен, чей день лазурным кругом
Облек поля, венчал простор...
Блажен, чей путь проходит лугом,
Где пестрый цвет встречает взор...*

*Блажен, кто, жизнью ослепленный,
Весь предан мигу, с мигом слит,
По краю пропасти бездонной
Без дум и ужаса скользит...*

*Блажен, в ком слиты воедино
Случайность жизни и судьба,
Кто с гордым сердцем господина
Свершает горький труд раба...*

*Блажен, кто, жребий вверив зною,
Избранник Солнца, гаснет с ним,—
Блажен, кто силой неземною
От смертной горечи храним...*

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

*Входит под сирую кровлю
Вечер... И тесен мой кров!
Малое сердце готовлю
К таинству звездных миров...*

*Явное в свете и в зное
Призрачно в лунной пыли...
Лживо томленье дневное,
В мире не стало земли!*

*Реет в ночном океане
Дух мой свободной волной...
Огненно зыблясь без грани,
Тайна — лишь тайна — со мной...*

*День — его крики и лица —
Бред обманувшего сна!
Каждая дума — зарница,
Каждая мысль — тишина...*

*Радостен детский мой лепет
Богу, представшему вдруг...
Весь я — молитвенный трепет
К звездам протянутых рук!*

НА УЛИЦЕ

*Стою один на перекрестке
Средь шума улиц городских,
Вникая праздно в пыль и блески,
В покой и важность лиц людских...*

*Какое хитрое сплетенье —
Без явной связи и межи —*

*И сна и горького смятенья,
Слепой правдивости и лжи!*

*Снуют наряды, перстни, бусы,
И жадность уст и алчность глаз,
Ханжи бродячие и трусы,
Тщета и глупость напоказ.*

*И видны-видны сквозь румяна
Земного счастья кроха,
Печать корысти и обмана,
Клеймо позора и греха...*

*Ползет чудовищем стоногим,
Чей темный голод глух и нем,
Толпа, довольная немногим,
Неутоленная ничем...*

*И каждый носит в сердце сонном
Свободу, ставшую рабой,
Случайность, ставшую законом,
И жребий прихоти слепой...*

*И жуток свет во взглядах смелых,
И грозен всюду знак судьбы
На пальцах, горько загорбелых,
На спинах, согнутых в горбы...*

*И всех равняет знаком сходства,
Приметой божьего перста,
Одно великое сиротство,
Одна великая тщета!*

СИНЕВА

*Луг желтеет — сад роняет
Вешний цвет, убор листвы...
Только небо не меняет
Первозданной синева...*

*Молкнет гром, и вихрь, и даже
Вечный вздох людского сна...
Мир венчает всюду та же,
Вековая тишина...*

*Дан предел и время смены
Тени ночи, часу бурь —
Лишь горит века средь пены,
В море зыбкая лазурь...*

*Пестрый мир клоня к покою —
Мысли, подвиги, слова —
Правит долею людскою
Цельность, вечность, синева...*

III

En lo cerrado salida...

Cervantes

The suell should break of this protracted dream.

Byron

O navicella mia, com' mal se' carcal

Dante

РЫБАКИ

А. Н. Лебедевой

*В радостной силе,
В утреннем свете,
Брошены были
Легкие сети...*

*В ясности вала
Искрилось море...
Гордо пылала
Вера во взоре...*

*Пела вне тени
Доля земная,
В трепетной пене
Бездны не зная...*

*Длится и длится
Лов запоздалый...
Ждет и томится
Старый и малый...*

*Сумрачны речи,
Взгляды туманны...
Врезался в плечи
Крест конопляный...*

*В меркнущем свете,
К мели пустынной
Близятся сети
С илом и тиной...*

*То-то услада
Смелым, что с криком
Ищут лишь клада
В море великом!*

УТРОМ

*Искрятся мгновенья
В ранней тишине...
Миг прикосновенья
К дремлющей струне!*

*Свет в тиши ленивой
Зыблет в сердце тень —
Вечное огниво
Бьется о кремень!*

*В час зари безбурной,
Ширя синий зной,
Льется звон пурпурный
С неба в круг земной...*

*Льется в час безбольный
К небу от земли
Отзыв колокольный
Алчущих в пыли...*

*Реют два сиянья,
Ширя день-деньской
Вихри, чье слиянье —
В радости людской!*

АЛЛЕЯ

*Вьется аллея
Вниз под откос,
Вся пламенея
Алостью роз...*

*Тишью и зноем
Парк усыплен...
Тянутся строем
Тополь и клен...*

*Кровь земляники...
Мшистые пни...
В полдень великий
Сладко в тени!*

*Шаг и — все реже
Полог лесной.
Листья все те же,
Шелест — иной...*

*Солнце за тучей...
Хмурится дол...
К иве плакучей
Путник пришел...*

*Длится аллея
Под гору, вниз,
Где, лишь чернея,
Спит кипарис...*

ПРИБЛИЖЕНИЕ

*Все мы с проклятием бродим
В замке неведомой тьмы...
Все мы с тоскою подходим
К двери из смертной тюрьмы!*

*Горек в тиши бесконечной
Топот усталых шагов —*

*Жуток сквозь сон быстротечный
Шелест нездешних лугов!*

*Все мы на тайном пороге,
В вещем сверканьи зарниц,
С болью о смертной тревоге
Горестно падаем ниц...*

*Чада земного распутья,
В час, расторгающий сон,
Ачно скрепляем мы прутья
В ржавой ограде времен...*

*Страшно нам в глубь роковую
Взглядом пытливым взглянуть —
Страшно на тайну живую
Смертной рукой посягнуть!*

КОМАРЫ

*Пляшет в меркнущем пожаре
Рой вечерних комаров...
Сколько в мире брэнной твари,
Богом замкнутых миров!*

*Как и я, служа мгновенью,
Протянувшись ввысь столбом,
Вьются мошки легкой тенью
В небе бледно-голубом...*

*Пусть все тем же смертным бредом
Ослепил их беглый миг,
Но их жребий мне неведом,
Как и жребий дней моих...*

*Только вижу вечер сонный
И печаль стоячих вод,
Где толчется ослепленно
Комариный хоровод...*

*Только знаю, что до срока
Длиться суетной игре,
Устремленной одиноко
К догорающей заре...*

ЗА КРУГ ЗЕМНОЙ

*В тиши ли гор пространство озираю,
Иль глухо слит с волной,
В земную даль я руки простираю,
В простор земной...*

*Везде, везде, где искрилось мгновенье,
Иль дымно день скудел,
Я с тайною тревогой умиленья
На мир глядел...*

*В безмолвии и в дни борьбы докучной
На все, в чем жизнь цвела,*

*Готовила свой отклик полноразличный
Моя хвала...*

*Но как душе тоскующей ни любви
Цветы, чье имя — миг,
И пламя дня, и даже трепет грубый
Страстей людских,—*

*Я все же с тайной грустью разделяю
Их вечный пир дневной
И алчный взор все чаще устремляю
За круг земной...*

ВИФЛЕЕМСКАЯ ЗВЕЗДА

*Дитя судьбы, свой долг исполни,
Принимая боль, как высший дар...
И будет мысль — как пламя молний,
И будет слово — как пожар!*

*Вне розни счастья и печали,
Вне спора тени и луча,
Ты станешь весь — как гибкость стали,
И станешь весь — как взмах меча...*

*Для яви праха умирая,
Ты в даль веков продлишь свой час,
И возродится чудо рая,
От века дремлющее в нас,—*

*И звездным светом — изначально —
Омыв все тленное во мгле,
Раздастся колокол венчальный,
Еще неведомый земле!*

ЗАМОК СТРАХА

*Долго время в Замке Страха,
Где я в полночь света жду,
Где мелькает только плаха
В нескончаемом бреду...*

*Пробуждая мертвый шорох,
Срок за сроком бьют часы...
Призрак черепа в узорах,
В бегах линий — знак косы...*

*В пестроте дневного звона,
На случайный смутный звук
Отвечает горечь стона,
Бледность лиц и трепет рук...*

*В долгий час ночного круга
Скорбно смотрит в лунный прах
Мука детского испуга
В отуманенных зрачках...*

*В древнем замке — безысходно —
Боль всегда и боль везде...
И душа — как цвет бесплодный
Белых лилий на воде...*

РАЗДУМЬЕ

*Проходит день, и глухо сердце бьется —
О том, что есть, о том, чего уж нет...
По жребию нам счастье дается,
По жребию, раскрывшись, меркнет свет...*

*То явь гремит, то, осененный снами,
Как дымный факел, тлеет тихий час...
Их чередя расчислена не нами,
Их тайный след в душе решен без нас!*

*Вплетаясь в жизнь, раскрывшись вдруг, украдкой,
Всегда, врасплох приходит каждый миг...
И скорбен дух, обманутый догадкой,
И медлит воля в помыслах своих...*

*Но ясен путь, и падают оковы,
Едва душа, без боли о себе,
Тоскующе приемлет долг суровый
Свободного служения судьбе...*

ЧЕРЕДОЮ

*Я светлой доли знал немало,
И трудной скорби ведал много...
Не раз, не раз весна пылала —
Не раз метель дымилась строго...*

*Час гордой силы вел истому...
Сменял неволю час свободный...
И ждал я счастья по-пустому,
И чах и цвел поочередно...*

*И пели дни от смены к смене,
И в миг, смирявший пламя в гимне,
Я знал, что будет зной без тени,
Я знал, что будет холод зимний...*

*И светел взор мой, в даль вперенный,
И — полный кротости и веры —
Я с думой мудро-примиренной
Встречаю день и вечер серый...*

*Изведав пламя, таю, тлею
И цветом нови оживаю —
О прежних днях не сожалею,
Погасших снов не призываю...*

НОЧЬЮ

Н. А. Подгорному

*Затмила полночь тайну яви —
Раскрыла полночь тайну сна,
Но смертным грезам, их забаве,
Моя душа не предана.*

*В пустынной мгле, где сердце тонет
И будто вскрыта грудь моя,
Мой детский ужас мысли гонит,
Мой дух не знает забытья...*

*Средь бездны, преданной дремоте,
Расторгла ночь мой смертный плен,
И вот — во мне не стало плоти,
Вокруг меня не стало стен!*

*И горстью праха с тьмою слитый,
Не зная яви, чуждый сну,
Я без опоры, без защиты,
В полночном омуте тону...*

*И бледной искры жду, как блага,
И жду рассветного крыла,
Познав, как в мире сердце наго,
Как ночь земная тяжела!*

ИЗ ТЕНИ В СВЕТ

*То опьяненный синевою
Плетусь стезею кочевой...*

*То вновь, в докучной полумгле,
Влачу свой жребий на земле...*

*Из света в тень, из тени в свет,
Иду, свершая свой завет...*

*Из тени в свет, из света в тень,
Меня уводит краткий день —*

*От блеска утренней росы,
От цвета вешней полосы,*

*От детских игр — в кровавый бой,
В пыланье выси голубой —*

*К печали молкнущих полей,
К тоске и плачу журавлей —*

*И к тайной грани сна в снегу,
На неизбежном берегу!*

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

*Полоска дня все уже, уже
И все бледней...*

*И так тревожит ум досужий
Приход теней!*

*И тлеет, тлеет, без пыланья,
Дневной покров
От безглагольного дыханья
Ночных миров...*

*И лишь дымится, в час отлива,
Земное дно,
Где все живое сиротливо
Обнажено...*

*И дышит сердце вздохом тени —
Слепой игрок —
Растратив свет своих томлений
В столь малый срок!*

*Лишь искры звезд, смирив вздохи,
Зовут меня,
Горя, как солнечные крохи
От пира дня...*

В БЕЗМЕРНОСТИ

*Версты и версты, мили и мили...
Трепет средь зноя, слезы от пыли,
В мире обманчивых вех —
Все же в скитаньи, начатом в силе,
Ясен и звонок мой смех!*

*Все же я сердцем, гордым до срока,
В пестром сияньи нивы широкой,
Верю дневному лучу
И, отгоняя тень, без упрека
Посох железный влачу...*

*Силясь, шагая — долго, далече —
В мире без крова, в доле без встречи,
Любо мне мерить холмы —
Пусть оттянула бедные плечи
Бедная наша сумы...*

*Пусть средь истомы жажды палящей
Темному сердцу снится все слаще
Близость пути к рубежу —
Все же с любовью в дым предстоящий,
В тайную даль, я гляжу...*

ПРЯЛКА

*За древнюю Прялкой с куделью косматой
Бессонная Пряха, с утра до заката,
В таинственном замке, на пыльном граните,
Хлопочет-свивает непрочные нити...*

*То бледная дева, средь тени светлицы,
Перстами весталки, перстами блудницы,
С тоскующей песней, с алканьем во взгляде
Срывает-равняет волшебные пряди...*

*То годы и годы, безмолвно и глухо,
В кругу заповедном слепая старуха
Урюмо хлопчет о нити неровной
И сумрачно водит рукой хладнокровной...*

*Сверканье ли, тьма ли дымится сквозь окна,
Заклятая Прялка свивает волокна,
Готовя упорно, без лада, без связи,
Лохмотья на нищем, наряды на князе...*

*И древняя Пряха без меры, без грани,
Средь майского цвета, в осеннем тумане
Бессонные пальцы за пряжей торопит,
Непрочные нити бестрепетно копит...*

РАЗДУМЬЕ

О. Л. Мелконовой-Езековой

*Знание людское
Странно расчислено —
Важно в покое,
В горе бессмысленно!*

*В яркий и строгий
Свет упования*

*Входит в тревоге
Смута гадания...*

*В утреннем храме —
Арфа Эолова,
Сердце с годами
Грузно, как олово!*

*Молкнет от страха
Дума бессонная,
Жребием праха
Обремененная.*

*С каждою ложью
Все суевернее
Смотрим мы с дрожью
В небо вечернее...*

*Чудо прозренья
Нам не даровано,
Пламя стремленья
Сковано, сковано!*

АМИНЬ

*Опять, венчая круг суровый,
Зажглась вечерняя заря,
И — верный жрец — до жертвы новой
Я отхожу от алтаря.*

*Хвала и мир свершенной грани!
Хвала и мир пустым садам!
Живой тоске каких алканий
Мой вещей дух я вновь предам?*

*Повторна ночь, и свет повторен.
Неисчерпаем трепет лет...
И вся безмерность тайных зерен
Еще раскроется, как цвет...*

*Еще в великом зное Бога
Не все пылание зажглось,
И в далях праха много, много
Никем не вспаханных полос...*

*И солнце пламенным восходом
Сверкнет над новью снов и мест...
Лети, пчела, за новым медом!
Прими, невольник, новый крест!*

ЛИЛИЯ
И
СЕРПІ

Марии Б.

Paa livsens natvej gennem frygten.

Henrik Ibsen

Это суть две маслины и два светильника, стоящие
перед Богом Земли.

Откровение св. Иоанна, 11, 4

Есть хмель ему на празднике мирском.

Е. Баратынский

Nu har jag svält
den bittra drycken som gör vis.

Per Hallström

En lefnads sorg, en lefnads längd.

Per Hallström

Sunt lacrimae rerum!

Publius Vergilius Maro

Dies Rückwärtsdenken, Vorwärtsgrübeln.

N. Lenau

Des tiefen Meers vergänglich bunter Schaum.
Und zeugt der Mensch, wie Faust, ein Kind,
Ein Traum dem andern sich entspinnt...

Und schlägt ein, wie Faust, den andern tot,
Ein Traum den andern nur verwischt.

N. Lenau

Sin el cielo y sin la tierra,
Entre la tierra y el cielo.

Tirso de Molina

Christo confixus sum cruci.

S. Paulus

МОЙ ЩИТ

In hoc signo vinces.

*Витязь Тайной Дали,
Сток я в бою —
Древний щит из стали
Кроет грудь мою...*

*В поясе средины
Выкован на нем
Строгий лик орлиный,
Дышащий огнем...*

*И над ним чеканно —
Мой старинный герб —
Свиты вязью странной
Лилия и Серп.*

*И вокруг них, вдоль края,
Как венец литой,
Тянутся, сверкая
Огненной чертой —*

*Ярче, чем средь мрака
Ожерелье звезд,
Три великих знака —
Молот, Посох, Крест.*

РАЗДУМЬЕ

*Своеволен в вечной смене жребий дня,
Сочетавший тайну тени и огня...*

*Дышит миг, тужит, как может, весь в цвету,
Весь — дробленье, реет, множит пестроту.*

*Но в рассветных безднах Бога коротка
Беззащитная дорога мотылька!*

*И в рассветном море цвета бирюзы
Безмятежно утро лета до грозы...*

*Длится час, струит, торопит водомер,
Сеет, строит, жнет и копит воск и мед.*

*Но Строитель дней исчислил не на век,
Что содеял, что замыслил человек...*

*Вот и молкнут, рвутся струны в тишине,
И все ближе трепет юный к седине.*

*Вот и зыбок свет, раздвоен, мысль слепа,
И непрочный стебель строен до серпа...*

ВЕХИ

*Будто ломкий стебель в поле,
Что желтеет в краткий срок,
Шатки вехи смертной доли
В сокровенности дорог...*

*Весь объят тревогой худшей
Дух, познавший тайну дней —
И беспечен ум заблудший
Средь блуждающих огней!*

*Ищут бури мир и нега.
Стонет вихрь о благах сна,
Точно скрыты два побега
В темном жребии зерна.*

*Час заката, час рожденья
Тесно слит в волне времен —
В каждом миге утоленья
Миг алканий заключен...*

*Снятся кормчим в час недоли
В море нивы, их роса,
Где, в бреду иной неволи,
Светят сердцу паруса!*

РАЗДУМЬЕ

*Средь шума дня все чаще знаю
Дыханье горней тишины,
В чей вещий миг к земному краю
Плывут зиждительные сны...*

*И вместо горечи и страха —
Унылых вех стези людской,
Я различаю в смуте праха
Лишь свет отрады и покой...*

*И в воплях жалобы суровой,
В проклятьи брошенных во мглу,
Отсель вскрывает слух мой новый
Благословенье и хвалу...*

*Сквозь пестроту юдоли зримой,
В прибрежном камне и в волне,*

*Один чертеж нерасторжимый
Все чаще четко снится мне...*

*И вот, средь всех различий яви,
Что длится век, что дышит миг,
В пыли земной — в лазурной славе,
Я вижу тот же знак и лик...*

*И бренный свет, звезде подобный,
В любви прозренья, мысль моя
Венчает всякий жребий дробный
В едином чуде бытия!*

COME LE ONDE

*Цветет восторг, как вал. Как вал,
Уходит прочь...
И все, что к звону день призвал,
Заглохнет в ночь...*

*Приходит боль, как снег. Как снег,
Растает вновь...
Недолго дней весенних бег
Объемлет кровь...*

*И свет и цвет — на миг. На миг —
Игра всех смен...*

*И все, что смертный пыл воздвиг —
Зола и тлен...*

*Вся явь, вся дрожь — волна. Волна —
Весь труд людской...
И жнет земные семена
Покой, покой!*

ВИДЕНИЕ ПОЛУДНЯ

*Была пора борьбы и крови,
Час отягненных зноем век,
Когда слепой игрою нови
Был глухо движим смертный бег...*

*Текли мгновенья ровным звоном,
И были мерой дум дела,
И в сердце, жаждой напряженном,
Лишь дрожь свершения цвела...*

*И ноше, принятой на плечи,
Усилю сжавших молот рук,
Равнялась твердость краткой речи,
Сталь мышц, натянутых, как лук.*

*И знак венчального удара
Был дан — судьба была дана!*

*И лишь предчувствием пожара
Пылала глубь людского сна...*

*Как влага в кубке, близясь к краю,
Кипел и рос полдневный пир,
И, как железный груз на сваю,
Сверкнув, он пал на старый мир!*

ЭЛЕГИЯ

*Случайны сны и пыл ума...
Обманчив миг и подвиг лет...
Не знает день, что будет тьма,—
Не верит ночь, что будет свет!*

*Сверканье искры, блеск в огне,
Готовит пепел под костром,
И звон подвластен тишине —
И тишину взрывает гром...*

*И пыльный дол, и выси гор,
И час весны, и час седой
Сплетаются в один узор
Непостижимой чередой.*

*И цвет и тлен — в одном кругу...
По мертвым веткам вьется хмель —
На том суровом берегу,
Где рядом — гроб и колыбель!*

ПОЛНОЧНЫЙ ПАРУС

*В полночный час, в моем уме холодном,
От бега лет покорном и бесстрастном,
Чуть дышит явь в броженьи первородном,
Вплести в свой вихрь мой темный дух
невластный.*

*В полночный час, в моей груди звериной,
В проклятии желанья ненасытной,
Дробятся сны, как пламя сказки длинной,
Средь вихрей праха горько беззащитной...*

*И в ровной меле все глуше мир неясный
Струит свои невидимые волны,
Рождая отзвук, смутный, но согласный,
В моей душе, немого плача полной.*

*И бьется сердце, маятник железный,
Творящий волю двух различных граней,
В дыму земли сияньем тайны звездной,
В покое знанья трепетом гаданий...*

*И в смутном вихре яви первородной —
Двойным огнем томится дух мой пленный,
И должен разум, сетуя бесплодно,
И жизнь и смерть сознать одновременно!*

ЛЕСНОЙ ВОДОПАД

*Пробил час зеркальной глади,
И беспечный сон речной
Заметался в водопаде,
Став дрожащею волной!*

*Вместо легкой, светлой зыби,
Что, качая день, текла,
Хлынул вал, от глыбы к глыбе,
В глубь гранитного жерла...*

*Дрогнул строй прибрежных елей —
Рвутся, делятся стволы
В вихре снежных ожерелий,
В дымных взрывах белой мглы.*

*И разбился на иголки
Отблеск солнца в небесах
Дробным блеском, искрой колкой,
Озаряя шумный прах.*

*Только грохот и тревога,
Вой поверженной волны —
Что же так хрупка у Бога
Чаша сна и тишины!*

СОЛНЕЧНЫЕ КРЫЛЬЯ

*Сладко с годами смертную нить
В солнечном храме солнечно виты!*

*Веет сквозь звенья бранных оков
В вихре мгновенья мудрость веков...*

*Падают грани в беге сквозь зной —
Светится в длани посох земной...*

*Ярко над нами, зыбля наш сон,
Брызжет лучами утренний звон...*

*Вот в их пожаре зреют поля —
В синей тиаре дремлет земля...*

*Сердце воздето — древний кремь —
Мало от света разнствует тень...*

*Ринься с восходом в солнечный путь,
Солнечным медом пьяная груди!*

ПРЕДЧУВСТВИЕ

А. Скрябину

*Пора признать! Не путь от тризы к тризне,
Где боль утрат меняет бледный страх,
Не плен в тени — великий жребий жизни,
А поздний день, светающий в веках...*

*В бреду страстей, в обмане их свершенья,
Людской душе, распятой в их игре,
Уже не раз потир Преображенья
Являл свой свет на звездном алтаре...*

*Еще велик раздор неутомимый
В земной пыли, где слышен лязг меча
И стон раба, в его неволе мнимой,
Где жажда смерти в слабом горяча...*

*Но миг борьбы в сердцах, до срока пленных,
И дрогнет прах, приемля звездный зов,
Предсказанный в пророчествах священных
И в трепетном наитии певцов...*

*Посеян день, взошла и зреет нива,
И пенится несущий вечность вал —
Не жизнь лгала, сознание было лживо,
Не зов был слаб, а смертный слух солгал...*

НА БЕРЕГУ

*Средь пеня волн, в часы их зова,
Горька прибрежная роса,
И от тщеты труда земного
Уносят сердце паруса...*

*В час бранных дум и боли праздной,
Моих испытанных подруг,*

*От их игры однообразной
Нагорный звон влечет мой слух...*

*Нежданный миг иль вихрь случайный
Приблизит сердце к забвению,
В простор своей суровой тайны
Уносят звезды мысль мою.*

*К кресту земли, во львиной яме,
Мой дух тоскующий, ты весь
Прикован древними цепями,
Но в вечной жажде ты — не здесь!*

ЗИМНЕЕ РАЗДУМЬЕ

*Сквозь тишь зимы трудна дорога к маю,
К лесной свирели, к пению садов,—
Но я метель любовно принимаю,
 Как дали льдов...*

*Ниспавшей капле долго ждать возврата
В полдневный пояс радужных полос —
Но тверд мой дух, пусть глухо грудь объята
 Приливом слез...*

*Пред бездной мира разум безоружен
И ткани дум в сознании нет —
Лишь знаю я, что праздный колос нужен,
 Как нужен цвет...*

*Не скоро взмах ответного огнива
Сольет творенья в пламени одном —
Но в вихре яви сердце искрой живо
И кратким сном...*

*В игре теней не скоро в смертной доле
Искупит Солнце алчущих в бреду —
Но я горжусь венцом суровой боли
И чуда жду...*

* * *

*Миг торопит, час неволит,
День заходит — кубок пролит!
Чуда крови сердце молит.*

*Хлынул-сгинул трепет вала...
Снова, снова, как бывало,
Грудь от радости отстала...*

*Блеск был ярок, звон был ясен!
Вечерея, час безгласен...
Вечер тенью опоясан.*

*По суровому завету,
Как ни ратуй, как ни сетуй,
Бродит серп от цвета к цвету.*

*Точит силу червь бессилья,
От сиянья, от обилья
В сумрак, в сумрак реют крылья!*

ЭЛЕГИЯ

*Уводит душу час в тени
Назад, назад,—
Туда, где ярки были дни
И цвел мой сад...*

*Пестро менялись звон и цвет
В моих лугах,
И дрогнул в сердце с бегом лет
Бессильный страх.*

*И вот железный крест готов
Давно, давно —
И плачет сердце средь цветов,
Одно, одно.*

РАЗДУМЬЕ

*Кто мерой мига сердце мерит
И тайный жребий смертных дней,
Тот горько слеп, тот в жизнь не верит,
Тот в ней — как тень в игре теней!..*

*И всех зовущий сон забвенья,
Пред строгим подвигом веков,
Объяв людей, лишь множит звенья
Их дух унизивших оков.*

*Кто в свете часа дом свой строил,
В величьи мира будет мал,
Зане он жизни не утроил
И бытия не оправдал...*

*Пусть ярк трепет искры зримой,
Но он лишь миг владеет тьмой,
Где человек — как сев озимый,
До утра майского немой!*

*И пусть свята молитва слова
В устах восставшего раба,
Но строят высь пути людского
Лишь тяжкий молот и борьба!*

* * *

*Предвижу разумом крушенье
Всех снов — солгавший мир в пыли!
И вновь предчувствую свершенье
Всех тайных чаяний земли...*

*Пусть смешан пепел с каждым жаром,
Пусть тлен венчает каждый цвет,
Но миг минувший цвел недаром,
Недаром в пламя был одет.*

*Весь подвиг дней в борьбе упорной,
Как след случайный на песке,
Но бьется сердце плодотворно
В слепом алканьи и тоске...*

*Влача свой крест, в пути к утрате,
Где каждый сетует, сам-друг,
Всем даром терний и распятий
Преобразится смертный дух.*

*И зыбкой искре, слитой с тенью,—
Глухому воплю и слезе
Дано быть каменной ступенью
В людской светящей стезе!*

НОЧНОЙ ПИЛИГРИМ

*Весь преданный жару тоски ненасытной,
Плетусь я по звездам, ночной пилигрим,
Приемля их холод душой беззащитной,
Взывая к их пламени сердцем нагим.*

*Мерцает их слава, то кротче, то строже,
Великая полночь их сменой полна,
Но сердце, как тайна, все то же, все то же,
И боль кочевая все также одна.*

*Лишь вижу: напрасна молитва в пустыне,
Что с бледною дрожью слагают уста,
И горек мой посох — доныне, отныне —
Где выкован череп под знаком креста!*

*Лишь знаю, что в мире — две разных ступени:
Средь высей зацветший покой
И в дольней дороге — от тени до тени —
Заблудший в смятении разум людской!*

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

*Скользнул закат по высям отдаленным,
И вновь шепчу я сердцу моему:
Познав весь свет, равно неуголенным,
Падешь во тьму...*

*На всех стеблях, чья стройность длится хрупко,
Зажжется свет, затмится и пройдет...
И лишь полынь — на дне живого кубка,
Где будто был налитый на пир мед...*

*В миг пламени веков седая Пряха
Роняет прах, и меркнет вдруг игра,
И каждый раз для холода и страха
Влачусь я от костра...*

*Смыкает день стоогненные сроки
В полях земли — лишь в небе облака
Цветут, горят... Но искры их далеки!
И дрожь близка...*

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

*Полдневный лен и розы отцвели...
В последний раз, чуть зыбля свет в пыли,
День шелестом касается земли...*

*И где сливалась ткань земного сна
Из зыбкого цветного волокна,
Немая даль немых теней полна...*

*И где пылал о разном миг и миг,
Весь призрак яви, как единый лик,
У звездного порога вдруг возник...*

*Мир пестроты, свершившей свой завет,
Облекся в прах без знаков и примет,
И на земле у сердца кровя нет...*

*В твой звездный храм приотворилась дверь,
И ты, душа, раскрытая теперь,
Всю нищету отдельности измерь!*

** * **

*Как срок дан искре, срок — волне,
Так сердце мечется во мне...*

*Вот, алчное, в твоей тени
Зажглись нежданные огни!*

*Их трепет праздный, но живой
Своим забвением удвой...*

*Твой жребий вплел в их знойный миг
Пыланье всех надежд твоих...*

*Умей беречь, умей продлить
Из молний сотканную нить...*

*Их цвет пустой возьми в свой путь,
Скитанью преданная грудь,—*

*Их цвет, что цвел лишь раз вблизи,
Сквозь слезы в далях отрази,—*

*И всю их пламенную ложь,
Тоскуя, в памяти умножь!*

* * *

*В тревогах жизни, в час непрочный,
Свой жар лишь вешним снам предав,
Молись, душа, тропе восточной
И шелесту росистых трав...*

*Дышать тревогой переменной
Всему, что в яви, суждено,
И все, что было — колос тленный,
Отдавший Пахарю зерно...*

*И Суд веков замыслил строго,
Чтоб был лишь мигом беглый миг,
Чтоб билось сердце у порога
Свершений и надежд своих...*

*Но Зодчий дней, в любви суровой,
Торопит каждый взмах крыла,
Чтоб мука смерти жизнью новой
И новой юностью была...*

*И вечно-вечно свет поющий
Венчает тьму приявших прах —
Молись, душа, заре грядущей,
Забрезжившей в твоих слезах...*

НАПУТСТВИЕ

*В глухом кругу пустынных дней
Будь тверд, будь скор,
Ведь много трудных ступеней
К вершинам гор...*

*В забвенных вихрях полноты
Замедли шаг,
У их смолкающей черты
Ты будешь наг...*

*И, исчерпав их хмель и шум,
В закатный миг
Ты не узнаешь гордых дум,
Ни снов своих...*

*И пусть прекрасен вешний луг
Росой цветов,
Их стройность древний грузный плуг
Измять готов...*

*И вдруг поникнет смертный сев,
Что цвел, как кровь,
И ты, светло на мир прозрев,
Ослепнешь вновь...*

*Где было пламя, тень падет
Вблизи, вдали,
И горько в грудь твою войдет
Вся скорбь земли.*

В МОЕЙ СУДЬБЕ

В моей судьбе все царство праха было...

В моей судьбе

*Так часто сердце падало, и стыло,
И знало вновь миг пламени в себе.*

В рассветный час мне дан был кубок брожи...

В рассветный час

*Я принял посох смертных бездорожий,
Где пыль и зной равно встречают нас...*

И в полдень мой — я с солнцем пламенею...

И в полдень мой

*В полях земли упорствую и сею
С надеждою и верою немой.*

А ввечеру я встречу тень в покое...

А ввечеру

*Я в звездный храм свершение людское,
Как жатву праха, кротко собираю!*

ЧУДОМ ТЕНИ

Чуть внятно дышит вечер поздний

И, дольний довершив предел,

Последний миг из часа розни

Отсталой искрой догорел...

*И в слитной яви мир всечасный
Сошел на смертную межу,
И к звездной тайне, в Храм безгласный,
Я в думах праха восхожу.*

*И сердце, что в бреду боролось
И было в тлен облечено,
Вплетает ночь в свой звездный колос,
Как полновесное зерно...*

*И грудь, дрожавшая без крова
Средь смуты дня,— в дневном плену,
От чар ночных приемлет снова
Согласие и тишину...*

*Спеши ж расторгнуть Чудом Тени
Всю боль и горечь дольних слез,
Кто в вещей час ночной ступени
Свой жребий к вечности вознес!*

ВЕРУЮ

*Credo quia impossibile.
Gregorius V II PM [?]*

*Знаю я в яви вселенной
Плач на рассветном пороге,
Путь человеческий в зное,
Длящийся ложно —*

Знаю, как сердце земное
Хило во сне и в тревоге,
Немощно в радости брэнной,
В скорби ничтожно...

Вижу я в смертной истоме
Годы, заботы и крохи
Блага, блаженство и рядом
Горе у двери —
Юность с седеющим взглядом,
Старость с проклятьем во вздохе,
В нищем и княжеском доме
Те же потери...

Снится мне в жизни, однако,
Цвет человеческой доли,
Сила души беспечальной
В мире и в споре,
Верую в жребий венчальный,
В царствие часа без боли,
В посох, ведущий из мрака
Вечные зори...

Верую, верую, Боже,
В сумрак, о звездах поющий,
Свет беззакатный, сулящий
Чудом страданья...
Верую в молот разящий,
В пламя и в меч создающий,
В жертву зиждательной дрожи,
В мощь упованья!

ЧАС ОБЫКНОВЕННЫЙ

*Едва колебля пламя жизни пленной
Сквозь легкий сон души,
Плывет-струится час обыкновенный,
Как дым в тиши...*

*Немого сердца тень не ранит...
Мысль, как пчела
Из цвета в цвет, в былые дни заглянет.
И вновь дремота, как была...*

*И с каждым мигом длится безраздельно
Облекий явь покой,
Как смутный отзвук песни колыбельной
В судьбе людской...*

*И греет грудь пустыми снами
Насущный свет,
Как если б бездны не было пред нами,
Как будто тайны несказанной нет...*

*И дремлет ум. Ленив и своенравен
Его слепой досуг,
Как если б был всей бездне мира равен
Наш смертный круг...*

ОГНЕННЫЙ НЕВОД

*Учись у пламени живого,
Как в час ущербá вспыхнуть снова,
И в гранях полноты заметь,
Как в пепле часа должно тлеть...*

*Чтоб было время снова ало,
Исполни жребий искры малой,
И, пав на трут, обманешь тень,
И будешь весь — как красный день...*

*И в сонных гранях тьмы полночной,
Когда приспее́т час урочный,
Змеись к дубраве в тишине,
И встанет дерево в огне...*

*А там, с шипеньем, в беге метком,
Струясь, звеня, по сучьям, веткам,
Сжигая боль твоих оков,
Ты расцветешь до облаков...*

*И дрогнув вдруг, над сном и тенью,
В просторе, преданном смятенью,
Земле поведает набат,
Как ты прекрасен и богат!*

РАЗДУМЬЕ

*Ты принял крест земного ига,
Весь свет и боль его постиг,
Когда впервые к чаше мига
Устами бледными приник...*

*Отведав сладости короткой,
Ты сеял слезы, пролил кровь,
И сам влачил невзгоду кротко,
Чтоб бледный призрак встретить вновь...*

*Безумным сном о капле блага
Ты был в степях земли гоним,
Не замедлял над бездной шага,
Спускался в рудники за ним...*

*Тянись, спеши с тоской и дрожью
За зыбкой искоркой во мгле,
Что смертной истиной и ложью
От века стала на земле,*

*И, миг познав, плетись от пира
Своей неверною тропой,
Как мудрый царь с державой мира
И прозревающий слепой...*

РАЗДУМЬЕ

*Жар снов людских — как маков цвет,
Все дел — горчичное зерно,
И быть их часу в славе лет
Не суждено.*

*Плывет сквозь бред в земном плену
Рассветно-стройный звон веков,—
Но сердцу, преданному сну,
Чуть слышен зов.*

*Где вечный жребий завещал
Упорству плуга шелест нив —
Хоть длинен стебель, колос мал,
И жнец ленив...*

*Где гнет пыланье мести взрыл
Рука восставшая слаба,
И свет лишь сказкой мига был
В груди раба...*

*Просторен парус, ветер тих —
И у руля — всечасный страх,
И водит душу смертный миг
Из праха в прах...*

ХВАЛА РАБАМ

*В борьбе веков велик ваш долг суровый,
Влачащие ярмо земли сердца,
Бездольные избранники христовы,
В цепях труда — сподвижники Творца!*

*Невольник нивы, древний божий воин,
Чей каждый миг — лишь дрожь и дрожь в пыли,
Ты средь людей один венца достоин,
Что вырыл плугом солнце из земли.*

*Раб молота, кующий месть в кинжале,
Как в славе часа жребий твой ни мал,
Свое упорство слив с упорством стали,
Ты строил век и мудрость дня ковал...*

*И ты, пастух, что меряешь в жизни сроки
Безлюдием звериного пути,
Благословен твой жребий одинокий,
Твой Посох будет в вечности цвести!*

*И пусть ваш долг в кругу неволи цепкой
И сир, и строг, как ваша скорбь строга,
Но на земле лишь вами время крепко,
Из ваших слез возникнут жемчуга.*

*Свершится мера трепета и бега,
И вы, изведав тень земной зари,
Войдете в свет на брачный пир Ночлега —
Поденщики, жнецы и косари!*

* * *

*Средь яви пепла и огня
У сердца смертного — две доли,
Как есть и цвет, и жатва в поле,
Как две зари — у дня...*

*Светает тишь, редее тень,
Взрывая звон и гул нестройный,
Объемлет землю полдень знойный —
Вот первая ступень!*

*И вновь у дымной грани сна
Уходит пламя, догорая
В безмолвных далях — вот вторая
Всевластная волна!*

*Так будет утро вновь, и так
На смену солнцу многократно
Прольется дым поры закатной
И новый звездный мрак.*

*Так вновь придется грудь открыть
Тому же миру и тревоге,
В чей вечный круг, в чей трепет строгий
Вплетен и час не быть...*

НАПУТСТВИЕ

*В свой темный путь иди без страха,
Подвластный часу человек —
Твое томленье не от праха,
Не от земли — твой краткий век...*

*В час роковой, как в миг случайный,
На всех распутьях жизни ты —
Слепой участник вечной Тайны,
Грань сокровенной полноты...*

*Цвет дней твоих в их пестрой славе,
Пылал иль тлел Ее огнем —
Как вечный Лик взалкавшей яви
В скудельном образе твоём...*

*И ты, в игре пустых мгновений,
И в поте всех твоих трудов,
Лишь ткал всевластной тайной тени
Несовлекаемый покров...*

*И пусть свершенье яви шумной —
Лишь плен, но вечность — грань его,
И в ней твой разум многодумный
И смута сердца твоего...*

*Ее дыханием бессменным
Цветет в тебе, как сон и дрожь,
Все, что ты метишь знаком бранным
И смертным именем зовешь...*

ЖЕРТВЕННИК

*Весь смертный жар — от первых детских слез,
Всю мощь мою — от детских малых сил,
Я в Вечный храм в живой тоске принес,
На жертвенник суровый возложил...*

*Что добыл молот, что взлелеял плуг,
И что вспоила тишь садов моих —
Тревога дум и дрожь усталых рук,—
Все было жизни пламенем на миг...*

*И вся борьба, завещанная мне
В игре мгновений, в долгий век труда,
Цвела лишь с тем, чтоб был мой дух в огне,
Пока пройдет земная череда.*

*И на костре, где сердце сожжено,
Средь пыток жертвы понял я не раз,*

*Что долг огня — единое звено,
В ткань Вечности вплетающее нас.*

*Вот почему, прозрев в людском бреду,
Свой тайный свет, как каждый час былой,
На жертвенник суровый я кладу,
Чтоб стал мой жребий дымом и золой...*

МОРЕ И КАПЛЯ

*Море и капля, как колос и цвет,
Дышат, свершая все тот же завет,
В мире прядущий зиму и зной,
Вихрь и дремоту ветки лесной...*

*В ткани предвечной людские дела...
Чудо — наш Кормчий, мы — взмахи весла...
В трепете вечном — трепет минут...
Благости вечной годы цветут...*

*Час человека подобен волне...
Знаешь ли, смертный, в ночной глубине,
Встретив молитвой звездную тишь,
Чьими устами ты говоришь?*

*В блеске полудня, где час полноты
В мире Голгофы вскрывает цветы,
Знаешь ли, странник, в труде и борьбе
Чья неземная дума в тебе?*

РАЗДУМЬЕ

*Все строже мыслю я, вникая
В бег дней с их гордой суетой,
Не праздный колос мысль людская,
Людские сны не цвет пустой!*

*Скорбя у грани заповедной,
Сокрывшей неземной пожар,
Хлопочет смертный не бесследно,
И прав Сизиф, и прав Икар!*

*За рабство, слезы и истому
Час воздаянья брезжет нам —
Есть глубь лазури дню людскому,
И звезды есть земным ночам!*

МЕЖОЙ ЗЕМЛИ

*Вскрывались дни, часы цвели —
И брел я, в поте и в пыли,
На зов Отца, межой земли...*

*И был я в смертных думах смел...
И труд пути, святой удел,
Не раз в любви преодолел...*

*И строя миг по мерв сил,
Я лишь упорным словом жил,
О восходах вечности тужил...*

*И сердцем, вверенным весне,
У летней грани я втройне
Горю молитвой о зерне...*

*Я цвел с Творцом в Его цвету,
И знаю: в божью полноту
Свой смертный колос я вpletу.*

МОЛОТ

*Подает с лязгом Молот стальной
В смертной, упорной руке,
Грузно взрывая мерной волной
Гул вдалеке...*

*Строя, чеканя темный свой сплав
В горестной малости сил,
Слепо ковал Он, слепо создав,
Зданье дробил...*

*И, содрогаясь в трудных лучах,
Тратя во тьме ли свой жар,
Знал ли, что Богу каждый был взмах,
Каждый удар?*

*В мире взрывая искры сквозь тень,
С грохотом Молот стальной
Грузно готовит часу ступень
В храм неземной...*

*Дробность во прахе замкнутых руд,
(Смертное сердце, заметь!)
Должен средь смуты времен его труд
Преодолеть...*

*Должен он славу дня Твоего
Трепетом сирым обнять,
Боже! Но вечность — бремя Его,
Миг — рукоять!*

** * **

*Час изменил — цветы солгали,
Звон пламени заглох в дыму...
Но сердце не стезей печали
Влачится, онемев, во тьму...*

*Забвенный миг и срок тревоги,
Столь часто острой, как игла —
Два знака у земной дороги,
Два ввысь подъемлющих крыла...*

*Но как ни сладок праздник тощий,
Раскрывший весь свой цвет мечты,
Лишь в пытке — мера смертной мощи
И в ней — даянье полноты.*

*И в мире вижу я все чаще,
Что, гордо строя беглый час,
Слаб дух, над благом дня дрожащий,
И скорбь стократ достойней нас.*

*И я в людском порыве к раю,
Тоске утраты грудь учу —
Безбольный жребий отвергаю,
Венца без терний не хочу!*

ВИДЕНИЕ ВЕЧЕРА

*Зыбля дым свой сизый
В поле, в тайный срок,
В пламенные ризы
Вечер даль облек...*

*В час их кроткой славы,
Искрясь, ввысь простер
Огненные главы
Огненный собор...*

*Во врата святыя
Шествуют толпой*

*Митры золотые
К службе мировой...*

*И в святыне горней
Светится потир —
И поник соборне
Вещий звездный клир...*

*И воскресла в Боге,
Лаской звезд дыша,
На земном пороге
Смертная душа...*

*Пламя разрешило
Плен ее в пыли —
Вскинуло кадило
К небу дым земли!*

* * *

*Лишь тот средь звезд венчает землю,
Кто, встретив сумрак и зарю,
Бесстрашно молится: Приемлю!
В смирении твердит: Горю!*

*В одной и той же тайной воле,
Раскрывшей свой вселенский сад,
Возник и стройный стебель в поле,
И век его пресекающий град...*

*Людскому сердцу дан на благо
В тиши и в бурях трепет дней,
Но где оно пред пыткой наго,
Там смертная стезя верней...*

*Вот льются солнечные волны,—
Баюкая забвенно нас,
И каждый миг — как кубок полный...
Благословен цветущий час!*

*А вот, меняя безмятежность,
Срок дрожи тень свою принес —
Благословенна неизбежность
Борьбы упорной, трудных слез!*

СЕЛО ИЛЬИНСКОЕ

(Отрывок)

I

*Немного пестрых красок надо,
Чтоб занести на полотно
Ворота, двор, забор вдоль сада,
Мой домик, выцветший давно,*

*Кривую длинную аллею
Из лип столетних и за нею,
Чуть видимый сквозь полумглу,
Изрытый стадом, спуск к селу,
И дальше — поле за дорогой,
Где пожелтел уже овес,
И над оврагом ряд берез,
И купол сосен, темный, строгий,
И снова поле за рекой —
Простор безлюдья, сон, покой...*

II

*Еще есть церковь возле парка,
Прибежище святое, где
Поникший дух в молитве жаркой
Вновь обретает мощь в беде
И, к чьей ограде здесь, как всюду,
Влачится боль, взывая к чуду,
И блудные на божий суд
Свое терзание несут...
Как есть и сельское кладбище,
Чей неминуемый порог
Приемлет бремя всех дорог,
Открыв последнее жилище,
Где молкнет смех средь мшистых плит
И горе беспробудно спит...*

III

Таков убогий мир, в котором
Живу, сквозь призрачный покров
Стараясь вникнуть в часе скором
В недвижный замысел веков...
Но, дав мне в жизни мир мой малый,
Не боль изгнанья и опалы
Вложил Создатель в грудь мою,
А славословье бытию —
Коль славен русский жребий трудный,
Мох ветхих крыш, гнилой плетень,
Дым нищих сел, где дремлет тень —
И да святится колос скудный
В полях, объятых тишиной,
Как нежный лик страны родной...

IV

Она теперь в глубоких ранах
И вся в запекшейся крови,
Но зреет в северных туманах
Срок искупительной любви,
И в темную обитель дрожи
Войдет, как пламя, отрок божий,
И будет ярко горяча
В руках невольничьих свеча —
И в щедрый дар за крест суровый,

*Где было бремя всех забот,
Наш древний посох расцветет
И дивный трепет жизни новой
Молитвенно в победный час,
Как чудо солнца, вспыхнет в нас...*

УМЕРШЕМУ ДРУГУ

Памяти А. Н. Скрябина

*Был колокол на башне, в храме вешнем,
Где явь земли свой жертвенник зажгла...
И он был отлит звону о нездешнем,
И пела в нем вселенская хвала...*

*И он пылал сердцам, как весть живая,
О тайнах мира в звездном их цвету,
Своим псалмом впервые разрешая
Слепой земли глухую немоту.*

*Но в час, когда огонь преображенья
Коснулся праха всех земных дорог,
Не кончив чуда нашего рожденья,
Для райских песен колокол заглох...*

*Но нет, лишь ткань из тлена онемела,
Лишь бренный цвет увял средь смертных нив!*

*А вещий дух, не знающий предела,
В своем твореньи вечно будет жив...*

*И вновь, и вновь, лишь в строе звездно-новом,
Воскреснет в людях в каждый вещий час
Пророк, что был для нас небесным зовом
И Вечности ответствен за нас.*

** * **

*Стучись, упорствуя, Кирка,
В глухую грудь земли, пока
Не зацветут тебе века...*

*Пусть горек, сир и мал твой труд,
Но есть у грани тайных руд
Рубин живой и изумруд...*

*Но, роя прах, дробя пласты,
Не сетуй с болью, что не ты
Войдешь в сверканье полноты...*

*И ты лишь знай, лишь кротко верь,
Что в мире плача и потерь
Твой трудный трепет — только дверь...*

*Твой древний звон — твой жребий весь,
А сбудется средь звезд, не днешь,
Что ты упорно строишь здесь...*

** * **

*В тюрьме, где были низки своды
И каждый стебель цвел в тени,
Я ткал из брэнной жажды годы,
Прял из пустых забвений дни...*

*И в трепете о звездном свете
Лишь в искрах мира сны любя,
Я, как слепой паук, в их сети
Безрадостно ловил себя...*

*И там, где сон скудел и даже
Был мертв в плену зацветший миг,
Я, узник, сам стоял на страже
Скрепленных мной оков моих...*

*И, точно камень, время было,
И мерной тенью дни текли
В неволи прихоти постылой
На замкнутой меже земли...*

*И жил я в прахе у порога
Творца тщетой слепых минут,
Как будто свет и бездна Бога,
Не сердцу смертному цветут.*

** * **

*Не называй далекой бездной
В тоске твоих насыщенных снов
Неизмеримость ночи звездной
И темный вой морских валов...*

*Ведь все пыланье яви мира,
Час восхода, стебель, цвет, зерно,
Как бы ни билось сердце сиром,
С ним первоначально сплетено...*

*И слиты в круг нерасторжимый
Различья, грани и межи,
И ты пред всей их далью мнимой
В дороге праха не дрожи.*

*От краткой песни колыбельной
До гроба, тайной бытия,
Цветет векам твой миг отдельный,
Их глубь великая — твоя!*

*И в час смятенья, и в покое,
Звезда средь звезд, творит твой дух
Одно свершенье мировое —
Хоть ты лишь слеп, хоть ты лишь глух!*

КУЗНЕЦ

*Кузнец упорный, что куешь?
— Затвор на склеп, где тлеет ложь,
Глухую цепь, стальной засов
На рабство дел и рабство снов,
Несокруσιμο-крепкий щит
От слез, насилья и обид!*

*— Отныне взрыл мой звонкий труд
В земле безмерность божьих руд,
И юной мощью рук моих
Я должен выковать из них,
Как мне назначил мой Творец,
Державу, скипетр и венец.*

*— Уже красна в моем огне
Вся сталь, что Зодчий вверил мне,
Но, груз полос моих дробя,
Я впредь венчаю сам себя,
И с гордым трепетом кую
Свой миг и час, судьбу свою!*

*Аминь! Из пепла мир возник!
Он весь, как девственный рудник,
Открыт упорству твоему,
И пусть твой горн, служа ему,
Цветет в веках, как свет живой,
И — да святится Молот твой!*

КРАСНЫЙ ЗВОН

Всем пасынкам земли родной

[1.] СВЕТЛАЯ ЗАУТРЕНЯ

*Нисходит свет Преображенья
На беглость часа и века,—
Свершилось вещее томленье,
Сбылась великая тоска!*

*Свободный Плуг, а не ленивый
Яремник отошедших лет —
Взрыл всю дремоту темной нивы,
И светит небу дольний цвет.*

*Пыланье жизни невозбранно!
Еще ступень, еще межа —*

*И даль Земли Обетованной
Раскроется без рубежа...*

*И, восходя на царство шири,
Возносит мощь свободных рук
Лик солнца в солнечном потире
В тот храм, в чьей славе — звездный круг...*

*Расторгла сумрак жизни тесной
Русь, вся распятая в былом,
И в час Заутрени Воскресной
Поет вселенский свой псалом!*

[2.] ЗОДЧИМ НОВИ

*В день чуда в русском бездорожья
Идите, каменщики божьи,
Поправ навек свой долгий плен,
Дробить гранит для гордых стен...*

*Идите, плотники христовы,
Свершая кротко подвиг новый,
Тесать с молитвой горный дуб,
Чтоб рос в лазурь за срубом сруб.*

*И зданье света скоро-скоро —
Дыханьем русского простора,
Воздвигнет свой надежный кров
На счастье всех его сынов...*

*Оденься, Храм, в стальные скрепы
На миг лихой, на час свирепый
И — грань векам — в веках живи
Упорством Жертвы и Любви...*

*Твой первый камень врыл глубоко
В родную почву заступ рока,
И первые венцы легли
Вкруг сердца Матери-Земли...*

*И ты красуйся величаво,
Гордясь своей земною славой,
Но ввысь до звездного чела
Вскинь неземные купола.*

*А ты, могучий Зодчий Бога,
Стряхни у светлого порога
Весь прах недоли вековой,
И — да святится Молот твой!*

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЦАТУРИАНА

*Он жил средь нас, тая в груди горячей
Святое пламя песни, в чьей тоске
Нерасторжимой тканью сочетались
Земные сестры, Горе и Надежда,
Звон вечера и утренней зари...
Сын горечи, он шел со светлым сердцем,*

*Предчувствием врачаю боль пути,
И дух его, пекущийся о правде,
Сквозь страх за жизнь лелеял веру в жизнь.
Вот почему, у тайной грани гроба,
Как сеятель в полях земли родной,
Принес он кротко к житнице вселенской,
В дар бытию, горсть зерен полновесных.
Суровый рок вложил в его свирель
Печаль армян в недоле вековой,
И дух его возникнет вновь, как цвет,
В тот час, когда из пепла вновь воскреснет
Армения, тот жертвенник, куда
Он возложил всю любящую душу
И грустный звон напева своего.*

ПИСЬМО

I

*Вся явь земли живому Богу
И звездной Вечности цветет...
Час, обреченный на тревогу,
И миг, что тишь забвенья пьет,
Раскрыты тайною одною...
Вскипев нежданною волною,
Восторг и боль, вражда, любовь
Поют в крови и молкнут вновь...*

*Восторг — на миг, и скорбь — на годы!
Сиротство сердца в смене лет,
Упорный сев и чахлый цвет,—
Вот неизбывный чин природы,
Где беглый час ведет в века
Неутомимая тоска!*

II

*Здесь все тоскующее знание,
Что я собрал на нивах дней,
Влачась, один, стезей изгнанья,
Средь снов, обманов и теней...
Но я приемлю жизнь без пени
И, славя трепет всех мгновений,
Их скудный дар в груди храню
И, зная слезы, верю дню...
И уповаю непреложно,
Что, как суровый час ни глух,
К пыланью зорь восходит дух,
И песня радости возможна,
Хоть мне средь всех псалмов милей
Призыв бездомных журавлей!*

III

*Есть в этом зове весть живая
Всему, что здесь, в слезах, в пыли
Под ношей жизни изнывая,*

*Не знает торжества земли!
Вот почему в осеннем поле
Грудь разрешается от боли
И реет дух — из мира лжи —
За неземные рубежи...
И пусть напевный плач вечерний
Прольет на трудный путь людской
Свет умиления и покой,
Что в мире праха, мире терний
Раздумье скорбного чела
Цветами юность обвила.*

IV

*Но полно мудрствовать лукаво...
У жизни много светлых чаш,
Где слита вся земная слава,
И наше утро, полдень наш,
Как знойный вихрь, взрываясь, рея,
Лелеет нас, не вечеряя.
Пылает время, жизнь пестра,
И в звездных искрах дым костра,
Где мчит забвенья хороводы,
И миг, что шумная волна
У скал морских, не зная сна,
Поет молитвенные оды,
Как я, бездомный пилигрим,
Как я, наперсник снов людских,
Молюсь — ною у ног твоих.*

МЕТЕЛЬ

(Отрывок)

*Чу! Ширь глухая вдруг завывала!
Вот зыбкий вихрь мелькнул в кустах,
И, будто с жалобой унылой,
Клубясь, гудя, взрывая прах,
Как белый призрак, мчится, пляшет,
Вдруг длинный саван распояшет
И обовьет им кровли хат,
И глухо-глухо бьет в набат...
Но сладость есть и в диком вое
Вдруг встрепенувшейся зимы,
Как жутко-сладок шелест тьмы,
И любо сердцу роковое,
В чьем сумраке безвестный час
Над грозной бездной водит нас!*

* * *

*Я гордо мудрствовал когда-то,
Что беглый жар в людской душе —
Лишь вечной цельности утрата,
Лишь шелест вихря в камыше...*

*И сердце билось и черствело,
Себя отняв от бытия,*

*И вот в груди осиротелой
Лишь боль проклятья мерил я...*

*А ныне я молюсь: Нетленно
Все, что приемлет праха лик,
И всей повторностью вселенной
Мой жребий смертного велик...*

СКАЗКА

*У людской дороги, в темный прах и ил,
Сеятель безмолвный тайну заронил...*

*И вскрываясь в яви, как светает мгла,
Острый листик к свету травка вознесла...*

*Вот и длились зори, дни и дни текли,
И тянулся стройно стебель от земли...*

*И на нем, как жертва, к солнцу был воздет
В час лазурной шири малый алый цвет...*

*Так и разрешилось в пурпуре цветка
Все немотство праха, дольняя тоска...*

*И была лишь слава миру и весне —
Вот что скрыто, братья, в маковом зерне!*

ЗАПОВЕДЬ СКОРБИ

*Когда пред часом сердце наго
В кровавой смуте бытия,
Прими тревогу дня, как благо,
Вечерняя душа моя.*

*Пусть, в частых пытках поникая,
Сиротствует и плачет грудь,
Но служит тайне боль людская,
И путь терзаний — божий путь.*

*И лишь творя свой долг средь тени,
Мы жизнью возвеличим мир
И вознесем его ступени
В ту высь, где вечен звездный пир.*

*И вещей трепет жизни новой
Взрастит лишь тот, скорбя в пыли,
Кто возлюбил венец терновый
И все изгнание земли.*

БЕЗМОЛВИЕ

*Я в жизни верую в значенье
Молитв, сокрытых тишиной,
И в то, что мысль — прикосновенье
Скорбящих душ к душе родной...
Вот почему я так упорно*

*Из тесноты на мир просторный,
Где только пядь межи — мой дом,
Гляжу в раздумии немом...
И оттого в томленьи духа,
Благословляя каждый час,
Что есть, что вспыхнет, что погас,
Безмолвный жрец, я только глухо
Молюсь святыне Бытия,
Где мысль — кафельница моя...*

РАЗДУМЬЕ

*Цвети, душа, пока не сжаты
Зной дней отбывшие поля,—
Пока не плачет боль утраты,
Как зов бездомный журавля...*

*А там, в угрюмый час ущерба,
Сквозным скелетом встанет верба
Средь пустоши без рубежа,
Где лишь протянется межа,
Шурша редющей щетиной*

*И рая слух, волнуя кровь —
Средь мертвой чащи вновь и вновь
Зловещим звоном крик совиный
При бледном зареве луны
Пронзит пустынность тишины...*

ВЕШНИЕ СТРУНЫ

Раскрылся к цвету хмурый север,
И снова зимний сон далек...
То в синий лен, то в красный клевер
Свои холмы простор облек,
И грудь, дышавшая лишь болью,
Дивясь полдnevному раздолью,
Его лазурь и зной, как мед,
В забвеньи детском жадно пьет...
Пусть кубок пламени и звона
В час жизни пенится полней
У уст, познавших горечь дней,
И час уцербa, жребий стона,
Преобразится в полноту —
Как май, как яблоня в цветy!

ПРИВЕТ ИТАЛИИ

В седых веках шумели воды Тибра —
Векам веков их пляску петь и впредь
О славе жизни, в духе непрерывной,
Хотя и разной, в пестрой яви дней...
Средь бурь, чьи вихри щедро гонит время,
Не дрогнула таинственная нить,
Связавшая в один великий жребий
Меч Цезаря и белый крест Савойский,
И средь лавин, что зиждут мир и рушат,

Не пресекалась вещая стезя
От Пестума к святым садам Ассизи...
Волшебным плугом, видно, к цветку взрыт
Весь Лациум, раз жертва не скудеет,
И оттого незыблем Капитолий,
Что мудрый зодчий клал его ступени...
И от него, по замыслу его,
В святое имя истины вселенской
Воздвиглась в мире, в глубь земли и к звездам,
Италия, как некий строгий храм,
Что строился и строится от века
Тоскующим напевом пастуха
Среди безлюдья пуши Апулийской,
С душою Данте, думою волхва,
Кривой киркой садовника Тосканы
И царственным резцом Буонарроти,
Безбольною молитвою Франциска,
А — тоже — грузным молотом Арнальдо
И темной кровью в поле боевом...
Велик в красе дворцов своих и башен
Бессмертный Рим, но выше Рим незримый,
Тот Дух, что двигал кистью Леонардо
И тайным чудом звездного огня
Пылал в живых виденьях Галилея...
Италия, как в сердце Гарибальди,
Он дышит в воле всех твоих сынов!
И только в нем ты обретешь упорство
В своих трудах, свершеньях и надеждах
И верный щит величию твоему,
Тот щит, что был с тобой на древнем Рейне

*И не изменит ныне на Пиаве...
И не его ль, не дух ли вещей Рима,
Далекие, мы чтим благоговейно
В часы, когда, волнуя сердце, снится
Твой кипарис и серый ряд олив,
И пиния, как жертвенная чаша,
Воздетая за даром солнца к небу
И врытая глубокими корнями
В земную грудь, как вечный образ твой?!*

ДУХУ ЖИВОМУ — НЫНЕ И ПРИСНО

*Есть жизнь и смерть лишь в мнимых гранях
праха.
Есть только жизнь в пылании времен...
Не для зерна зерно — для восхода и расцвета,
Равно, как цвет опять цветет зерну,
Чтоб Тайна мира вечно колосилась,
И, строясь к Солнцу, были непрерывны
Ступени праха Богу своему.
Кто мыслит так, кто верит так, тот знает
Свет истины. Его людское сердце
Дрожит в слезах у гроба. Но, как дух,
Ушедшему он вслед глядит безбольно
В сознании, что вечен дар зари...
Аминь! Бессмертен Дух его, зовущий
От детских слез и счастья наших дней
Туда, где грудь людская вновь воскреснет*

Из скудости в богатство полноты...
Звучит векам певучий дар его,
Преображая жребий человека,
Чтоб стал он частью в чуде бытия
И в нашей жизни, тайно ускоряя
К иному дню светящее время...
В устах земли три имени ему:
Пифийский жрец, Пророк и вновь Пророк,
Что станет светом нового Синая.
Он учит нас доверью ко Вселенной,
И мы приемлем вещей зов его:
Земные братья, пробил час крещенья!
Бросайтесь слепо в воды Иордана,
И будет в мире молодость души!

* * *

Раскрылась ночь своей великой тьмой...
Подходит час полуночи немой!

Простор земли во мраке утонул...
И мир свои пределы разомкнул...

И над душой, неведаящей сна,
Горят лишь звезд святые письма,

Свой тайный блеск таинственно дробя.
Мой бедный ум, мне страшно за тебя!

*В глухой тиши, среди глухих долин,
Пред бездной мира в мире ты один!*

*Тебе видна дневная ложь,
Нездешнего ты все же не поймешь.*

*В зловещей тьме ты — тень среди теней,
С проклятием отдельности своей!..*

** * **

*Здесь — лишь грохот, хаос, зной...
Там, у грани неземной,
Царство тайной тишины,
Где лишь пение струны...*

*В этом царстве тайных снов
Это пенье — вещей зов,
Чтобы в звездный час в тиши
Вскрылось пение души...*

*Третий раз поет петух!
И воскрес поющий дух...
Веет ангельским крылом...
Весь — молитва, весь — псалом...*

* * *

*Вновь у безвестного порога,
Людское сердце, бьешься ты —
Но пусть цветет твоя тревога
Лишь часу новой полноты...*

*Плеться сквозь ночь по звездам жизни,
Не мешкая в угрюмой мгле,
И снищешь ты стезю к отчизне,
В веках завещанной земле...*

*В минувшем небе — солнце ржаво,
Без пламени его огни —
И ты, венчаный новой славой,
На роковое посягни!*

* * *

*Таков закон судьбы суровой,
Что вдруг раскрылся час зари,
И стали в горной жизни новой
Золою царства и цари.
Пусть сладки сердцу в мире старом
Его отрада и печаль,
Но ты, смельчак морей, лишь с жаром
От мертвой пристани отчаль!*

*И там, где в жизни будут крепки
Сны старых стен, бывая глушь,
На их оплот могильно-цепкий
Железный молот свой обрушь!*

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

*Раскинуло свой звездный невод Время
В полночный омут яслей и могил,
И дольний мир, как благостное бремя,
Безвестной чащей сердце обступил.*

*И не уйти всей яви дней от ловли,
Что в безднах мира длится век и век,
Взошел ли миг, погас ли век, готов ли
Стать трепетной добычей человек.*

*Скользит челнок вдоль смертных побережий,
Где час вспоил свой краткий цвет в пыли.
Чтоб вдруг вовлечь в таинственные мрежи
Все прихоти, все жребии земли.*

** * **

*Когда твой час в земной тени
Ночь облечет в свои огни,
Безмерность жизни оцени...*

*И нищим сердцем молви: Днесь
Мир полноты открылся весь
Нам, мукой сна обзятым здесь.*

*И все, что мы, как смерть, клянем,
Всегда, всегда живым огнем
Наш жребий осеняет в нем.*

*Вот отчего, сковав века,
Несет на вольность их тоска
И оттого нам боль сладка.*

** * **

*По праху, в смертную обитель
Нездешние следы легли,
Но смертный дух не небожитель,
И мы не странники земли...*

*Пусть боль, и ропот, и тревога
Объемлют нас в земной глуши,
Но нет изгнания у Бога
И нет опалы у души...*

*Средь смуты дня и ночи звездной
Сплетают вихри с тишиной,
Венчают нас одною бездной
И миг небес, и час земной.*

* * *

Мне голос был средь смертной яви —
Свой Посох крепче обойми,
Ведь ты лишь гость в земной забаве,
И плачешь в мире не с людьми...

Твой путь бездомный не отсюда,
Один мужайся и бреди,
И обретешь рожденье чуда
В твоей тоскующей груди...

Сквозь свет, сквозь слезы в час метельный,
В скитаньи мужествуй, доколь
У грани дали беспредельной
Не станет вешним цветом боль.

[ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ]

I

Как трудно высказать — нелживо,
Чтоб хоть себя не обмануть —
Чем наше сердце втайне живо,
О чем, тоскуя, плачет грудь...

*Речь о мечтах и нуждах часа
В устах людей — всегда — прикраса,
И силен у души — любой —
Страх наготы перед собой,—
Страх истины нелицемерной
Иль, брат боязни, хитрый стыд,
О жалком плачущих навзрыд,
Чтоб точным словом, мерой верной
Того случайно не раскрыть,
Чему сокрытым лучше быть...*

II

*Но есть и час иной напасти,
Когда мы тщетно ищем слов,
Чтоб с тайны помыслов иль страсти
Хотя б на миг совлечь покров,—
Чтоб грудь, ослепшая от муки,
Явила в знаке, или в звуке,
Иль в скорби молчаливых слез,
Что Бог судил, что мир принес...
И, если пыткой огневою
Весь, весь охвачен человек,
Он только холоден, как снег,
И лишь с поникшей головою
В огне стоит пред тайной тьмой,
Вниманью чуждый и немой,*

В НОЧНОМ ПУТИ

Мне шепчет Ночь в тиши унылой,
Смущая ум, волнуя кровь —
Твое грядущее уж было,
Твой час былой цветет, как новь...

И все смятенье яви бренной
В удел людскому дню дано —
И ты живешь, одновременно,
Как корень, стебель, цвет, зерно...

И пусть лишь каплей сердце дышит,
Но миг твой равен Бытию —
Весь океан, не вал, колышет
Твою заблудшую ладью!

* * *

Есть волшебные улыбки,
Вещий взгляд безмолвных глаз —
Как немое пенье скрипки,
Уводящей в вечность час!

Есть в согласии вселенной
Стройность северной сосны —
Свет, прядущий в смуте бренной
Сказкой-нитью явь и сны,

*Есть в земных пределах тесных
Предстающий вдруг простор —
Как полна светил небесных
Полночь северных озер.*

*Вот он — взрыл перед тобою,
Сердце, пленница тоски,
Зыбля тихою волною
Ожерелья — огоньки.*

*Вот он — льется в мир твой зыбкий,
Грудь, толкующая сны —
Зов заклятью, пенье скрипки,
Шорох северной сосны...*

ПЕСНЯ

*Изведав тишь, познав тревогу,
Земли земную череду,
Я снова изгнан в путь-дорогу
И вновь я, в пламени, бреду...*

*Как крестным знаком, огневица
Коснулась моего чела.
Я знаю, день испепелится
И будет сердце, как зола...*

*Но как ни горек путь мой ясный,
Я донесу до первых звезд
Живой огонь тоски безгласной,
Скорбь-ликованье, цветокрест!*

** * **

*Молись в ночи без плача о заре,
Всей нови дней и всем векам седым,
Где Млечный Путь сквозь сумрак взрыл свой дым
На жертвенном вселенском алтаре...*

** * **

*Полдень ранит, полночь лечит...
Полночь — полдень — чет и нечет...
Час добычи, час потери,
Все по прихоти и мере...*

*Было лаской, станет болью —
Взмахи крыльев — по раздолью...
В небе — солнце, тень — в груди —
Меру тени пережди!*

*Лист и цвет на ветке голой —
С ношей сладкой вьются пчелы..
Цвет и мед в их доле скудной
Иссякают обоюдно...*

*Вот уж, странник запоздалый,
В мертвой роще пусто стало —
Цвел и ты, и прах еси —
Прах с молитвою снеси!*

** * **

*С верой в груди упорной,
Знающей колос пустой,
Сейте озимые зерна,
Новь зари золотой...*

*Только предавший плугу
Слезы, молитвы и сны,
Смутно услышит сквозь вьюгу
Звон грядущей весны...*

*Только тревоге трудной,
В сумраке роющих прах,
Вспыхнет, как день изумрудный,
Свет на майских холмах...*

* * *

*Слава солнцу, честь земле,—
Снам и думам на челе!
Жил я, был я на пирах,
Ведал цвет, как знаю прах...*

*Должно жить и нужно вить
Миг и миг — живую нить —
На немую смену лет —
Цветопрах и прахоцвет...*

*Нужно быть и нужно ткать
Бремя зол и благодать,
Чтобы выткалась парча
Из теней и из луча...*

*Юный вздох и стон седой —
Ткутся тайной чередой,
Мрак и свет, покой и страх —
Прахоцвет и цветопрах...*

* * *

*Не меркнет солнце в смертном бытии...
О, вешняя, о, новая гроза,
Как ты трудна! Как ты слепишь мои,
Усталые от праха дней, глаза!*

*Вся — пламя с дымом, дрогнула лазурь —
И нет границ, не стало берегов!
Тебя я знаю, песня древних бурь,
И, сам — огонь, в огонь иду на зов...*

*Я знаю жребий этих древних волн,
Что, как прибой, объемлет грудь мою,
Но грудь моя — как нищий утлый челн,
В котором я себя не узнаю...*

** * **

*Грохот мига... Тишь столетий...
Вешний час, воскресший вдруг...
Сладко сердцу быть на свете!
Все же мир — как вечный луг...*

*Чередуются покосы...
Цвету кашки нет конца...
Не беда, что люди босы,
Что беспомощны сердца!*

*Не беда, что люди нищи
И что каждый часто сир —
На великом пепелище
Воскресает майский мир!*

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

*С молитвой Солнцу встретил я зарю
С молитвой свету провожаю день —
По мере часа бытия горю,
По мере рока погружаюсь в тень...*

*В вечернем небе — золото и кровь,
В вечернем поле — тишь, зола и дым —
Но те же бездны снятся вновь и вновь,
Что снились в утро крыльям молодым...*

*Чем дальше жизнь, тем кротче круг тревог,
И тень вблизи, и зыбкий свет вдали —
Благослови, душа, земной порог
И горькое изгнание земли...*

* * *

*Дышат бездной сумерки и зори,
Две ответных тайны, ночь и день,
В том немом и благостном просторе,
Где земля — лишь малая ступень!..*

*Для истомной сладости ль, для бед ли
Ты пришло во прах земных степеней,
Сердце, здесь, в пыланьи дня, помедли
И полночной горечи испей!*

* * *

*Длятся — тлеют глухо
Дни в немых стенах,
Где о царстве Духа
Молится монах.*

ALEA JACTA EST

*Вещей полночной порой,
Алчное сердце, раскрой,
Книгу Времен и Мест —
Alea jacta est!*

*Чу! Океан бытия!
Быль не пристань моя!
Трепетный парус вскинь —
В море, в смятенье! Аминь!*

*Вот она, древняя дверь
В царство утех, потерь —
Сирый, в вещей ночи
В дверь роковую стучи!*

*Перешагни порог
В дали земных дорог,
Где и впредь, как досель,
Будет цвет и метель...*

*В тяжбе с собой, с людьми,
Темное сердце, прими
Миг ликования и крест —
Alea jacta est!*

* * *

*Пустыни, дебри — дни и дни —:
Здесь в хижине повремени!*

*Грозой иль вьюгой дышит путь —
Прикрой измученную грудь!*

*Дик, нелюдим простор степей —
Хоть каплю забытья испей!*

* * *

*Вновь День свершил свой пестрый круг...
И вновь — во мгле — со мной сам-друг —
Мне, ослепленному борьбой,
Поет о Вечности прибой...*

*Стоцветный миг, рассветный час,
Раскрывшись молнией, погас —
И будет сумрак, как ни спорь.
До петухов, до новых зорь.*

*За тенью свет, за светом — тень —
К полночным звездам дух воздень
И в смуте, в час твоей тоски,
Лишь в кротость душу облеку.*

VILLA LA TOUR

*Люблю я этот домик с садом,
С оградой и крыльцом, откуда
Дивлюсь я на дневное чудо,
Раскрытое так щедро рядом...*

*Долина, холм, а там за ними
Опять сады по горным склонам,
Крест дальней церкви в тонком дыме
И плечи гор в плаще зеленом...*

*Но в узкой и глухой аллее,
Вот здесь, вблизи благого крова,
Стократ мне ближе и милее
Зеленый конус стройной ели,
Напоминанье о метели,
Пришлец с приветствием былого...*

*Но жребий дал мне эти ставни,
Как дал калитки скрип железный,
Чтоб позабыть тот мир недавний
И душу отделить от бездны...*

*Так! Крепче доброе забрало,
Чтоб сердце вдруг не опознало
И не изведало той сути,
Что дышит вечностью в минуте.*

** * **

*Как снег, повторен цвет полей —
Отсохшей ветки не жалея,
Ни зыбких снов, ни трудных слез —
Всего, что в жертву ты принес...*

*В метели бытия познай:—
В день воздаянья, в должный срок —
Взойдя, вернет далекий май
Всей щедрой мерой полноты
Все, что у жизни отнял рок,
Все, от чего отрекся ты...*

** * **

*В сокрытом строе мирозданья,
В безвестности его путей
Есть горький подвиг ожиданья,
Что подвига борьбы трудней...*

*Без дум, без снов, без слез и смуты,
Как бы в плену у стен глухих,
Какая боль считать минуты
И мерить веком краткий миг...*

*Так, точно на меже осенней,
Не шепчет ветер в камыше,
И лишь стоят немые тени
В изнемогающей душе...*

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

*Ты все ходишь, маятник железный,
То с суровой кротостью, то гневно —
Над сокрытой вековечной бездной,
Над земной былинкой однодневной...*

*Вот кукушка, раскрывая дверцу
В мир, прядущий смертный страх и веру,
Возвещает трепетному сердцу
В круге жизни приговор и меру...*

*От удела скудости — к избытку,
От расцвета — в прах и снова к цвету —
Ты влечешь на пиршество и пытку
По укладу жизни и обету...*

*От свободы — к плачу доли пленной —
Так! Аминь цветам земли и горю —
В них я тайной благодати вселенной
Песней сердца, песней Духа вторю...*

** * **

*Сердце, миг от вечности наследуй
В час, когда по зову бытия
Собрались на древнюю беседу
Звездный мрак, морской прибой и я!*

** * **

*Когда в твоей слепой дороге,
Предав твой дух огню тревоги,
Твой час над сердцем меч занес,
Проси у жизни дара слез...*

*Их сирой горечью омытый,
В груди, не знающей защиты,
Ты полночь боли в свет и в тишь
Свое смятенье обратишь...*

* * *

*Как бы все те же дни и зори,
Но каждый миг, едва взойдя, уже
Горит-цветет в другом просторе
И гаснет на иной меже...*

* * *

*Зачем, мой Рок, для жизни брэнной
Ты дал мне темную межу,
Где двум мирам одновременно
Я, блудный раб, принадлежу?*

* * *

*Молкнувший вечер во мгле —
Яко земля еси —
Темной и алчной земле
В жертву себя принесил*

* * *

*Только грани и оковы
Солнцу вешнему и цвету —
Помолись, монах суровый,
За Ромео и Джульетту...*

* * *

*Средь бега дней моих порой
Не своею игрой,
А тайной волей бытия
Взрывается вся жизнь моя.
И вновь, как явь, цветут кругом
Деяния и сны в былом —
Как, вдруг, уже цветет в груди
Все то, что будет впереди...*

* * *

*Сладко часу звездно цвести!
На земле ступени есть
К неземному рубежу —
Ввысь, куда я восхожу.*

ПОЭТУ

*Ты в жизни был на высях гор
И — клад заоблачный — простор
Для дум и снов в долину слез
Душе изгнанника принес.*

ПРИ ПОКУПКЕ НОВЫХ ОЧКОВ

Подаждь мне, Боже Всемогущий,
В час тишины и в час тревожный,
Вступив в твои сады и пущи,
Найти в изгнаныи путь неложный,
Стезю живую в час грядущий...

Чем дальше путь, тем чаще нужно
Брести слепцом сквозь мрак нежданный,
Лишь ты подашь душе недужной,
В обманах праха безоружной,
Свет истины обетованной...

* * *

Вновь, вновь зажегся в должный срок
Стоцветным пламенем восток.
Радеет плуг вблизи, вдали —
Хвала поденщикам земли!

В лазурном зное, в вихрях гроз
Зеленый стебель к солнцу рос,
Луга и нивы зацвели —
Благословенны сны земли!

Поблек в полях зеленый шелк,
И шелест трав уже умолк,
И отлетели журавли —
Блаженной пленники земли!

ПЕСНЯ ЮРОДИВОГО

Не быстрее ног ходули,
И не трутням божий улей!
Все мы в далях правды ищем,
Правда здесь, в уделе нищем —
Петь бездельных побоюсь ли —
Ведь на то и гусли!

Я любил ходить на свадьбы —
Ах, еще раз побывать бы!
А бывал я и на тризне,
Но пою я лишь о жизни,
И ни скудости, ни смерти,
Вы, как я, не верьте!

Знал я зной и знаю холод,
Стар вчера, а ныне молод,
И за скорбь земли былую
Трижды землю я целую
И земной былинке всюду
Я молюсь, как чуду...

Дан простор земных распутий,
Чтоб цвели века в минуте —
Воет в поле час метели,
Чтоб звучал лишь май в свирели,
Дремлет ночь в земном просторе,
Чтоб всходили зори...

НОВОГОДНЕЕ ВИДЕНИЕ

Высокочтимой Матери Марии

*Знак неразгаданного рока
Равно клеймит и прах, и цвет,
Но наши пытки лишь до срока,
Как сумрака без меры нет...*

*Лишь смерч и смерч нам ныне ведом,
Где мирные сады цвели,
И Демон Тьмы кровавым бредом
Сковал сурово грудь земли...*

*Но благодатные созвездья
Прольют сквозь мрак свой свет на нас,
И близок, близок час возмездья
И щедрый воздаянья час...*

*Вот Он — грядет рассветный Витязь
В венце из радуг и зарниц —
Гонимые земли, молитесь,
Заблудшие, падите ниц!*

ВЕРНОМУ ДРУГУ МАРИИ В ДЕНЬ ЕЕ РОЖДЕНИЯ

*В твой добрый день весь мир кругом
В огне, в крови —
Но ты с молитвой о благом
И впредь живи!*

Ты много ведала тревог
В твоём пути —
Твой дух их пытку превозмог,
И ты цвести!

Твой дух незыблемо был смел
Средь мрака лет
И в то лишь веровать умел,
Чьё имя — свет..

Стремись доверью к бытию
Не изменить,
Чтоб свет и дальше вил твою
Земную нить!

* * *

М. А. Ефремовой

Цветам былого нет забвенья,
И мне, как сон, как смутный зов —
Сколь часто! — чудится виденье
Евпаторийских берегов...

Там я бродил тропой без терний,
И море зыбью голубой

*Мне пело сказку в час вечерний,
И пел псалмы ночной приборой...*

*В садах дремала тишь благая,
И радостен был мирный труд,
И стлался, в дали убегая,
Холмистой степи изумруд...*

*С тех пор прошло над бедным миром
Кровавым смерчем много гроз,
И много боли в сердце сиром
Я в смуте жизни перенес.*

*Еще свирепствует и ныне
Гроза, разгульнее стократ,
И по земле, полупустыне,
Взрывая сны, гудит набат...*

*Но сон не есть ли отблеск вечный
Того, что будет наяву —
Так пусть мне снится, что беспечный
Я в Евпатории живу...*

ИЗ
НЕСОБРАННОГО
И
НЕОПУБЛИКОВАННОГО

* * *

*Уже вечереет... Спустился туман.
У берега тише шумит океан...
Рыбак, утомленный дневною тревогой,
Плетется с добычей к избушке убогой
И, полный признанья, бросает он взор
На моря родного туманный простор...
И берег уснувший угрюмо лежит,
Одна лишь высокая ива не спит...
Покорная ветру, над шумной пучиной
Качает надломленной бурей вершиной
И шепчется тихо с прибрежной скалой
О вихрях промчавшихся ночи былой.*

* * *

*Передо мной все тот же шум глухой,
Дитя знакомого смятенья,
Все тот же яростный прибой,
Упорный, как огонь сомненья,
Все тот же сон на берегах...
Все те же сосны вековые*

*Стоят, как стражи на часах,
Все тот же прежний ряд холмов,
Волной сметенных океана,
Все тот же давящий покров
Осенней ночи и тумана.*

**ОТРЫВОК,
НАПИСАННЫЙ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ
С УМИРАЮЩИМ ИБСЕНОМ**

*...Едва они уйдут, борцы и властелины,
Как юрко проползет по их следам, как тать,
К орлиным гнездам карлик из долины —
И кто поможет бремя жизни приподнять?!
Их голос громовой умолкнет глухо, жалко...
Живую весть с наджизненных высот
Людская память, сонная весталка,
Как праздное сказанье переймет...
И скоро вздорный внук, весь в дедовском наряде,
На чахлый лоб надвинув шлем его,
Пойдет расхаживать на пошлом маскараде...
Великий,— вот удел величья твоего!..*

* * *

*Нарядно выстав дол, взбегая на холмы,
Красуйся, шелести, зеленый океан!
Твой радостный простор мой дух освобождает*

*От горькой слепоты незнанья моего,
И в полноте восторга сердце постигает
Премудрость Пахаря и Замыслов Его.
Всю горечь дней моих и боль душевных ран,
Поникнув пред Творцом, смиренно забываю,
И с шелестом твоим свой тихий вздох сливаю.
Красуйся, шелести, зеленый океан!*

* * *

*В полдень мы были высоко в горах —
Вместе забыли мы рыночный прах.
Все мы имели: простор впереди,
Гордую веру в груди!
В этот святой, торжествующий час
Мир был наряжен и светел — для нас.
Миг торжествующий нас приобщил
Богу живому мечтаний и сил.*

ПЕРЕВАЛ

*Пока наш день и светел и росист
И ум пылает замыслом рассветным,
Мы всей душой, как вешний нежный лист,
Впиваем луч с упорством беззаветным...*

*В уступах Утра много ступеней,
И много сил у жизненного чуда,
Чтоб нам уйти от ужаса теней,—
Не спрашивать, зачем, куда, откуда...*

*И вот бегут певучие часы,
Вот пламя в сердце, звучность в каждом слове,
И свой расцвет у каждой полосы,
Как если б мир раскрылся к жизни внове...*

*Но в каждый миг мы ближе к высоте,
Где ждет нас полдень, отдых перевала,
Где на раздельной каменной черте
Иных морей зеркальность задрожала...*

*Здесь в первый раз простор необозрим,—
И в первый раз, у грани поворота,
Над всем, что было-будет, мы парим
На краткий миг, как капли водомета...*

*Но миг прошел, и нам уже нельзя
Внимать речам полуденного звона,
И видим мы, как падает стезя
В томительных извилинах уклона...*

*Вдали, внизу,— на темном горном дне,—
Как серый желоб, тянется ущелье,—
И трудно нам на каждой крутизне,
И молкнет крик недавнего веселья...*

* * *

Как водопад, дробящийся о скалы,
И громок и красив наш пламенный порыв...
И всяк из нас, как путник запоздалый,
Подходит к торжеству угрюм и молчалив.
День подвига, желанный миг победы,
Едва прошел, мы горько жаждем сна —
Добыча же другим... Мы слишком домоседы,
Чтоб вдаль идти, пока нам жизнь красна. •
Одно усилие, и человек бессильный
Исчерпан весь, ни сил, ни жажды нет...
О, снизойди скорей, огонь плавильный,
И переплавь расслабленный наш свет!

* * *

Я светлый оникс — я лежу в земле —
В мучительной и мерзостной темнице,
А ты, мертвец, обрадовался мгле
И траурной дешевой колеснице.
Я свет свой жаждал жизни расточить,
Навеки замкнутый под слоем чернозема,
И силуюсь в темноте сорвать его печать,
А ты, зарю забыв, лежишь в земле, ты — дома.

* * *

*Я видел надпись на скале:
Чем дальше путь, тем жребий строже,
И все же верь одной земле,
Землей обманутый прохожий...*

*Чти горечь правды, бойся лжи.
Гони от дум сомненья жало
И каждой искрой дорожи —
Цветов земли в Пустыне мало...*

*Живя, бесстрашием живи
И твердо помни в час боязни:
Жизнь малодушному в любви
Готовит худшую из казней.*

АККОРДЫ

*Одиноко пробегает
В поле пыльная тропа,—
Грузно землю попирает
Утомленная стопа...*

*Под холодным серым небом
Только вспаханы холмы,
Кто ж навстречу выйдет с хлебом
Для скитальческой сумы?!*

*Поле... поле... Мир просторен!
Всюду пашни в стороне,—
Много Пахарь бросил зерен,
Много ль будет на гумне?!*

*Ждут посевы всхода, роста...
Скоро ль грянет летний гул? —
С отдаленного погоста
Наклоненный крест мелькнул...*

*Извиваясь одиноко,
Там кончается тропа,—
Кто же там почил до срока,
Кто не дожил до снопа?!*

* * *

*Уже в долинах дрогнул трепет томный...
Как изумруд, сияет мурава...
И дольше день зиждительно-истомный,
И светлым зноем пышет синева...*

*И снова жизнь могуча и нова!
И человек, забыв о грани темной,
Слагает в песню светлые слова,
Чтоб славить жизнь и труд ее поземный...*

*О, нежный ландыш! Божий василек!
Кто вас таким сиянием облек,
Чтоб усыпить людской души сомненье!..*

*О, вешний луг! Пошли и мне забвенье
И, дрогнув тайной радостью в груди,
Ко мне дыханьем силы снизойди!*

** * **

*Весна не помнит осени дождливой...
Опять шумит веселая волна,
С холма на холм взбегая торопливо,
В стоцветной пене вся озарена...*

*Здесь лист плетет, там гонит из зерна
Веселый стебель... Звонка, говорлива,
В полях, лесах раскинулась она...
Весна не знает осени дождливой...*

*Что ей до бурь, до серого томленья,
До серых дум осенней влажной тьмы,
До белых вихрей пляшущей зимы?!*

*Среди цветов, средь радостного пенья
Проворен шаг, щедра ее рука...
О, яркий миг, поверивший в века!*

* * *

*Наши севы, наши всходы
Смерть пожнет своей косой,—
То, что мы слезами годы
Поливали, как росой...*

*Средь полей необозримых
Туча с неба водит тень...
Мир — простор хлебов озимых...
Все — на некий дальний день.*

*Звонко их весна разбудит,
Будет в жатву жизнь красна,
Только пахаря не будет
На святом пиру зерна...*

* * *

*Твой знак пред жизнью — вереск гор.
Из синевы его убор...
Его лазурный, долгий век
Красив в росе, красив сквозь снег...
Пыланье розы, цвет гвоздик
Угрюмо чахнет в серый миг...
А он упорно, дни и дни,
Стократ наряднее в тени —
Зане он в мире знак живой
Того, кто явлен синевой.*

PELEGRINAGGIO ALLA MADONNA
DEI MONTI

*Немая грусть все беспредельней,
Загадочней тоска в мольбе —
В моей душе, в твоей часовне,
Где все молитвы — о тебе...*

*И с бегом часа все бескровней
Живая жажда полноты —
В моей душе, в твоей часовне,
Где в снах и думах — только ты...*

[НАДПИСЬ А. А. АЛЬВИНГУ]

*Когда, дрожа, я мерю зачастую
Всю дрожь свою,
В тебе, поэт, все ту же боль святую
Я узнаю...*

*И полно сердце ревностным приветом
Душе твоей,
Чтоб был твой жребий красен пестрым цветом
Часов и дней,—*

*Чтоб ты умел, в дороге дальней мира,
Скорбь превозмочь,
Когда, в пыли, друг друга встретят сироты —
Душа и Ночь!*

1-е МАРТА

*Дрогнул и грянул безбрежно,
Землю сзывая на вече,
Колокол силы живой,—
Будут от вести мятежной
Сталью невольницы плечи,
Скованный дух — тетивой!*

*Вот оне, грозные стрелы,
Реют и ранят смертельно,
Молния — красный их след!
В каждой груди оскуделой
Всходит заря беспредельно,
Вечное солнце и цвет...*

*Пепел проклятья на старом:
Горькая быль — на погосте,
Темное время — в гробу!
Славьте новь жизни! И с жаром
Славьте бессмертные кости
Павших за зов на борьбу!*

ПРИВЕТ РОДИНЕ

*Прахом распались оковы,—
Русь, как единая грудь,
С верою в жребий свой новый
Ринься в свой солнечный путь!*

*В рабстве служили невзгоде
Все твои степи, края,—
Будет отныне в свободе
Грозная сила твоя!*

*Трижды Бог помочь державе —
Родине в пору забот...
Царствуй в величьи и славе,
Русский свободный народ!*

ПАМЯТИ А. Н. СКРЯБИНА

14 апр. 1917 г.

*Живой тоске не нужно больше слез...
Глухим прибоем дышит у могилы
Ушедшего теченье пестрых дней,
Но вещей дух, как радуга живая
В росе земли, цветет бессмертно в нас...
С тех пор, как плакал колокол угрюмый,
Уже глубоко мир преобразился
И трепетно — до сердца своего —
Земля свои законы изменила,
И правит жизнью новая судьба.
Но в Нем, чья доля — прах в глухом гробу,
Не больше ли могучего деянья,
Чем в нас, свой жребий алчно создающих,*

*Тоскующих по солнцу беззакатном,
Чтоб наконец был долог русский день?
И если б кто был послан отвалить
Тяжелый камень, гроб Его замкнувший,
Он в темном прахе Смерти не нашел бы...
Почивший Зодчий в вечности воскрес
И ширит в жизни звездное сиянье,
Стезю бессильных в мощь преображая...
Он с нами был средь трудной тени утра,
Он нам предрек лазурь и глубь полудня,
Он будет нам вечернею звездой —
И в сиром сердце нет ненужных слез!*

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ В КРАСНОЙ ПОЛЯНЕ

I

*Пока ты, весь средь славы горной,
Всегда на новь вещей глядишь,
Я с грустью тку свой день повторный,
Влачу в тоске ночную тишь.
Нам, братьям, жребий дан различный:
Твой каждый час — что хлеб пшеничный,
И с ним ты крепок, с ним ты — царь...
А мне мой миг — кроха, сухарь,
Не в меру жесткий, слишком черствый!
Но как бы я ни звал порой*

Цвет дня ненужною игрой,
Храня в груди завет: «Упорствуй»,
Приемлю скудость, боль, суму
И верю часу моему...

II

И как не веровать смиренно,
Что в суете путей людских
Есть звездный знак на яви брэнной,
И входит вечность в беглый миг...
И если нужно божьей воле,
Чтоб застонала грудь от боли,
Пусть жребий мой волной огня,
Как ризой, облечет меня...
Привет земным слезам и горю!
И в терниях, служа кресту,
В простор веков да возрасту
И в трудных пытках да ускорю

• • • • •
• • • • •

III

Кто жрец? И кто — огонь суровый?
Чьи дни — как плавный воск полей?
Не знаю... В храме жертвы новой
Я весь — и пламя и елей...
И всей душою обделенной

*Я пламенею умиленно —
На свет и боль тоски святой —
Неугасимой полнотою...
И как судил мне жребий строго,
Та власть, в чьей воле — все пути,
Я буду жертвенно цвести
У заповедного порога,
Где сердце ждет полдневный зной
И весь безмерный круг ночной...*

** * **

*Есть некое святое принужденье,
Насилие, чья пытка благотворна,
Как только благо — горький меч творящих
Новь бытия во славу бытия.
Так нужно нам, так вечной правде нужно,
Чтоб тайна мира вечно колосилась,
И в божьем мире были непрерывны
Ступени праха к Богу своему.
Иначе кровь и смерть не перестанут.
Кто принял боль, кто весь приемлет жертву,
Тот благостно познает навсегда
Живое чудо нового Крещенья.
Земные братья, близок час рассветный,
Кончайте же пустынную тропу,
Бросаясь слепо в воды Иордана,
И будет в мире молодость души.*

СОН О СНЕ

*Открылось солнце бытию —
И вновь, венчая грудь мою,
Цвел миг, и в нем я был в раю...*

*И были в сердце все цветы,
И вдруг возник, на зов мечты,
Час неизбывной полноты...*

*Взошла полночная волна,
И звездным светом в глубь без дна
Была душа облечена...*

*И был бездомный дух в огне...
Отсель лишь тлеет в тишине
Зовущий душу сон о сне...*

*Земной поклон земле былой,
Где свет зари сменился мглой
И зной полудня стал золой!*

*Нездешний миг уже вдали...
Но были звезды, сны цвели
В безмолвных омутах земли!*

ПАМЯТИ А. И. ГЕРЦЕНА

*Велик был в жизни клич его громовый
К восстанию униженных земли —
И вот уже от молний правды новой
Венцы — во прахе, скипетры — в пыли!*

*И вот уже от дум его бессонных,
Где пестовал он славу бытию,
Светло восходит солнце обделенных
И закален час истины — в бою!*

*Он жил в плену, но в мире всепобедней
Рать малых мира шла на торжество,
И в час возмездья Первым стал Последний
И не преидет царствие его!*

*Пусть с верой в солнце правды беззакатной
В глухом гробу он ранее остыл,
Чем пал на мир тот молот благодатный,
Что им впервые грозно вскинут был.*

*Но вещей дух и сердце на чужбине
На жертвенник свободы возложив,
В свершении надежд своих отныне
Ликующе он в нас пребудет жив...*

*Пройдут века, погаснет срок за сроком —
Не отцветут зацветшие поля!
Он победил в гробу своем далеком...
Свят прах его, легка ему земля!*

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Андрею Белому

*Вот вновь нам знак, вот вновь зарницы —
Слепое сердце, только верь —
Исполнилось, что праху снится,
В плену приотворилась дверь!*

*Амины! Цветет венец терновый
Вселенской Вечере отсель,
Благослови свои оковы
И будет время — колыбель...*

*Исходит в мире бремя горя
И мера скудости земной,
Чтоб ты, ручей в безмерность моря,
Стал утренней его волной!*

* * *

*Чем больше в мире я живу,
Тем меньше знаю слов —
Дух — звездный призрак наяву,
Дух — звон колоколов...*

*И оттого в житейском сне,
Творя вражду и спор,*

Молюсь безмолвно тишине,
Немым обрываю гор...

Цветет ли свет моей тоске,
Иль миг приемлет тьму —
Аминь! На смертном языке
Нет имени ему...

БАЛЬМОНТУ

Весь мой напев — как бездны вечной ночи
Средь вечных льдов...
Он — там, где жизнь гнетет всего жесточе
Сирот и вдов...

И где судьба разит своей лавиной
Людей, как мух...
На зов же кроткой песни соловьиной
Я — нем, я — глух...

Мой дух к певучести не клонит
Весенний хмель,
Он — там, где Смерть глухие смерчи гонит,
Грозу, метель...

Он — там, где света-счастья — искры-крохи,
Где — жизнь: терпеть,—
А про цветы, про блески, грезы, вздохи,—
Не стану петь!

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэтическое наследие Ю. Балтрушайтиса (1873—1944) скромно. Общее число его русских и литовских стихотворений немногим превышает 500, хотя его жизнь в литературе продолжалась без малого полвека.

По собственному признанию, Ю. Балтрушайтис начал писать еще в гимназии, т. е. до 1893 г. Около 1895 г. свои литовские и русские стихи он читал приехавшим в Москву соотечественникам. Но текстами, возникшими до 1897 г., мы не располагаем.

Издать книгу стихов поэт собирался вскоре после дебюта. Первые объявления о ней относятся к 1900—1901 гг.; о работе над книгой он упоминает в письмах 1902—1906 гг. к В. Я. Брюсову (ГБЛ, ф. 386), Г. Г. Бахману (ПД, ф. 22), А. А. Дьяконову (ГБЛ, ф. 375) и др. Вскоре в каталогах «Скорпиона» (1907 г.) появилось и повторялось сообщение о скором выходе сборника Ю. Балтрушайтиса «Жатва Дня», однако книга еще долго не выходила. Сборник «Земные Ступени» — плод более чем десятилетнего труда поэта — вышел в «Скорпионе» весной 1911 г. В работе над второй книгой проходит лето и осень 1911 г. В 1910—1911 гг. написаны и очень многие вошедшие в нее стихотворения. Сборник «Горная Тропа» во многих отношениях является более цельным, чем предыдущий. Вышел он в том же издательстве «Скорпион» весной 1912 г. Через несколько лет, судя по письму поэта к М. Горькому (прибл. 1915—1917 гг.), он делал попытки переиздать оба сборника, но это осуществлено не было.

Первые стихи третьего и уже посмертного сборника Ю. Балтрушайтиса «Лилия и Серп» написаны летом 1912 г. В своей автобиографии (1915 г.) он уже упоминает о нем, как о подготовленном к печати, о намерении его издать он говорит и в упомянутом письме к М. Горькому. Через несколько лет (в 1921—1922 гг.) издание сборника «Лилия и Серп» бы-

ло отмечено в ближайших планах издательств «Геспериды/Полярная звезда», а также издательства З. И. Гржебина. Однако сборник увидел свет только через 4 года после смерти автора. Он был подготовлен его женой М. И. Балтрушайтис и охватывает стихи 1912—1943 гг. Издание книги жена поэта ставила последней целью своей жизни; подготовлялся он в большой спешке и в отнюдь не благоприятствующих этому условиях послевоенной Франции. Поэтому понятно и отсутствие текстологического критицизма, позволившее несколько нарушить хронологию стихов, допустить повторы (напр.: 3 стихотворения в книге напечатаны дважды, 7 перепечатаны из первых книг) и т. п. В сборнике уже не чувствуется строгая рука Ю. Балтрушайтиса — конструктора книги, соблюдавшего не только внутреннюю цельность стихотворения, но и цельность своих предыдущих русских и литовских книг, а также помещенных в них циклов. Напр.: 101 стихотворение сборника «Земные Ступени» разделено на четыре цикла (1+25+25+25+25), соответственно временам года («Весенняя роса», «Дымные дали», «Сбор винограда», «Белые вихри»); сборник «Горная Тропа» разделен на три (25+25+25) неназванных цикла.

Настоящая книга — не полное, но вполне цельное собрание русских стихотворений Ю. Балтрушайтиса, и оно дает достаточное представление о почти полувековом творческом пути поэта. Сюда вошли больше чем две трети из всех в настоящее время известных его русских стихотворений. Для названия книги взяты слова из стихотворения «Огненный невод».

В трех первых разделах печатаются избранные стихи из трех сборников поэта, в четвертом представлена часть несобранных текстов. Последние частично извлечены из приложения к сборнику «Лилия и Серп» (стихи 1897—1930 гг.), составленного М. И. Балтрушайтис, частью обнаружены в периодике 1901—1920 гг., некоторые отысканы в архивах и впервые опубликованы в 1969 г.

Стихи первых двух книг расположены в последовательности, установленной автором. В остальном — в стихах из сборника «Лилия и Серп» и в разделе «Из несобранного и

неопубликованного» соблюдается хронологический порядок.

В предварительной заметке к посмертному сборнику поэта М. И. Балтрушайтис писала: «Часть книги стихов «Лилия и Серп», кончая «Селом Ильинским», была собрана самим автором и печатается в желаемом им порядке. Следующие стихи подобраны в хронологическом порядке после его смерти». Однако во многих случаях хронология соблюдена не была. Нам удалось восстановить последовательность написания некоторой части стихотворений, и порядок, данный М. И. Балтрушайтис, пришлось несколько нарушить. Те стихи, о времени написания которых мы данными не располагаем или эти данные (косвенные сведения, соображения составителя и т. д.) могли бы оказаться слишком субъективными, печатаются примерно в том месте, где они находятся в сборнике «Лилия и Серп», с заметкой в примечаниях о времени возникновения стихотворений им предшествовавших и следовавших. Ввиду того, что лишь для незначительной части (26) стихотворений автор успел установить их последовательность, в настоящем издании и они печатаются в общем хронологическом порядке.

Пока нам не хватает данных и для точного определения канонического текста некоторых стихотворений. Стремясь к предельной выразительности и ясности, поэт долго работал над стихом. Некоторые из них имеют по несколько авторских редакций. Отдельные стихи сборника «Земные Ступени» подвергались значительной правке даже в корректуре.

Как было упомянуто, «Земные Ступени» и «Горную Тропу» поэт собирался переиздать. Не лишено вероятности предположение, что для второго издания многие стихи должны были подвергнуться или подвергались авторской редакции. Но мы располагаем лишь незначительной частью правленных текстов. Поэтому было бы нецелесообразно заменять ими тексты первых двух сборников. Определяющей основой текстов послужили тексты в книгах.

Тексты проверены по всем известным и доступным автографам, спискам и публикациям. Это позволило устранить некоторые отклонения (особенно в сборнике «Лилия и Серп»),

возникшие вследствие опечаток, пропусков и т. п., что оговаривается в нижеследующих примечаниях.

Все авторские циклы и эпиграфы сохранены. Правописание модернизировано, за исключением многих прописных букв. Поступая иначе, мы сняли бы многие смысловые акценты и сузили бы диапазон значения слова-символа.

Наряду с прочим, для прослеживания художественного роста автора важен и вопрос датировки стихотворений. Для Ю. Балтрушайтиса при составлении им своих сборников хронология стихотворений не играла роли. «Земные Ступени» и «Горная Тропа» разделены на тематические циклы, и даты отдельных стихотворений не указаны. Только в большей части сборника «Лилия и Серп» обозначено время написания стихов. Многие даты, точные или приблизительные, стихотворений первых сборников в настоящем издании установлены по автографам, первым публикациям, упоминаниям в письмах и т. п. Все даты перенесены в примечания. На источники датировки ссылка дается только в случаях разногласий в имеющихся в нашем распоряжении материалах. Записи дат унифицированы. Указываются и места написания, если они известны.

В примечаниях к отдельным стихотворениям даются сведения библиографического и текстологического характера, краткие сведения о встречающихся именах, переводы иностранных текстов, а также объяснения редко встречающихся слов, некоторых реалий и т. п.

В примечаниях указаны первые публикации стихотворений. Однако из-за неразработанности библиографии русской периодики начала века часть публикаций, разумеется, осталась необнаруженной. Указаны также многие авторские рукописи и наиболее значительные списки с нам неизвестных рукописей, текст которых разнится от текста, напечатанного в книгах. Полностью сохранившиеся автографы (наборная рукопись) сборников «Земные Ступени» и «Горная Тропа» (ПД, ф. 240) указаны лишь в случаях более значительных расхождений.

Текстологическая сторона примечаний ограничена исправ-

лением очевидных ошибок (пропусков, опечаток и т. п.). Приведение даже наиболее значительных разночтений потребовало бы слишком много места. Разночтениями изобилует подавляющее большинство первых публикаций, некоторые автографы, списки. Меняются названия стихотворений, посвящения, эпиграфы, разрушаются первоначальные циклы, опускаются или дописываются отдельные строфы и т. п. Однако следует отметить, что Ю. Балтрушайтис не правил своих стихотворений до неузнаваемости.

СОКРАЩЕНИЯ:

- ГБЛ — Рукописное отделение Гос. Ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).
- ГТ — Ю. Балтрушайтис. Горная Тропа: Вторая книга стихов.— М.: Скорпион, 1912.— 167 стр.
- ЖДВ — «Журнал для всех», 1899—1905 (с 1903 г.— «Ежемесячный журнал для всех»).
- ЗС — Ю. Балтрушайтис. Земные Ступени: Элегии, песни, поэмы.— М.: Скорпион, 1911.—216 стр.
- ЛГРБ — Отдел рукописей Литовской гос. республиканской библиотеки (Вильнюс).
- ЛиС — Ю. Балтрушайтис. Лилия и Серп: Третья книга стихов.— Париж: УМСА-Press, 1948.— 226 стр.
- ЛиС/п — Приложение к сборнику «Лилия и Серп» (стр. 159—219).
- МС — Архив Музея А. Н. Скрябина (Москва).
- ПД — Рукописное отделение Ин-та русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР (Ленинград).
- Список ЛГРБ (ф. 31) — стихотворения Ю. Балтрушайтиса 1912—1931 гг., собранные Ю. Келётисом (публикации, машинописи, рукописные копии).
- Список ЛГРБ (ф. 37) — переписанная Ю. Урбшисом (около 1925 г.) записная книжка Ю. Балтрушайтиса со стихотворениями 1912—1923 гг.
- ЦГАЛИ — Центр. гос. архив литературы и искусства СССР (Москва).

К с. 29

ЗЕМНЫЕ СТУПЕНИ

Мария Б.— Мария Ивановна Балтрушайтис (урожд. Оловянишникова, 1878—1948), жена поэта. Ей посвящены все русские и некоторые литовские его книги.

«Вся мысль моя — тоска по тайне звездной...» ЗС, 7. В наборной рукописи (ПД, ф. 240) последняя строка: «Стоим века у двери роковой!» Написано до 11 августа 1904 г. См. письмо от этой даты к родственнику жены и близкому другу, актеру Александру Александровичу Дьяконову (по сцене — Ставрогину, 1882—1963) из Меррекуля (ГБЛ, ф. 375).

ВЕСЕННЯЯ РОСА

Эпиграфы:

И все ожило к моему наслаждению.

И. В. Гете (1749—1832) — немецкий поэт и мыслитель

*Ветер овевает колеблющийся тростник,
Ветер овевает сердце человека.*

В. Б. Йейтс (1865—1939) — английский поэт и драматург

Утренние песни. I—II, IV. ЗС, 11—12, 15—16.

I. Впервые — «Северные цветы», кн. 2 (1902).

II. Впервые — «Северные цветы», кн. 1 (1901).

IV. Сергей Александрович *Поляков* (1874—1943) — переводчик, один из основателей изд-ва «Скорпион», редактор-издатель журнала «Весы», близкий друг Ю. Балтрушайтиса с университетских лет.

В лесу. ЗС, 26—27. Авториз. машинопись — в письме к В. Я. Брюсову от 27 июня 1903 г. из Меррекуля (ГБЛ, ф. 386). Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924) — русский советский поэт, переводчик, до революции один из крупнейших поэтов и теоретиков школы символизма; близкие отношения с Ю. Балтрушайтисом поддерживал с 1899 г. до смерти.

Мой храм. ЗС, 28—29. Впервые — ЖДВ, 1904, № 8. Авториз. машинопись — ЦГАЛИ (ф. 1022). Место и время написания: Меррекуль, 7 августа 1903 г.

Аккорды. ЗС, 30.

La gaja scienza. I—II. ЗС, 31—32. Название (итал.) — «Веселая наука».

I. Впервые — «Правда», 1904, сентябрь.

II. Автограф — ПД (ф. 240).

В горах. ЗС, 33—34. Впервые — «Северные цветы», кн. 3 (1903). Эпиграф (лат.) — «Слава всевышнему в небесах!» Начальные слова католического церковного гимна, известного с IV в.

Беспечность. ЗС, 35—36.

Полдень. ЗС, 37—38. Впервые — «Весы», 1906, № 12.

Пеня — сетование, укор, жалоба.

Цветок. ЗС, 39—40. Впервые — «Северные цветы», кн. 2 (1902). Автографы — в письме к В. Я. Брюсову от 28 июля 1901 г. из Голмestранда (ГБЛ, ф. 386); среди писем к поэту Георгу Г. Бахману (ум. в 1907 г.) с пометой «1 дек. 01 г.» (ПД, ф. 22); ЛиС, 161 (факсимиле).

Раздумье. ЗС, 45—46.

Ave, Stella Maris. ЗС, 47—48. Название (лат.) — «Славься, звезда морская». Начальные слова католического церковного гимна, известного с IX в.

Noli tangere circulos meos. ЗС, 51—52. По В. И. Иванову — написано до 1906 г. Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949), русский поэт и теоретик символизма, в статье «Юргис Балтрушайтис, как лирический поэт» (см.: Русская литература XX века. Т. 2. М., 1916), разделяя творческий путь поэта на «семь забвений», указывает некоторые стихи, соответствующие временя этих «забвений». Ю. Балтрушайтис впоследствии негативно оценил ивановскую схему (см. письмо к Ю. Урбшису от 10 июня 1925 г., ЛГРБ, ф. 15), однако некоторые данные статьи могут быть использованы для датировки. Близкие отношения с В. И. Ивановым поэт поддерживал с 1903 по 1924 г. Название (лат.) — «Не касайся моих чертежей». Слова, приписываемые древнегреческому математику Архимеду; согласно преданию — это обращение ученого к ворвавшемуся в дом римскому солдату.

Поклонение Земле. ЗС, 53—54. Автографы — в цикле «Элегии» («Молитва», «Зодчий», „Valse triste“, «Ку-

бок», «Мой сад», «В парке» и «Поклонение Земле»), высланном в письме к В. Я. Брюсову от 24 октября 1910 г. из Мон-Пелерэн (ГБЛ, ф. 386); ЛГРБ (ф. 37).

Ночью. ЗС, 55. Впервые — ЖДВ, 1899, № 12. Первое напечатанное стихотворение Ю. Балтрушайтиса. Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1938) — общественный деятель, литератор, редактор-издатель «Журнала для всех».

ДЫМНЫЕ ДАЛИ

Эпиграфы:

Приближается все больше и больше звезд.

В. Экелунд (1880—1949) — шведский поэт и эссеист

*Познал я и боль и радость,
Теперь я могу и дать и брать.*

П. Гальстрем (1866—1960) — шведский писатель

Отторженность. ЗС, 63—64.

Песня. ЗС, 67—68. Впервые — «Весы», 1906, № 12. Константин Дмитриевич *Бальмонт* (1867—1942) — русский поэт-символист, переводчик, близкий друг Ю. Балтрушайтиса с 1899 г.

Мой сад. ЗС, 69—70. Автографы — ГБЛ (ф. 386) и ПД (ф. 240). Написано до 24 октября 1910 г.

Раздумье. ЗС, 71—72. Первая строфа была взята в качестве эпиграфа к публикации стихотворения «Осенью» (с. 69). Написано около 1903 г. (ср. «Аккорды», с. 259).

Taedium vitae. ЗС, 73—74. По В. И. Иванову — написано до 1906 г. Название (лат.) — «Отвращение к жизни».

Ступени. ЗС, 75—76. Автограф — ПД (ф. 240).

Черное озеро. ЗС, 79—80. В письме к А. А. Дьяконову от 12 февраля 1907 г. из Москвы (ГБЛ, ф. 375) приведен вариант последней строфы. Написано, вероятно, в начале 1907 г.

Детские страхи. ЗС, 81—82. Впервые — «Весы», 1906, № 12.

Песня. ЗС, 83—84. Впервые — ЖДВ, 1904, № 4.

Аве, сгих! ЗС, 85—86. Начальная строфа (с незначительным разночтением) с пометой «Москва, 1933» перепечатана в ЛиС, 145. Название (лат.) — «*Славься, крест!*»

Раздумье. ЗС, 91—92.

Предчувствие. ЗС, 93—94.

На отмели. ЗС, 95—96. По В. И. Иванову — написано около 1906—1908 гг.

Вечерние песни. I—III. ЗС, 97—102. Автограф — ПД (ф. 240). По В. И. Иванову — написано после 1908 г. Иван Николаевич Худолеев (1869—1932) — русский советский актер и режиссер театра и кино.

СБОР ВИНОГРАДА

Эпиграфы:

Самые длинные тени бывают утром и вечером...

Б. Джонсон (1573—1637) — английский драматург

Ты, голос изумленный и слабый,

Исходящий со слезами из скорбного сердца...

Г. Кавальканти (1255—1300) — итальянский поэт и ученый

Приближение. ЗС, 113—114. Впервые — «Северные цветы», кн. 1 (1901).

Раздумье. ЗС, 115—116. Авториз. машинопись — в письме к В. Я. Брюсову от 27 июня 1903 г. из Меррекюля (ГБЛ, ф. 386).

Сизиф. ЗС, 119—120. *Сизиф* (греч. миф.) — легендарный основатель Коринфа; за непослушание и разглашение тайн богов Зевс обрек его вкатывать на вершину горы камень, который тут же падал вниз; «сизифов труд» — символ тяжелого и порой бессмысленного труда.

В пути. ЗС, 123—124. Впервые — «Русский артист», 1908, № 4 (27 января). Николай Л. Тарасов (ум. в 1910 г.) — близкий московский друг Ю. Балтрушайтиса.

Алканье. ЗС, 127. Авториз. машинопись — в письме к В. Я. Брюсову от 27 июня 1903 г. из Меррекюля (ГБЛ, ф. 386).

Осенью. ЗС, 128. Впервые — «Северные цветы», кн. 3 (1903).

В парке. ЗС, 129—130. Автограф — ГБЛ (ф. 386). Написано до 24 октября 1910 г.

Silenzio. ЗС, 131—132. Название (итал.) — «Тишина».

Вечерняя песня. ЗС, 133; также — ЛиС, 217. Место и время написания: Новый Мисхор, 23 сентября 1909 г. Мария Павловна Чехова (1863—1957) — сестра А. П. Чехова.

Отчизна. ЗС, 137—138.

Поздние думы. ЗС, 139—140; также — ЛиС/п, 205—206, под названием — «(Осенняя баллада» (7 строф). «Осеннюю балладу», как законченное произведение, Ю. Балтрушайтис упоминает в письме к В. Я. Брюсову от 24 июля 1903 г. из Меррекюля (ГБЛ, ф. 386). Сходно с «Балладой» (ЗС, 121—122), написанной до конца июля 1903 г.

Лунная соната. ЗС, 141—142.

Трещина. ЗС, 143. Впервые — ЖДВ, 1900, № 9.

Вечер. I—II. ЗС, 144—146.

I. Автограф — в письме к ред. газеты «Русь» В. Ф. Бояновскому от 25 мая 1907 г. из Риги (Гос. литературный музей. Москва).

II. Впервые — ЖДВ, 1904, № 5. Перепечатано также в ЛиС/п, 174, с пометой «16.11.1906 г.» под названием «В пути».

На пороге ночи. ЗС, 147—148. Впервые — ЖДВ, 1905, № 5. Авториз. машинопись — ГБЛ (ф. 386) и ЦГАЛИ (ф. 1022). Автограф — ПД (ф. 240). Место и время написания: Меррекюль, 24 июня 1903 г.

На берегу. ЗС, 149—150. Впервые — «Северные цветы», кн. 3 (1903).

Ночные крылья. ЗС, 151—152. Автограф — ПД (ф. 240).

БЕЛЫЕ ВИХРИ

Эпиграфы:

*О ночь, о сладостное время, хоть ты и черна,
Но хорошо видит и слышит тебя воспевающий.*

Микеланджело Буонарроти (1475—1564) —
итальянский художник и поэт

*Безмолвная, безмолвная ночь,
Погаси святой свет
Твоих факелов ясных.*

В. Блейк (1757—1827) — английский поэт и художник

Бедная сказка. ЗС, 157—158.

Valse triste. ЗС, 161—162. Автограф — ГБЛ (ф. 386).
Написано до 24 октября 1910 г. Название (франц.) —
«Грустный вальс».

Сиротство. ЗС, 165—166. По В. И. Иванову — напи-
сано до 1906 г.

Отчаяние. ЗС, 167—168. Впервые — «Северные цветы»,
кн. 2 (1902).

Ткач. ЗС, 169—170. По В. И. Иванову — написано до
1906 г.

Колокол. ЗС, 171—172. Впервые — «Северные цветы»,
кн. 3 (1903).

Одиночество. ЗС, 175—176. Впервые — ЖДВ, 1904,
№ 8.

Элегия. ЗС, 179—180.

Marcia eroica. ЗС, 181—182. Название (итал.) —
«Героический марш». Эпиграф (лат). — «Отзовется страшная
труба и пронесется над могилами земли». Слова католическо-
го церковного гимна XIII в. („Dies irae, dies illa“).

Черное солнце. ЗС, 183—184. Впервые — «Весы», 1908,
№ 11.

На поле Ватерло. ЗС, 185. Автограф — на открытке к
В. Я. Брюсову с пометой «10 окт. 1910 г.» из Дании (ГБЛ,

ф. 386). При Ватерлоо (Бельгия) в 1815 г. англо-прусской армией были разбиты войска Наполеона.

Зодчий. ЗС, 187—188. Автограф — ГБЛ (ф. 386). Написано до 24 октября 1910 г.

Вечерний дым. ЗС, 189—190. По В. И. Иванову — написано около 1906—1908 гг.

Элегия. ЗС, 191.

Ностигне. ЗС, 199—200. Впервые — «Весы», 1907, № 11. Автографы (2) — ПД (ф. 240). Название (франц.) — «Ноктюрн».

Венчание. ЗС, 201—202. Впервые — «Русь» (илл. прилож.), 1907, № 4 (23 января). Автограф — ЦГАЛИ (ф. 2350). Михаил Абрамович Морозов (1870—1903) — московский капиталист и меценат, муж М. К. Морозовой, близко связанной с символистами, хозяйки известного литературного салона, посещавшегося и Ю. Балтрушайтисом.

Полночь. ЗС, 203—204.

Маятник. ЗС, 205—206. Впервые — «Весы», 1906, № 12.

ГОРНАЯ ТРОПА

I.

Эпиграфы:

Тогда мне открылась другая долина.

Данте Алигьери

Увидеть мир в песчинке...

В. Блейк

*Из отчетливого сна, из утомленного ума,
Из огня и воды, земли и воздуха!*

П. Гальстрем

Альпийский пастух. ГТ, 9—10.

Ныне и присно. ГТ, 11—12. Александр Николаевич Скрябин (1872—1915) — выдающийся русский композитор, с

которым Ю. Балтрушайтис около 8 лет поддерживал очень близкие отношения. *Ныне и присно* — теперь и во веки веков.

Древнее сказание. ГТ, 13—14. Эдвард Гордон *Крэг* (1872—1966) — выдающийся английский режиссер, художник и теоретик театра, некоторое время работавший в России, близкий друг Ю. Балтрушайтиса.

Восхождение. ГТ, 15—16.

Молитва. ГТ, 17—18.

Круг вековечный. ГТ, 19—20.

Вечер в горах. ГТ, 21—22.

Мощь малости. ГТ, 23—24.

Колокол. ГТ, 25—26.

Вечернее вино. ГТ, 27—28.

Горная Тропа. ГТ, 29—30. Впервые — «Северные цветы», кн. 5 (1911). Автографы — ПД (ф. 240). Место и время написания: Мон-Пелерэн, декабрь 1910 г. Ева *Кюн-Амендола* — итальянский литератор родом из Литвы, жена литератора, общественного деятеля, сотрудника «Весов» Джованни *Амендолы* (1882—1926), переводчица стихотворений Ю. Балтрушайтиса на итальянский язык (*J. Baltrusciaitis. La Scala Terrestre.*— Firenze, 1912).

Призыв. ГТ, 31—32.

Видение. ГТ, 35—36. Впервые — «Северные цветы», кн. 5 (1911). Автограф — ПД (ф. 240). Место и время написания: Мон-Пелерэн, декабрь 1910 г. *Потир* — сосуд, применяемый во время богослужения.

Дневное сияние. ГТ, 37—38. Джованни *Папини* (1881—1956) — итальянский философ и писатель-авангардист.

Вечерняя песня. ГТ, 41—42. Джузеппе *Ванникола* (1887—1915) — итальянский литератор и музыкант, друг Ю. Балтрушайтиса.

Забвенне. ГТ, 43—44.

Зимняя дорога. ГТ, 45—46.

Дерево. ГТ, 47—48.

Кормчий. ГТ, 49—50.

Дым. ГТ, 51—52. *Волхв* — мудрец, обладающий знанием тайных сил природы, небесных светил, толкователь снов и т. п.
Возврат. ГТ, 53—54.
Быстротечность. ГТ, 55—56.

II.

Эпиграфы:

Тогда мы вышли, чтоб увидеть звезды.

Данте Алигьери

Дай мне мою огненную колесницу!

В. Блейк

*Слушай, как гудят колокола тревоги —
Медные колокола!*

Э. А. По (1809—1849) — американский поэт и новелист

В море. ГТ, 61—62; также — ЛиС, 105.

Песочные часы. ГТ, 63—64. Впервые — «Северные цветы», кн. 5 (1911). Автографы — ПД (ф. 240). Место и время написания: Мон-Пелерэн, декабрь 1910 г.

Раздумье. ГТ, 65—66.

В горах. ГТ, 67—68.

Deo ignoto. ГТ, 71—72. Впервые — «Северные цветы», кн. 5 (1911). Автографы — ПД (ф. 240). Место и время написания: Мон-Пелерэн, декабрь 1910 г. Название (лат.) — «Неведомому богу».

Карусель. ГТ, 73—74.

Лунные крылья. ГТ, 75—76. Автограф — ГБЛ (ф. 386).

Тополь. ГТ, 77—78.

Фейерверк. ГТ, 79—80.

Ночная тишь. ГТ, 83—84.

Осенняя песня. ГТ, 85—86.

Призыв. ГТ, 87.

Путь к синеве. ГТ, 88—90. Эпиграф (англ.) — «Эти

сферы света и тени — твои. Альфред Теннисон (1809—1892) — английский поэт.

Пробуждение. ГТ, 91—92.

Аккорды. ГТ, 95—96.

Раздумье. ГТ, 97—98.

Дробление. ГТ, 99—100.

Сеятель. ГТ, 101—102. Впервые — «Русская мысль», 1911, № 5.

Beati possidentes. ГТ, 103—104. Название (лат.) — «Счастливы имущие».

Вечерняя песня. ГТ, 105—106.

На улице. ГТ, 107—108.

Синева. ГТ, 109—110. Впервые — «Северные цветы», кн. 5 (1911). Автографы — ПД (ф. 240). Место и время написания: Мон-Пелерэн, декабрь 1910 г.

III.

Эпиграфы:

В замкнутом кругу...

М. де Сервантес (1547—1614) — испанский писатель

Чары этого затянувшегося сна должны развеяться.

Д. Г. Байрон (1788—1824) — английский поэт

О кораблик мой, как тяжело ты нагружен!

Данте Алигьери

Рыбаки. ГТ, 113—114.

Утром. ГТ, 117—118.

Аллея. ГТ, 125—126. Впервые — «Северные цветы», кн. 5 (1911). Автографы — ПД (ф. 240). Место и время написания: Мон-Пелерэн, декабрь 1910 г.

Приближение. ГТ, 127—128.

Комары. ГТ, 129—130.

За круг земной. ГТ, 131—132; также — ЛиС, 137, под названием «В том радостном море, где нет берегов».

Вифлеемская звезда. ГТ, 135—136. *Вифлеемская звезда* (библ.); здесь — путеводная звезда.

Замок страха. ГТ, 139—140.

Раздумье. ГТ, 141—142.

Чередою. ГТ, 143—144.

Ночью. ГТ, 147—148. Николай Афанасьевич *Подгорный* (1879—1947) — актер МХАТа (с 1907 г.), впоследствии заслуж. деятель искусств РСФСР.

Из тени в свет. ГТ, 149—150.

Вечерняя заря. ГТ, 151—152.

В безмерности. ГТ, 153—154.

Прялка. ГТ, 155—156.

Раздумье. ГТ, 157—158.

Аминь. ГТ, 161—162.

ЛИЛИЯ И СЕРП

Эпиграфы:

Тревожно следуя дорогой жизни.

Г. Ибсен (1828—1906) — норвежский драматург

Есть хмель ему на празднике мирском.

Е. А. Баратынский (1800—1844) — русский поэт

Прогалотил я горький напиток мудрости.

П. Гальстрем

Грустная жизнь, долгая жизнь.

П. Гальстрем

Слезы — привычное дело.

Публий Вергилий Маро (70—19 до н. э). — древнеримский поэт

Мысли о прошлом, думы о будущем.

Н. Ленау (1802—1850) — австрийский поэт

*И пестрой пеной преходящей
Над морем вечным и великим!
От сна родится сон летящий,
Когда рождается дитя,
В ребенке каждом с новой силой
Творит фантазия, шутя
Своей свободой легкокрылой.*

Н. Ленау (Перевод А. Анютина-Луначарского)

*Без неба и без земли,
Между землей и небом.*

Тирсо де Молина (1584?—1648) — испанский драматург

Я соразпялся Христу.

Новый Завет, Послание св. Павла Апостола к Галатам,
2, 19

Мой щит. ЛиС, 24. Впервые — «Заветы», 1912, № 4. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Ротт-бруннен, 28/15 июня 1912 г. Эпиграф (лат.) — «*Этим знаком победишь*». Согласно раннехристианской легенде, перед взором римского императора Константина во время сражения с Максэнцием (в 312 г.) на небосклоне возник крест с такой надписью вокруг него.

Раздумье. ЛиС, 46. Впервые — «Заветы», 1912, № 8. Место и время написания: Селерина (Энгадин), 2 июля 1912 г. (по списку ЛГРБ, ф. 37: 2 августа 1912 г.).

Вехи. ЛиС, 47. Впервые — «Заветы», 1912, № 6. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Селерина (Энгадин), 18 июля 1912 г.

Раздумье. ЛиС, 43. Впервые — «Заветы», 1912, № 6. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Селерина (Энгадин), 23/10 июля 1912 г.

Соме ле онде. ЛиС, 48. Впервые — «Заветы», 1913, № 1. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Москва, 11 декабря 1912 г. Название (исп.) — «*Как те волны*».

Видение полудня. ЛиС, 49. Впервые — «Заветы», 1913, № 1. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Москва, 14 декабря 1912 г.

Элегия. ЛиС, 50. Впервые — «Заветы», 1913, № 1. Место и время написания: Москва, 15 декабря 1912 г.

Полночный парус. ЛиС, 51. Впервые — «Заветы», 1913, № 1. 2-ая строка 1-ой строфы печатается по списку ЛГРБ (ф. 37), в ЛиС: «...бесстрашном...» Место и время написания: Москва, 25 декабря 1912 г.

Лесной водопад. ЛиС, 52. Впервые — «Заветы», 1913, № 1. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Пушкино, 27 декабря 1912 г.

Солнечные крылья. ЛиС, 41. Впервые — «Заветы», 1913, № 1. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Пушкино, 27 декабря 1912 г.

Предчувствие. ЛиС, 42. Впервые — «Северные записки», 1913, январь. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Пушкино, 1 января 1913 г.

На берегу. ЛиС, 53 и 134 (вариант). Впервые — «Северные записки», 1913, январь. 1-ая строка 3-ей строфы в списке ЛГРБ (ф. 37): «Желанный миг иль вихрь случайный.» Место и время написания: Пушкино, 2 января 1913 г.

Зимнее раздумье. ЛиС, 54. Впервые — в альм. «Жатва», кн. 5 (1914). 2-ая строка 3-ей строфы в автографе МС (№ 2107), публикации и в списке ЛГРБ (ф. 37): «И ткани дум в сознаньи веры нет...» Место и время написания: Москва, 28 января 1913 г.

«Миг торопит, час неволит...» ЛиС, 55. Впервые — в альм. «Жатва», кн. 5 (1914). Место и время написания: Село Петровское, 26 апреля 1913 г. (по списку ЛГРБ, ф. 37: 26 мая 1913 г.).

Элегия. ЛиС, 56. Время написания: 17 сентября 1913 г.

Раздумье. ЛиС, 64. 1-ая строка 2-ой строфы печатается по списку ЛГРБ (ф. 37), в ЛиС: «И всех зовущих сон забвенья...» Место и время написания: Москва, 21 декабря 1913 г. *Зане* — потому что.

«Предвижу разумом крушенье...» ЛиС, 65. Впервые — «Дневники писателей», 1914, № 1 (под назв. «Предчувствие»). Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Болшево, 31 декабря 1913 г.

Ночной пилигрим. ЛиС, 66. Списки — ГБЛ (ф. 375); ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Болшево, 1 января 1914 г.

Вечерняя песня. ЛиС, 67. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Москва, 6 мая 1914 г.

Вечерняя песня. ЛиС, 68. Впервые — в сб. «В помощь пленным русским воинам». М., 1916. Автограф — ГБЛ (ф. 82). Списки — ЛГРБ (ф. 31 и ф. 37). Место и время написания: Село Петровское, 6 июня 1914 г.

«Как срок дан искре, срок — волне...» ЛиС, 69. Впервые — «Современник», 1915, № 1 (под назв. «Цвет мгновения»). Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Село Петровское, 8 июня 1914 г.

«В тревогах жизни, в час непрочный...» ЛиС, 37. Впервые — «Сборник 1914 год». [М., 1914], под названием «Свет поющий». В публикации и в списке ЛГРБ (ф. 37) 2-ая строка 2-ой строфы: «Все́му, что входит в явь, да-но...» Место и время написания: Село Петровское, 10 июня 1914 г.

Напутствие. ЛиС, 70. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Село Петровское, 11 июня 1914 г.

В моей судьбе. ЛиС, 71. Впервые — в сб. «Песни Жатвы». Тетр. I. М., 1915. Списки — ЛГРБ (ф. 31 и ф. 37). Место и время написания: Село Петровское, 15 июня 1914 г.

Чудом Тени. ЛиС, 33. Впервые — «Современник», 1915, № 1 (под назв. «Вечерняя песня»). Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Село Петровское, 16 июня 1914 г.

Верую. ЛиС, 35—36. Перепечатано в альм. «Весенний салон поэтов». М., 1918 (первая публикация не отыскана). Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Село Петровское, 17 июня 1914 г. Эпиграф (лат.) — «Верую, ибо невозможно». Григорий VII, папа Римский (1073—1085). Роп-

tifex Maximus — верховный жрец. Авторство эпитафия спорно. Похожее выражение встречается уже у Тертулиана (ок. 160—ок. 240) в сочинении „De carne Christi“ (V, 4). Рационалисты XVII—XVIII вв. широко распространили фразу „Credo quia absurdum“, возникшую предположительно под влиянием Тертулиана.

Час обыкновенный. ЛиС, 34. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Село Петровское, 22 июня 1914 г.

Огненный невод. ЛиС, 72. Впервые — «Сборник 1914 год». [М., 1914]. Списки ЛГРБ (ф. 31 и ф. 37). Место и время написания: Село Петровское, 23 июня 1914 г.

Раздумье. ЛиС, 32. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Село Петровское, 25 июня 1914 г.

Раздумье. ЛиС, 73. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Село Петровское, 2 июля 1914 г.

Хвала рабам. ЛиС, 74. Впервые — «Русские ведомости», 1914, № 297 (25 декабря). Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Село Петровское, 8 июля 1914 г.

«Средь яви пепла и огня...» ЛиС, 75. Впервые — «Современник», 1915, № 1 (под назв. «Маятник», с разночтениями). 3-я строка 4-ой строфы печатается по списку ЛГРБ (ф. 37), в ЛиС: «...горы закатной...» (описка?). Место и время написания: Село Петровское, 13 июля 1914 г.

Напутствие. ЛиС, 40. Впервые — в сб. «День печати. Клич». М., 1915. Автографы — ГБЛ (ф. 82); ЛГРБ (ф. 37). Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Село Петровское, 16 июля 1914 г.

Жертвенник. ЛиС, 31. Впервые — «Сборник 1914 год». [М., 1914]. Список — ЛГРБ (ф. 31). Место и время написания: Село Петровское, 30 июля 1914 г.

Море и капля. ЛиС, 39. 3-я строка 1-ой строфы в списках ЛГРБ (ф. 31 и ф. 37); «В мире, прядущем зиму и зной...» Место и время написания: Москва, 20 декабря 1914 г. *Голгофа* — гора близ Иерусалима, на которой, согласно Евангелию, был распят Иисус Христос; символ страдания.

Раздумье. ЛиС, 38. Впервые — в сб. «Песни Жатвы». Тетр. I. М., 1915. Списки — ГБЛ (ф. 375); ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Москва, 23 декабря 1914 г. *Икар* (греч. миф.) — сын художника и изобретателя Дедала, который для побега из неволи сделал себе и сыну крылья из перьев, скрепленных воском; во время полета через море Икар взлетел слишком высоко, воск растаял на солнце, и Икар погиб.

Межой земли. ЛиС, 76. Впервые — «Современник», 1915, № 1. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Москва, декабрь 1914 г.

Молот. ЛиС, 77. Впервые — в альм. «Гюлистан». Кн. 2. М., 1916. Место и время написания: Куяльницкий Лиман, 22 июня 1915 г.

«Час изменил — цветы солгали...» ЛиС, 78. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Куяльницкий Лиман, 24 июня 1915 г.

Видение вечера. ЛиС, 79. 1-ая строка восстановлена по списку ЛГРБ (ф. 37), в ЛиС: «Зыбля дым свой серый...» Место и время написания: Куяльницкий Лиман, 26 июня 1915 г. *Митра* — подобное венцу золотое украшение, надеваемое во время богослужения. *Соборне* — все вместе, сообща. *Клир* — общее наименование священнослужителей какой-либо церкви.

«Лишь тот средь звезд венчает землю...» ЛиС, 80. Место и время написания: Куяльницкий Лиман, 30 июня 1915 г. (по списку ЛГРБ, ф. 37: 3 июня 1915 г.).

Село Ильинское. ЛиС, 44—45. Впервые — «Русское слово». 1915/1916, № 296 (25 декабря/7 января). Списки — ЛГРБ (ф. 31 и ф. 37). Первоначально цикл состоял из 8 стихотворений. Место и время написания: Село Ильинское (Калужской губ.), 9 августа 1915 г.

Умершему другу. ЛиС, 120. Последнее слово предпоследней строки печатается по автографу МС (№ 2105), в ЛиС: «...звоном...» Место и время написания: Москва, 29 октября 1915 г.

«Стучись, упорствуя, Кирка...» ЛиС, 82. Впервые — «Русское слово», 1916, № 298 (25 декабря). Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Москва, 22 августа 1916 г.

«В тюрьме, где были низки своды...» ЛиС, 83. Место и время написания: Москва, 24 августа 1916 г.

«Не называй далекой бездной...» ЛиС, 84. Автограф — ЦГАЛИ (ф. 2182). Место и время написания: Москва, 29 августа 1916 г.

Кузнец. ЛиС, 86. Впервые — в альм. «Ветвь». М., 1917. Автограф — ЦГАЛИ (ф. 1022). Место и время написания: Москва, 28 марта 1917 г. *Скипетр* — посох, знаменующий верховную власть.

Красный Звон. ЛиС, 87—88. Впервые — «Русское слово», 1917, № 73 (1/14 апреля).

(1.) Светлая Заутреня. Время написания: 30 марта 1917 г.

(2.) Зодчим Нови. Время написания: март 1917 г. (по списку ЛГРБ, ф. 37: конец марта 1917 г.).

Памяти Александра Цатуриана. ЛиС, 119. А. Цатуриан (1865—1917) — армянский поэт; его стихи Ю. Балтрушайтис переводил на русский язык. Написано после 31 марта 1917 г. (день смерти А. Цатуриана).

Письмо. I—IV. ЛиС, 90—91. Время написания: 1 декабря 1917 г.

Метель. ЛиС, 142. Перепечатано в альм. «Весенний салон поэтов». М., 1918 (первая публикация не отыскана). Список — ЛГРБ (ф. 37). Написано не позже декабря 1917 г.

«Я гордо мудрствовал когда-то...» ЛиС, 143 (среди стихотворений с необознач. временем написания). Написано, вероятно, около 1917 г.

Сказка. ЛиС, 93. Перепечатано в альм. «Весенний салон поэтов». М., 1918 (первая публикация не отыскана). Автограф — ЦГАЛИ (ф. 1279). Список — ЛГРБ (ф. 37). Варианты также — в журн. «Жизнь», 1922, № 1 и в кн. И. Эренбурга «Портреты современных поэтов». Берлин, [1922]. Место и время написания: Москва, 17 декабря 1917 г.

Заповедь скорби. ЛиС, 95. Перепечатано в альм. «Весенний салон поэтов». М., 1918 (первая публикация не отыскана). Списки — ЛГРБ (ф. 31 и ф. 37). Написано, вероятно, в 1917 г.

Безмолвие. ЛиС, 96. Вырезка из газеты 1918 г. (источник не отыскан). — ЦГАЛИ (ф. 1458). Автографы — ГБЛ (ф. В. И. Иванова); ЦГАЛИ (ф. 1022). Списки — ЛГРБ (ф. 31 и ф. 37). Место и время написания: Москва, 21 марта 1918 г.

Раздумье. ЛиС, 97; также — ЛиС/п, 202, как заключительное стихотворение в цикле «Вячеславу Иванову в Красной Поляне» (см. с. 266). Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Москва, 27 марта 1918 г.

Вешние струны. ЛиС, 98. Список — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Москва, апрель 1918 г.

Привет Италии. ЛиС, 99—100. Место и время написания: Москва, 20 мая 1918 г. *Пестум* — один из древнейших городов Италии. *Лациум* — в древности область Италии, населенная латинами. *Капитолий* — древнейший римский храм на холме того же названия. *Апулия* — область Ю.-В. Италии. *Тоскана* — область центр. Италии. Св. *Франциск Ассизский* (1182?—1226). *Леонардо да Винчи* (1452—1519), величайший итальянский художник и ученый. *Галилео Галилей* (1564—1642), итальянский физик и астроном. *Джузепе Гарибальди* (1807—1882) — итальянский политик, общественный деятель, в середине XIX в. руководил освободительным движением. *Пиава* — место одной из крупнейших битв итальянских войск в первую мировую войну.

Духу живому — ныне и присно. ЛиС, 122. Несколько строк повторяются в стихотворении, напечатанном в качестве заключения к статье Ю. Балтрушайтиса «Жертвенное искусство» в философском ежегоднике «Мысль и слово», т. 2(1), 1918/1921 (см. с. 268 и примеч.). Написано около 1918 г. *Пифийский жрец* — греч. миф.

«Раскрылась ночь своей великой тьмой...» ЛиС, 123 (среди стихотворений с необознач. временем написания).

«Здесь — лишь грохот, хаос, зной...» ЛиС, 124 (среди стихотворений с необознач. временем написания).

«Вновь у безвестного порога...» ЛиС, 125 (среди стихотворений с необознач. временем написания).

«Таков закон судьбы суровой...» ЛиС, 126 (после стихотворений с необознач. временем написания и перед стихотворением 1930 г.).

Ночная песня. ЛиС, 104. Впервые (?) — «Эпопея», 1922, № 1. Время написания: 22 июня 1920 г. (по списку ЛГРБ, ф. 37: 22 декабря? 1920 г.). *Мрежа* — сеть для отлова зверей; в переносном смысле — хитрость, обман.

«Когда твой час в земной тени...» ЛиС, 102. Время написания: 21 декабря 1920 г.

«По праху, в смертную обитель...» ЛиС, 103. Время написания: 21 декабря 1920 г.

«Мне голос был средь смертной яви...» ЛиС, 107. Место и время написания: Москва, 25 ноября 1922 г.

[Два стихотворения]. ЛиС, 121. Список — ЛГРБ (ф. 37). Время написания: 18 февраля 1923 г.

В ночном пути. ЛиС, 26. Список — ЦГАЛИ (ф. 2076). Место и время написания: Себеж, 22 июля 1923 г. (по списку ЛГРБ, ф. 31: 1922 г.).

«Есть волшебные улыбки...» ЛиС, 108. Время написания: 1923 г.

Песня. ЛиС, 27. Список — ЛГРБ (ф. 31). Время написания: 1924 г. *Огневица* — жгучий жар, лихорадка с сильным жаром.

«Молись, в ночи, без плача о заре...» ЛиС, 29. Время написания: 1924 г.

«Полдень ранит, полночь лечит...» ЛиС, 110 (среди стихотворений 1924 г.).

«С верой в груди упорной...» ЛиС, 140 (среди стихотворений разных лет с необознач. временем написания). В письме к В. И. Иванову от 2 сентября 1914 г. из Тулы записано четверостишие, повторяющее 2 строки настоящего стихотворения (ГБЛ, ф. В. И. Иванова). Список (первой строфы) — ЛГРБ (ф. 37). Окончено около 1925 г.

«Слава солнцу, честь земле...» ЛиС, 113. Время написания: 11 мая 1926 г.

«Не меркнет солнце в смертном бытии...» ЛиС, 114. Список — ЛГРБ (ф. 31). Время написания: 19 мая 1926 г.

«Грохот мига... Тишь столетий...» ЛиС, 115. Место и время написания: Париж, 20 ноября 1927 г.

Осенняя песня. ЛиС, 30. Автограф — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: 1 апреля 1928 г. (по списку ЦГАЛИ, ф. 2076: Москва, 3 апреля 1928 г.).

«Дышат бездной сумерки и зори...» ЛиС, 116. Список — ЛГРБ (ф. 31). Время написания: 1928 г.

«Длятся — тлеют глухо...» ЛиС, 127. Время написания: 1930 г.

Al ea j a s t a e s t. ЛиС, 25, где пропущена 4-ая строка 1-ой строфы; восстановлена по списку ЛГРБ (ф. 31). Место и время написания: Париж, 31 декабря 1930 г. (по списку ЛГРБ, ф. 31: Париж, 1925 г.). Название (лат.) — «*Жребий брошен*» (досл.: кость брошена). Слова, приписываемые К. Юлию Цезарю при переправе через реку Рубикон в начале гражданской войны 49 г. до н. э.

«Пустыни, дебри — дни и дни...» ЛиС, 127. Место и время написания: Экс, 1 августа 1931 г.

«Вновь День свершил свой пестрый круг...» (стр. 409). ЛиС, 128 (среди стихотворений 1931 г.).

Villa La Toug. ЛиС, 129. Список — ЛГРБ (ф. 31). Место и время написания: Экс-ля-Бэн, лето 1931 г. Название (франц.) — «*Вилла Ля Тур*».

«Как снег, повторен цвет полей...». ЛиС, 130. Место и время написания: Москва, 31 декабря 1931 г.

«В сокрытом строе мирозданья...» ЛиС, 133. Автограф — ЛГРБ (ф. 37). Место и время написания: Москва, 26 февраля 1932 г. (в ЛиС: «26.11.1932»).

Часы с кукушкой. ЛиС, 28. Место и время написания: Париж, 28 мая 1932 г.

«Сердце, миг от вечности наследуй...»

ЛиС, 29. Автограф — ЦГАЛИ (ф. 2076) с пометой «Авиньон». Место и время написания: Москва, 1932 г. (?).

«Когда в твоей слепой дороге...» ЛиС, 138 (среди стихотворений с необознач. временем написания).

«Как бы все те же дни и зори...» ЛиС, 147. Место и время написания: Москва, 1936 г.

«Зачем, мой Рок, для жизни брэнной...» ЛиС, 147. Место и время написания: Москва, 1937 г.

«Молкнувший вечер во мгле...» ЛиС, 148. Время написания: 1938 г.

«Только грани и оковы...» ЛиС, 148. Время написания: 1938 г.

«Средь бега дней моих порой...» ЛиС, 149. Время написания: 1938 г.

«Сладко часу звездно цвесты!...» ЛиС, 150 (среди стихотворений 1938 г.).

Поэту. ЛиС, 150. Время написания: 1938 г. (по списку ЛГРБ, ф. 31: 1926 г.).

При покупке новых очков. ЛиС, 151. Место и время написания: Париж, 10 сентября 1940 г.

«Вновь, вновь зажегся в должный срок...» ЛиС, 152. Место и время написания: Париж, 17 марта 1941 г.

Песня юродивого. ЛиС, 23. Последнее слово 3-ей строки («ищем») восстановлено предположительно (в ЛиС пропущено). Место и время написания: Париж, 1941 г.

Новогоднее видение. ЛиС, 153. Место и время написания: Париж, 31 января 1942 г. *Мать Мария* (в миру: Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, 1881—1945) — русская поэтесса, связана с символистами, участница Французского Движения Сопротивления, погибла в Равенсбрюкском концлагере).

Верному другу Марии в день ее рождения. ЛиС, 157. Место и время написания: Париж, 22/9 апреля 1943 г. *Мария* — жена поэта.

«Цветам былого нет забвенья...» ЛиС, 154. Место и время написания: Париж, 18 октября 1943 г.

ИЗ НЕСОБРАННОГО И НЕОПУБЛИКОВАННОГО

«Уже вечереет... Спустился туман...» ЛиС/п, 163. Место и время написания: Майоренгоф, лето 1897 г.

«Передо мной все тот же шум глухой...» ЛиС/п, 165. Место и время написания: Майоренгоф, лето 1897 г.

Отрывок, написанный после встречи с умирающим Ибсеном. Печатается по автографу в письме к В. Я. Брюсову от 20 июля 1901 г. из Голмстранда (ГБЛ, ф. 386). Ю. Балтрушайтис был одним из первых переводчиков сочинений Г. Ибсена (1828—1906) в России.

«Нарядно выстлав дол, взбегая на холмы...» ЛиС/п, 168. Публикация другого варианта, дословно повторяющего несколько строк — «Северные цветы», кн. 2 (1902). Автограф (варианта — ГБЛ (ф. 386)). Написано, вероятно, около 1901 г.

«В полдень мы были высоко в горах...» Печатается по автографу ГБЛ (ф. 386). Место и время написания: Старое Село, 17 июня 1903 г.

Перевал. Печатается по авториз. машинописи ЦГАЛИ (ф. 1022). Место и время написания: Меррекуль, июль или август 1903 г.

«Как водопад, дробящийся о скалы...» ЛиС/п, 198 (среди стихотворений с необознач. временем написания). Написано, вероятно, около 1903 г.

«Я светлый оникс — я лежу в земле...» ЛиС/п, 199 (среди стихотворений с необознач. временем написания). Написано, вероятно, около 1903 г.

«Я видел надпись на скале...» ЛиС/п, 200 (среди стихотворений с необознач. временем написания). Написано, вероятно, около 1903 г.

«Аккорды». ЛиС/п, 207 среди стихотворений с необознач. временем написания). Написано, вероятно, около 1903 г. (ср. «Раздумье», с. 50).

«Уже в долинах дрогнул трепет томный...»

ЛиС/п, 208 (среди стихотворений с необознач. временем написания). Написано, вероятно, около 1903 г.

«Весна не помнит осени дождливой...» ЛиС/п, 209 (среди стихотворений с необознач. временем написания). Написано, вероятно, около 1903 г.

«Наши севы, наши всходы...» Печатается по автографу в письме к А. А. Дьяконову от 19 сентября 1907 г. из Москвы (ГБЛ, ф. 375).

«Твой знак пред жизнью — вереск гор...» ЛиС/п, 218. Место и время написания: Берн, 30 августа 1912 г.

Releggiaggio alla Madonna dei Monti. Печатается по автографу ГБЛ (ф. 178). Время написания: 1912 г. Название (итал). — «Паломничество к Мадонне деи Монти». [Надпись А. А. Альвингу]. Печатается по автографу (ГБЛ, ф. 140) на 7-ой странице сборника «Горная Тропа» с посвящением поэту и близкому другу Арсению Алексеичу Альвингу-Смирнову (1884—1942). Место и время написания: Москва, 19 марта 1914 г.

1-е марта. Печатается по тексту в газ. «Русское слово», 1917, № 57 (12 марта).

Привет Родине. Печатается по тексту в газ. «Русское слово», 1917, № 57 (12 марта).

Памяти А. Н. Скрябина. Печатается по автографу МС (№ 2106) на обороте программы 5-ого исполнительного собрания Общества им. А. Н. Скрябина, состоявшегося 14 апреля 1917 г., когда и было прочтено это стихотворение. 2-ой автограф черновой) — ГБЛ (ф. ГАИС). Написано в марте? — апреле 1917 г.

Вячеславу Иванову в Красной Поляне. I—III. ЛиС/п, 201—202, где 4-ое стихотворение цикла («Цвети, душа, пока не сжаты...») напечатано и в основном тексте сборника (см. с. 222 и примеч.) под названием «Раздумье» (датировано: 27 марта 1918 г.). Здесь оно опускается.

«Есть некое святое принужденье...» Настоящим стихотворением заключена статья Ю. Балтрушайтиса «Жертвенное искусство» в философском ежегоднике «Мысль и сло-

во», т. 2(1), 1918/1921. Авторская корректура — Рукописное отделение Центральной б-ки Академии наук Литовской ССР (ф. 12). См. также стихотворение «Духу живому— ныне и присно» (с. 225 и примеч.). Написано, вероятно, в 1918 г.

Сон о сне. Печатается по автографу ЦГАЛИ (ф. 1022). Написано, вероятно, около 1918—1920 гг.

Памяти А. И. Герцена. Печатается по тексту в журн. «Москва». № 5 (1920), среди произведений, посвященных 50-летию со дня смерти Александра Ивановича *Герцена* (1812—9 января 1870), русского революционного демократа, философа и писателя.

Предчувствие. Печатается по тексту в альм. «Струги». Берлин, 1923. Место и время написания: Москва, ноябрь 1922 г. *Андрей Белый* (Борис Николаевич Бугаев, 1880—1934) — крупнейший русский поэт-символист и теоретик символизма, близкие отношения с Ю. Балтрушайтисом поддерживал с начала 1900-х годов.

«Чем больше в мире я живу...» Печатается по автографу ЦГАЛИ (ф. 2076), находящемуся среди стихотворений 1923—1932 гг.

Бальмонту. ЛиС/п, 186 (после стихотворения 1930 г.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- Аккорды («В даль из перламутра...») 140
Аккорды («Как раздумье в сердце мирном...») 35
Аккорды («Одинок пробегает в поле пыльная тропа...») 259
Alea jacta est («Вещей полночной порой...») 240
Алканье («Нас в мире ждет великое алканье...») 68
Аллея («Вьется аллея...») 150
Альпийский пастух («По высям снегами увенчанных гор...») 100
«Амины! Амины! Закончен круг дневной...» (Вечерний дым) 93
Аминь («Опять, венчая круг суровый...») 163
Ave, crux! («Брось свой кров, очаг свой малый...») 56
Ave, Stella Maris («Дымно тает берег плоский...») 42
Бальмонту («Весь мой напев — как бездны вечной ночи...») 272
Beati possidentes («Блажен, чей день лазурным кругом...») 144
Бедная сказка («Тихо пело время... В мире ночь была...») 81
Безмолвие («Я в жизни верую в значенье...») 221
Беспечность («Мой день певуче-безмятежен...») 39
«Блажен, чей день лазурным кругом...» (Beati possidentes) 144
«Близится ночь к рассвету...» (Круг вековечный) 106
«Божий мир для нас — как море...» (На отмели) 59
«Брожу один усталым шагом...» (Осенью) 69
«Брожу опять по старым ступеням...» (Возврат) 122
«Брось свой кров, очаг свой малый...» (Ave crux!) 56
«Будто ломкий стебель в поле...» (Вехи) 169
«Был колокол на башне, в храме вешнем...» (Умершему другу) 208

- «Была пора борьбы и крови...» (Видение полудня) 172
 Быстротечность («Час — как легкая стрела...») 123
 «Бьет полночь... Лишь ветер угрюмый...» (Ночные крылья) 79
- «В безбрежность дня один плыву...» (В море) 125
 В безмерности («Версты и версты, мили и мили...») 160
 «В борьбе веков велик ваш долг суровый...» (Хвала рабам) 195
 «В вечерней мгле теряется земля...» (На пороге ночи) 77
 «В вечерней мгле, у берега глухого...» (Вечерняя песня) 71
 «В вечерний час, в глухую пору...» (Вечерние песни. I) 60
 «В глухом кругу пустынных дней...» (Напутствие) 187
 В горах («Простор! Раздолье дикоел...») 38
 В горах («Спят вечные горы... И немые...») 128
 «В даль из перламутра...» (Аккорды) 140
 «В день чуда в русском бездорожья...» (Красный Звон. Зодчим Нови) 214
 «В древнем храме Жертвы вечной...» (Дым) 121
 «В игре мгновений, в смене лет...» (La gaja scienza. II) 37
 В лесу («Тишь... Безмолвие лесное...») 34
 В моей судьбе («В моей судьбе все царство праха было...») 188
 В море («В безбрежность дня один плыву...») 125
 «В нашем доме нет затишья...» (Детские страхи) 54
 В ночном пути («Мне шепчет Ночь в тиши унылой...») 233
 В парке («Пусто, пусто в старом парке...») 69
 «В полдень мы были высоко в горах...» 256
 «В полдневный час, целуя алчно землю...» (Дневное сияние) 115
 «В полночный час, в моем уме холодном...» (Полночный парус) 174
 В пути («Вперед, вперед, мой бедный конь...») 67
 «В радостной силе, в утреннем свете...» (Рыбаки) 148
 «В рассветную пору, сулившую ведро...» (Путь в синеве) 137
 «В свой темный путь иди без страха...» (Напутствие) 197
 «В седых веках шумели воды Тибра...» (Привет Италии) 223
 «В снежной пустыне, при бледной луне...» (Magia eroica) 89

- «В сокрытом строе мироздания...» 243
- «В твой добрый день весь мир кругом...» (Верному другу Марии в день ее рождения) 250
- «В тиши ли гор пространство озираю...» (За круг земной) 153
- «В тревогах жизни, в час непрочный...» 186
- «В тюрьме, где были низки своды...» 210
- «В тягостном сумраке ночи немой...» (Маятник) 97
- «В час пустынный, в час метели...» (Карусель) 131
- «В ярости бурь, в океане...» (Кормчий) 120
- Valse triste («Под сонное пенье фагота...») 82
- «Велик был в жизни клич его громовой...» (Памяти А. И. Герцена) 270
- «Великий час! Лучистая заря...» (Утренние песни. II) 32
- Венчание («Венчальный час! Лучистая Зима...») 95
- Верному другу Марии в день ее рождения («В твой добрый день весь мир кругом...») 250
- «Версты и версты, мили и мили...» (В безмерности) 160
- Верую («Знаю я в яви вселенной...») 189
- «Весна не помнит осени дождливой...» 261
- «Весь мой напев — как бездны вечной ночи... (Бальмонту) 272
- «Весь преданный жару тоски ненасытной...» (Ночной пилигрим) 182
- «Весь смертный жар — от первых детских слез...» (Жертвенник) 198
- Вехи («Будто ломкий стебель в поле...») 169
- Вечер (I—II) 76
- Вечер в горах («Стелет, зыблет лунный прах...») 107
- Вечернее вино («Знаю цепи, помню крылья...») 110
- «Вечернее зарево меркнет, скудеет...» (Вечер. II) 76
- Вечерние песни (I—III) 60
- Вечерний дым («Аминь! Аминь! Закончен круг дневной...») 93
- Вечерняя заря («Полоска дня все уже, уже...») 159
- Вечерняя песня («В вечерней мгле, у берега глухого...») 71
- Вечерняя песня («Входит под сирую кровлю...») 144
- Вечерняя песня («Желтеет колос — пробил срок!...») 116

- Вечерняя песня (Полдневный лен и розы отцвели...) 184
 Вечерняя песня («Скользнул закат по высям отдаленным...») 183
- Вешние струны («Раскрылся к цвету хмурый север...») 223
 «Вещей полночной порой...» (Alea jacta est) 240
- Видение («Мелькает некий Храм святой...») 114
 Видение вечера («Зыбля дым свой сизый...») 203
 Видение полудня («Была пора борьбы и крови...») 172
- Villa La Tour («Люблю я этот домик с садом...») 242
 «Витязь Тайной Дали...» (Мой щит) 167
- Вифлеемская звезда («Дитя судьбы, свой долг исполни...») 154
- «Вначале был лишь сон весенний...» (Древнее сказание) 103
 «Вновь, вновь зажегся в должный срок...» 248
 «Вновь День свершил свой пестрый круг...» 241
 «Вновь у неизвестного порога...» 228
- Возврат («Брожу опять по старым ступеням...») 122
 Восхождение («Плетусь один безлюдным перевалом...») 104
 «Вот вновь нам знак, вот вновь зарницы...» (Предчувствие) 271
- «Вперед, вперед, мой бедный конь...» (В пути) 67
 «Все в смертной доле двойственно...» (Отторженность) 47
 «Все мы с проклятием бродим...» (Приближение) 151
 «Все строже мыслю я, вникая...» (Раздумье) 200
 «Все тот же холм... Все тот же замок с башней...» (Taedium vitae) 51
- «Все, что трепещет иль дремлет...» (Ныне и присно) 101
 «Вскрывались дни, часы цвели...» (Межой земли) 200
 «Вся мысль моя — тоска по тайне звездной...» 30
 «Вся явь земли живому Богу...» (Письмо. I) 216
 «Входит под сирую кровлю...» (Вечерняя песня) 144
 «Вырыты извиристо русла бытия...» (Песня) 48
 «Высился, в славе созвучий...» (Колокол) 109
 «Вьется аллея...» (Аллея) 150
- Вячеславу Иванову в Красной Поляне (I—III) 266

- Горная тропа («Лишь высь и глубь!.. Лишь даль кругом...
Напрасно...») 111
- «Грохот мига... Тишь столетий...» 238
- [Два стихотворения] 231
- Deo ignoto («Жертву живую ведут к алтарю...») 129
- Дерево («Тянутся ветви к области горней...») 119
- Детские страхи («В нашем доме нет затишья...») 54
- «Дитя судьбы, свой долг исполни...» (Вифлеемская звезда)
154
- «Длятся — тлеют глухо...» 240
- Дневное сияние («В полдневный час, целуя алчно землю...»)
115
- «Долго время в Замке Страха...» (Замок Страха) 155
- «Долго-долго время длилось...» (Сизиф) 66
- Древнее сказание («Вначале был лишь сон весенний...»)
103
- «Древним плугом поле взрыто... (Сеятель) 143
- Дробление («Как бы ни цвел неизмеримо...») 142
- «Дрогнул и грянул безбрежно...» (1-е марта) 264
- Духу живому — ныне и присно («Есть жизнь и смерть лишь
в мнимых гранях праха...») 225
- Дым («В древнем храме Жертвы вечной...») 121
- «Дымно тает берег плоский...» (Ave Stella Maris) 42
- «Дышат бездной сумерки и зори...» 239
- «Дышит полночь тенью жуткой...» (Ночная тишь) 135
- «Едва колебля пламя жизни пленной...» (Час обыкновенный)
191
- «...Едва они уйдут, борцы и властелины...» (Отрывок, напи-
санный после встречи с умирающим Ибсенем) 255
- «Есть в этом зове весть живая...» (Письмо. III) 217
- «Есть волшебные улыбки...» 233
- «Есть жизнь и смерть лишь в мнимых гранях праха...» (Духу
живому — ныне и присно) 225
- «Есть некое святое принужденье...» 268

- «Есть среди грез одиноких одна...» (Песня) 55
 «Есть трещина в стене тюрьмы моей...» (Трещина) 75
 «Еще есть церковь возле парка...» (Село Ильинское. II) 206
- «Жар снов людских — как маков цвет...» (Раздумье) 194
 «Желтеет колос — пробил срок!..» (Вечерняя песня) 116
 Жертвенник («Весь смертный жар — от первых детских слез...»). 198
 «Жертву живую ведут к алтарю...» (Deo ignoto) 129
 «Живой тоске не нужно больше слез...» (Памяти А. Н. Скрябина) 265
 «Живую душу всюду ждет...» (La gaja sciensa. I) 36
 «Жизнь кого не озадачит...» (Раздумье) 50
 «Жизнь мельницы в движенье вихрь приводит...» (Раздумье) 127
- «За древнюю Прялкой с куделью косматой...» (Прялка) 161
 За круг земной («В тиши ли гор пространство озираю...») 153
 Забвение («Смыкая две ели...») 117
 «Забвенья, забвенья! Всей малости крова!..» (Молитва) 105
 Замок Страха («Долго время в Замке Страха...») 155
 Заповедь скорби («Когда пред часом сердце наго...») 221
 «Запылала заря перед шествием дня!..» (Утренние песни. I) 31
 «Затмила полночь тайну яви...» (Ночью) 158
 «Зачем, мой Рок, для жизни брэнной...» 246
 «Звездным миром ночь дохнула...» (Вечерние песни. III) 62
 «Здесь все тоскующее знанье...» (Письмо. II) 217
 «Здесь — лишь грохот, хаос, зной...» 227
 Зимнее раздумье («Сквозь тишь зимы трудна дорога к маю...») 178
 Зимняя дорога («Кончил в даях Бога...») 118
 «Знак неразгаданного рока...» (Новогоднее видение) 250
 «Знанье людское странно расчислено...» (Раздумье) 162
 «Знаю цепи, помню крылья...» (Вечернее вино) 110
 Знаю я в яви вселенной... (Верую) 189
 Зодчий («Своенравным Зодчим сложен...») 92

- Зодчим Нови («В день чуда в русском бездорожьи...») 214
 «Зыбля дым свой сизый...» (Видение вечера) 203
 «Зычно и скорбно, удар за ударом...» (Колокол) 86
- «И в сердце, как в море, — прилив и отлив...» (Раздумье) 57
 «И как не веровать смиренно...» (Вячеславу Иванову в Красной Поляне. II) 267
 «Из лунных снов я тку свой зыбкий миг...» (Лунные крылья) 132
- Из тени в свет («То опьяненный синевой...») 159
 «Из храма гор, из сонной мглы лесной...» (Черное озеро) 53
 «Изведав тишь, познав тревогу...» (Песня) 234
 «Искрятся мгновенья...» (Утром) 149
 «Истекает срок за сроком...» (Раздумье) 141
- «Как бы все те же дни и зори...» 246
 «Как бы ни цвел неизмеримо...» (Дробление) 142
 «Как в мой разум беспокойный...» (Тополь) 133
 «Как водопад, дробящийся о скалы...» 258
 «Как дымный вечер, скорбен я...» (Элегия) 94
 «Как Молот, вскинутый судьбой...» (Полночь) 96
 «Как привольно, протяжно и влажно...» (На берегу) 78
 «Как раздумье в сердце мирном...» (Аккорды) 35
 «Как снег, повторен цвет полей...» 243
 «Как срок дан искре, срок — волне...» 185
 «Как трудно высказать — нелживо...» (Два стихотворения. I) 231
- Карусель («В час пустынный, в час метели...») 131
 «Кланяйся, смертный, дневной синеве!..» (Призыв) 137
 «Когда в твоей слепой дороге...» 245
 «Когда, дрожа, я мерю зачастую...» (Надпись А. А. Альвингу) 263
- «Когда пред часом сердце наго...» (Заповедь скорби) 221
 «Когда твой час в земной тени...» 229
- Колокол («Высился, в славе созвучий...») 109
 Колокол («Зычно и скорбно, удар за ударом...») 86
 Комары («Пляшет в меркнувшем пожаре...») 152

- Come le onde («Цветет восторг, как вал. Как вал...») 171
 «Кончая день, в вечернем свете...» (Поклонение Земле) 44
 «Кончил в даях Бога...» (Зимняя дорога) 118
 Кормчий («В ярости бурь, в океане...») 120
 Красный Звон (Светлая Заутреня. — Зодчим Нови) 213
 Круг вековечный («Близится ночь к рассвету...») 106
 «Кругом весь день стояла тишина...» (Отчаяние) 84
 «Кто жрец? И кто — огонь суровый?.. (Вячеславу Иванову
 в Красной Поляне. III) 267
 «Кто мерой мига сердце мерит...» (Раздумье) 180
 Кузнец («Кузнец упорный, что куешь?..») 212
- La gaja scienza (I—II) 36
 Лесной водопад («Пробил час зеркальной глади...») 175
 «Лишь высь и глубь!.. Лишь даль кругом... Напрасно...»
 (Горная тропа) 111
 «Лишь тот средь звезд венчает землю...» 204
 «Луг желтеет — сад роняет...» (Синева) 147
 Лунная соната («Ночные дали в лунном свете...») 74
 Лунные крылья («Из лунных снов я тку свой зыбкий миг...») 132
 «Люблю средь леса, в час осенний...» (Осенняя песня) 136
 «Люблю я этот домик с садом...» (Villa La Tour) 242
- Marcia egoica («В снежной пустыне, при бледной луне...») 89
 Маятник («В тягостном сумраке ночи немой...») 97
 Межой земли («Вскрывались дни, часы цвели...») 200
 «Мелькает некий Храм святой...» (Видение) 114
 Метель. Отрывок («Чу! Ширь глухая вдруг завывала..») 219
 «Миг мелькает — день плывет...» (Раздумье) 41
 «Миг торопит, час неволит...» 179
 «Мне голос был средь смертной яви...» 231
 «Мне чудятся дали ночные...» (Предчувствие) 58
 «Мне шепчет Ночь в тиши унылой...» (В ночном пути) 233
 «Мой день певуче-безмятежен...» (Беспечность) 39
 Мой сад («Мой тайный сад, мой тихий сад...») 49
 «Мой светлый храм — в безбрежности...» (Мой храм) 34

- «Мой тайный сад, мой тихий сад...» (Мой сад) 49
 Мой храм («Мой светлый храм — в безбрежности...») 34
 Мой щит («Витязь Тайной Дали...») 167
 «Молись в ночи без плача о заре...» 235
 Молитва («Забвенья, забвенья! Всей малости крова!..») 105
 «Молкнувший вечер во мгле...» 246
 Молот («Падает с лязгом Молот стальной...») 201
 «Молчанье! Забвенье без срока...» (Silenzio) 70
 Море и капля («Море и капля, как колос и цвет...») 199
 Мощь малости («Мыслю все чаще...») 108
 «Мы — туманные ступени...» (Ступени) 52
 «Мысль в разлуке с вещим сном...» (Элегия) 88
 «Мыслю все чаще... (Мощь малости) 108
- На берегу («Как привольно, протяжно и влажно...») 78
 На берегу («Средь пенья волн, в часы их зова...») 177
 На отмели («Божий мир для нас — как море...») 59
 На поле Ватерло («Склонись с тоскою всякое чело...») 91
 На пороге ночи («В вечерней мгле теряется земля...») 77
 «На свете так много простора...» (Раздумье) 65
 На улице («Стою один на перекрестке...») 145
 «Над докучной серой тканью...» (Ткач) 85
 [Надпись А. А. Альвингу] («Когда, дрожа, я мерю зачас-
 тую...») 263
 Напутствие («В глухом кругу пустынных дней...») 187
 Напутствие («В свой темный путь иди без страха...») 197
 «Нарядно выстлав дол, взбегая на холмы...» 255
 «Нас в мире ждет великое алканье...» (Алканье) 68
 «Наши севы, наши всходы...» 262
 «Не быстрее ног ходули...» (Песня юродивого) 249
 «Не меркнет солнце в смертном бытии...» 237
 «Не называй далекой бездной...» 211
 «Немая грусть все беспредельней...» (Pelegrinaggio alla Ma-
 donna dei Monti) 263
 «Немного пестрых красок надо...» (Село Ильинское. I) 205
 «Нисходит свет Преображенья...» (Красный Звон. Светлая
 Заутреня) 213

- «Но есть и час иной напасти...» (Два стихотворения. II) 232
 «Но полно мудрствовать лукаво...» (Письмо. IV) 218
 Новогоднее видение («Знак неразгаданного рока...») 250
 Nocturne («Час полночный... Миг неясный...») 94
 Noli tangere circulos meos («Слышу, слышу гул нестройный!...») 43
- Ночная песня («Раскинуло свой звездный невод Время...») 229
 Ночная тишь («Дышит полночь тенью жуткой...») 135
 Ночной пилигрим («Весь преданный жару тоски ненасытной...») 182
 «Ночные дали в лунном свете...» (Лунная соната) 74
 Ночные крылья («Бьет полночь... Лишь ветер угрюмый...») 79
 Ночью («Затмила полночь тайну яви...») 158
 Ночью («Чутко спят тополя... Онемели поля...») 45
 Ныне и присно («Все, что трепещет иль дремлет...») 101
- Огненный невод («Учись у пламени живого...») 192
 «Одинокó пробегает в поле пыльная тропа...» (Аккорды) 259
 Одиночество («Среди людей, я средь — чужих...») 87
 «Он жил средь нас, тая в груди горячей...» (Памяти Александра Цатуриана) 215
 «Она теперь в глубоких ранах...» (Село Ильинское. IV) 207
 «Опять, венчая круг суровый...» (Аминь) 163
 Осенняя песня («Люблю средь леса, в час осенний...») 136
 Осенняя песня («С молитвой Солнцу встретил я зарю...») 239
 Осенью («Брожу один усталым шагом...») 69
 «Открылось солнце бытию...» (Сон о сне) 269
 Отрывок, написанный после встречи с умирающим Ибсеном («...Едва они уйдут, борцы и властелины...») 255
 Отторженность («Все в смертной доле двойственно...») 47
 Отчаяние («Кругом весь день стояла тишина...») 84
 Отчизна («Я родился в далекой стране...») 72
- «Падает с лязгом Молот стальной...» (Молот) 201
 Памяти А. И. Герцена («Велик был в жизни клич его громовый...») 270

- Памяти А. Н. Скрябина («Живой тоске не нужно больше слез...») 265
- Памяти Александра Цатуриана («Он жил среди нас, тая в груди горячей...») 215
- Pelegrinaggio alla Madonna dei Monti («Немая грусть все беспредельней...») 263
- 1-е марта («Дрогнул и грянул безбрежно...») 264
- Перевал («Пока наш день и светел и росист...») 256
- «Передо мной все тот же шум глухой...» 254
- Песня («Вырыты извилисто русла бытия...») 48
- Песня («Есть среди грез одиноких одна...») 55
- Песня («Изведав тишь, познав тревогу...») 234
- Песня юродивого («Не быстрее ног ходули...») 249
- Песочные часы («Текут, текут песчинки...») 126
- Письмо (I—IV) 216
- «Плетусь один безлюдным перевалом...» (Восхождение) 104
- «Плывут, дымятся облака...» (Поздние думы) 73
- «Пляшет в меркнушем пожаре...» (Комары) 152
- «По высям снегами увенчанных гор...» (Альпийский пастух) 100
- «По праху, в смертную обитель...» 230
- «Под сонное пенье фাগота...» (Valse triste) 82
- «Подаждь мне, Боже Всемогущий...» (При покупке новых очков) 248
- «Подходит сумрак, в мире все сливая...» (Вечер. I) 76
- Поздние думы («Плывут, дымятся облака...») 73
- «Пока наш день и светел и росист...» (Перевал) 256
- «Пока ты весь средь славы горной...» (Вячеславу Иванову в Красной Поляне. I). 266
- Поклонение Земле («Кончая день, в вечернем свете...») 44
- Полдень («Полдень... Меры нет простору!..») 40
- «Полдень ранит, полночь лечит...» 235
- «Полдневный лен и розы отцвели...» (Вечерняя песня) 184
- Полночный парус («В полночный час, в моем уме холодном...») 174
- Полночь («Как Молот, вскинутый судьбой...») 96
- «Полоска дня все уже, уже...» (Вечерняя заря) 159

- «Пора признать! Не путь от тризы к тризне...» (Предчувствие) 176
- Поэту («Ты в жизни был на высях гор...») 247
- «Прахом распались оковы...» (Привет Родине) 264
- «Предвижу разумом крушенье...» 181
- Предчувствие («Вот вновь нам знак, вот вновь зарницы...») 271
- Предчувствие («Мне чудятся дали ночные...») 58
- Предчувствие («Пора признать! Не путь от тризы к тризне...») 176
- При покупке новых очков («Покаждь мне, Боже Всемогущий...») 248
- Приближение («Все мы с проклятием бродим...») 151
- Приближение («Угрюмы скал решенные отвесы...») 64
- Привет Италии («В седых веках шумели воды Тибра...») 223
- Привет Родине («Прахом распались оковы...») 264
- Призыв («Кланяйся, смертный, дневной синеве!...») 137
- Призыв («Сквозь пыль и дым, и шум и звон...») 113
- «Пробил час зеркальной глади...» (Лесной водопад) 175
- Пробуждение («Светает близь... Чуть дышит даль, светая...») 139
- «Простор! Раздолье дикое!...» (В горах) 38
- «Проходит день, и глухо сердце бьется...» (Раздумье) 156
- «Проходит жизнь в томлении и страхе...» (Черное солнце) 90
- Прялка («За древнюю Прялкой с куделью косматой...») 161
- «Пусто, пусто в старом парке...» (В парке) 69
- «Пустыни, дебри — дни и дни...» 241
- Путь к синеве («В рассветную пору, сулившую ведро...») 137
- Раздумье («Все строже мыслю я, вникая...») 200
- Раздумье («Жар снов людских — как маков цвет...») 194
- Раздумье («Жизнь кого не озадачит...») 50
- Раздумье («Жизнь мельницы в движенье вихрь приводит...») 127
- Раздумье («Знанье людское странно расчислено...») 162
- Раздумье («И в сердце, как в море, — прилив и отлив...») 57
- Раздумье («Истекает срок за сроком...») 141

- Раздумье («Кто мерой мига сердце мерит...») 180
 Раздумье («Миг мелькает — день плывет...») 41
 Раздумье («На свете так много простора...») 65
 Раздумье («Проходит день, и глухо сердце бьется...») 156
 Раздумье («Своеволен в вечной смене жребий дня...») 168
 Раздумье («Средь шума дня все чаще знаю...») 170
 Раздумье («Ты принял крест земного ига...») 193
 Раздумье («Цвети, душа, пока не сжаты...») 222
 «Раскинуло свой звездный невод Время...» (Ночная песня) 229
 «Раскрылась ночь своей великой тьмой...» 226
 «Раскрылся к цвету хмурый север...» (Вешние струны) 223
 «Рассветные волны качают ладью...» (Утренние песни. IV) 33
 Рыбаки («В радостной силе, в утреннем свете...») 148

 «С верой в груди упорной...» 236
 «С молитвой Солнцу встретил я зарю...» (Осенняя песня) 239
 «Светает близь... Чуть дышит даль, светая...» (Пробуждение) 139
 Светлая Заутреня («Нисходит свет Преображенья...») 213
 «Своеволен в вечной смене жребий дня...» (Раздумье) 168
 «Своенравным Зодчим сложен...» (Зодчий) 92
 Село Ильинское. Отрывок (I—IV) 205
 «Сердце, миг от вечности наследуй...» 245
 Сеятель («Древним плугом поле взрыто...») 143
 Сизиф («Долго-долго время длилось...») 66
 Silenzio («Молчанье! Забвенье без срока...») 70
 Синева («Луг желтеет — сад роняет...») 147
 Сиротство («Я в беге часа не один...») 83
 Сказка («У людской дороги, в темный прах и ил...») 220
 «Сквозь пыль и дым, и шум и звон...» (Призыв) 113
 «Сквозь тишь зимы трудна дорога к маю...» (Зимнее раздумье) 170
 «Склонись с тоскою всякое чело...» (На поле Ватерло) 91
 «Скользнул закат по высям отдаленным...» (Вечерняя песня) 183

- «Слава солнцу, честь земле...» 237
 «Сладко с годами смертную нить...» (Солнечные крылья) 176
 «Сладко часу звездно цвезть!...» 247
 «Случайны сны и пыл ума...» (Элегия) 173
 «Слышу, слышу гул нестройный!...» (Noli tangere circulos
 meos) 43
 «Смыкая две ели...» (Забвение) 117
 Солнечные крылья («Сладко с годами смертную нить...») 176
 Сон о сне («Открылось солнце бытию...») 269
 «Спят вечные горы... И немые...» (В горах) 128
 «Среди людей, я средь — чужих...» (Одиночество) 87
 «Средь бега дней моих порой...» 247
 «Средь пеня волн, в часы их зова...» (На берегу) 177
 «Средь шума дня все чаще знаю...» (Раздумье) 170
 «Средь яви пепла и огня...» 196
 «Стелет, зыблет лунный прах...» (Вечер в горах) 107
 «Стою один на перекрестке...» (На улице) 145
 Ступени («Мы — туманные ступени...») 52
 «Стучись, упорствуя, Кирка...» 209

Taedium vitae («Все тот же холм... Все тот же замок с башней...») 51

- «Таков закон судьбы суровой...» 228
 «Таков убогий мир, в котором...» (Село Ильинское. III) 207
 «Твой знак пред жизнью — вереск гор...» 262
 «Текут, текут песчинки...» (Песочные часы) 126
 «Тихо пело время... В мире ночь была...» (Бедная сказка) 81
 «Тишь... Безмолвие лесное...» (В лесу) 34
 Ткач («Над докучной серой тканью...») 85
 «То опьяненный синевою...» (Из тени в свет) 159
 «Только грани и оковы...» 246
 Тополь («Как в мой разум беспокойный...») 133
 Трещина («Есть трещина в стене тюрьмы моей...») 75
 «Ты в жизни был на высях гор...» (Поэту) 247
 «Ты все ходишь, маятник железный...» (Часы с кукушкой) 244
 «Ты принял крест земного ига...» (Раздумье) 193
 «Тянутся ветви к области горней...» (Дерево) 119

- «У входа в храм венец из терний...» (Фейерверк) 134
«У людской дороги, в темный прах и ил...» (Сказка) 220
«Уводит душу час в тени...» (Элегия) 180
«Угрюмы скал решенные отвесы...» (Приближение) 64
«Уже в долинах дрогнул трепет томный...» 260
«Уже вечереет... Спустился туман...» 254
Умершему другу («Был колокол на башне, в храме веш-
нем...») 208
Утренние песни (I—II, IV) 31
Утром («Искрятся мгновенья...») 149
«Учись у пламени живого...» (Огненный невод) 192
- Фейерверк («У входа в храм венец из терний...») 134
- Хвала рабам («В борьбе веков велик ваш долг суровый...») 195
- «Цветам былого нет забвенья...» 251
«Цветет восторг, как вал. Как вал...» (Come le onde) 171
«Цвети, душа, пока не сжаты...» (Раздумье) 222
Цветок («Цветок случайный, полевой...») 40
- «Час изменил — цветы солгали...» 202
«Час — как легкая стрела...» (Быстротечность) 123
Час обыкновенный («Едва колебля пламя жизни пленной...») 191
«Час покоя! Стелет тени...» (Вечерние песни. II) 61
«Час полночный... Миг неясный...» (Nocturne) 94
Часы с кукушкой («Ты все ходишь, маятник железный...») 244
«Чем больше в мире я живу...» 271
Чередую («Я светлой доли знал немало...») 157
Черное озеро («Из храма гор, из сонной мглы лесной...») 53
Черное солнце («Проходит жизнь в темлении и страхе...») 90
«Чу! Ширь глухая вдруг завывала!...» (Метель) 219

- Чудом Тени («Чуть внятно дышит вечер поздний...») 188
«Чутко спят тополя... Онемели поля...» (Ночью) 45
«Чуть внятно дышит вечер поздний...» (Чудом Тени) 188
- Элегия («Как дымный вечер, скорбен я...») 94
Элегия («Мысль в разлуке с вещим сном...») 88
Элегия («Случайны сны и пыл ума...») 173
Элегия («Уводит душу час в тени...») 180
- «Я в беге часа не один...» (Сиротство) 83
«Я в жизни верую в значенье...» (Безмолвие) 221
«Я видел надпись на скале...» 259
«Я гордо мудрствовал когда-то...» 219
«Я родился в далекой стране...» (Отчизна) 72
«Я светлой доли знал немало...» (Чередой) 157
«Я светлый оникс — я лежу в земле...» 258

СОДЕРЖАНИЕ

«... Когда думаешь о судьбе Юргиса Балтрушайтиса...»	
А. Турков	5
Земные Ступени	29
Горная Тропа	99
Лилия и Серп	165
Из несобранного и неопубликованного	253
Примечания	273
Алфавитный указатель стихотворений	303

Балтрушайтис Ю.

Б20 Дерево в огне: Стихи /Сост. и примеч. [с. 273—277] Ю. Тумялиса; [Вступит. ст., с. 5—28, А. Туркова].— Изд. 2-е. — Вильнюс: Vaga, 1983.— 319 с.

Алф. указатель стихотворений: с. 303—318.

В книге собраны написанные Ю. Балтрушайтисом (1873—1944) на русском языке стихи из книг «Земные Ступени» (1911), «Горная Тропа» (1912), «Лилия и Серп» (1948), периодики и рукописей поэта.

Б $\frac{4702010200-051}{M 852(08)-83}$ Зак. — 82

ББК 84Лп1
Л1

Юргис Балтрушайтис

ДЕРЕВО В ОГНЕ

СТИХИ

ИБ № 3308

Редактор В. Коновалов
Художник С. Шаркинас
Худ. редактор С. Хлебинская
Техн. редактор Э. Юзенене
Корректор Г. Бальчюнене

Сдано в набор 30.09.1982. Подписано к печати 27.05.1983. Издательский № 10676. Типографская бумага № 1. Формат 70×100¹/₃₂. Гарнитура «Балтика» 10 п. Высокая печать. 13 печ. л. 13,2 усл. кр.-отг. 10,7 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1315. Цена 1 руб. 10 коп.

Издательство «Вага», 232600, Вильнюс, пр. Ленина 50. Напечатано в типографии К. Пожелы, 233000, Каунас, ул. Гедимино 10

1 руб. 10 коп.